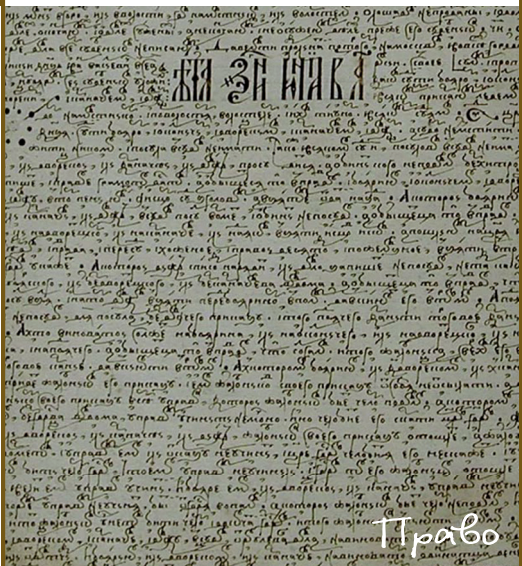

НАУЧНАЯ МЫСЛЬ

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ФОКУСЕ ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ НАУКИ

(к 470-летию принятия Судебника 1550 г.)

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

**СИСТЕМАТИЗАЦИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В ФОКУСЕ ИСТОРИКО-
ПРАВОВОЙ НАУКИ**

(К 470-ЛЕТИЮ ПРИНЯТИЯ СУДЕБНИКА 1550 Г.)

Сборник научных трудов

Под общей редакцией
Д.А. Пашенцева

Москва
ИНФРА-М
2021

УДК [340.13+93/94](470+571)
ББК 67.3(2Рос)
С40

*Рекомендовано секцией публичного права ученого совета
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации*

Рецензенты:

Ковлер А.И., заведующий отделом научного обеспечения деятельности секретариата делегации Российской Федерации в Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Михайлова Н.В., профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

С40   Систематизация законодательства в фокусе историко-правовой науки (к 470-летию принятия Судебника 1550 г.) : сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. — Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2021. — 250 с.

ISBN 978-5-16-017013-8 (ИНФРА-М)

В сборнике представлены материалы выступлений участников Второй Всероссийской научной конференции с международным участием, приуроченной к 470-летию принятия Судебника 1550 г., прошедшей в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации 13 мая 2020 г.

Конференция объединила ученых из Воронежа, Калининграда, Курска, Москвы, Омска, Рязани, Санкт-Петербурга, Ставрополя, Твери, Хабаровска, других регионов России, а также из стран ближнего и дальнего зарубежья. В докладах подчеркивались главные особенности Судебника как памятника русского права, отмечалось умелое сочетание в нем новаторства и консерватизма, обсуждались историко-правовые, общетеоретические и современные отраслевые проблемы систематизации российского законодательства.

Для историков отечественного права, ученых-правоведов, аспирантов и студентов, а также для всех интересующихся вопросами систематизации законодательства и развития источников права.

УДК [340.13+93/94] (470+571)
ББК 67.3(2Рос)

© Институт законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской
Федерации, 2021

ISBN 978-5-16-017013-8 (ИНФРА-М)

The Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation

**SYSTEMATIZATION
OF LEGISLATION
IN THE FOCUS OF HISTORICAL
AND LEGAL SCIENCE**
**(TO THE 470TH ANNIVERSARY OF THE ADOPTION
OF THE JUDICIAL CODE OF 1550)**

Collection of scientific articles

Edited by
D.A. Pashentsev

Moscow
INFRA-M

*Recommended by the Public Law Section of the Academic Council of the Institute
of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation*

Reviewers:

A.I. Kovler, head of the scientific support department of the secretariat of the Delegation of the Russian Federation to the European Commission for Democracy through Law (Venice Commission) of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, doctor of law, professor, honoured lawyer of the Russian Federation;

N.V. Mikhailova, professor of the department of state history and law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, doctor of law, professor, honored worker of the higher school of the Russian Federation

Systematization of legislation in the focus of historical and legal science (to the 470th anniversary of the adoption of the Judicial Code of 1550) : collection of scientific articles / edited by D.A. Pashentsev. — Moscow : The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M. — 250 p.

ISBN 978-5-16-017013-8 (INFRA-M)

The collection presents the materials of the speeches of the participants of the Second All-Russian Scientific Conference with International Participation, dedicated to the 470th anniversary of the adoption of the Judicial Code of 1550 and held at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation on May 13, 2020.

The conference brought together scientists from Voronezh, Kaliningrad, Kursk, Moscow, Omsk, Ryazan, St. Petersburg, Stavropol, Tver, Khabarovsk, and other regions of Russia, as well as from countries near and far abroad. Most of the speeches emphasized the main features of the Judicial Book as a monument of Russian law, noted the skillful combination of innovation and conservatism in it, discussed historical and legal, general theoretical and modern branch problems of systematization of Russian legislation.

The articles presented in the collection will be of interest to historians of Russian law, legal scholars, practicing lawyers, postgraduates and students, as well as to anyone interested in the systematization of legislation and the development of sources of law.

© The Institute of Legislation and
Comparative Law under the Government
of the Russian Federation, 2021

ISBN 978-5-16-017013-8 (INFRA-M)

Коллектив авторов

Хабриева Талия Ярулловна — директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, заместитель президента Российской академии наук, член Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии Совета Европы), академик Российской академии наук, действительный член Международной академии сравнительного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный юрист Республики Татарстан

Абдиева Даткайым Акылбековна — младший научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Алексеева Наталья Ивановна — доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент

Балковая Валентина Григорьевна — заведующий кафедрой теории и истории государства и права Владивостокского филиала Российской таможенной академии, доктор юридических наук, доцент

Баранова Марина Владимировна — профессор кафедры трудового и экологического права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор

Бочкарев Сергей Вадимович — доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, кандидат юридических наук, доцент

Долакова Макка Исрапиловна — доцент кафедры антропологии и этнографии Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат исторических наук, доцент

Дорская Александра Андреевна — заместитель директора по научной работе Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного

правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Ермакова Ксения Петровна — старший научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

Закатов Александр Николаевич — директор Канцелярии Российского Императорского Дома, кандидат исторических наук, доцент

Залоило Максим Викторович — ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

Иванова Светлана Анатольевна — профессор Департамента правового обеспечения экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Иванюк Оксана Александровна — старший научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

Игнатьева Марина Валерьевна — доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, кандидат юридических наук, доцент

Ильина Ольга Юрьевна — декан юридического факультета Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Климова Наталья Александровна — заместитель директора школы № 1293 (г. Москва), кандидат исторических наук

Коваленко Ксения Евгеньевна — доцент Алтайского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Коваленко Наталья Евгеньевна — соискатель Алтайского государственного университета

Кораблин Константин Климентьевич — профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Тихоокеанского государственного университета, кандидат юридических наук, профессор

Крупеня Елена Михайловна — доцент кафедры теории и истории государства и права Московского городского педагогического университета, доктор юридических наук, доцент

Кущова Ольга Борисовна — доцент кафедры трудового и экологического права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент

Павлова Светлана Викторовна — доцент кафедры теории и истории государства и права Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, кандидат юридических наук

Пашенцев Дмитрий Алексеевич — заведующий отделом теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Петрякова Антонина Васильевна — старший преподаватель Московского финансово-юридического университета, судья в отставке

Рогачев Максим Александрович — аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Савичев Алексей Аркадьевич — соискатель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Семькина Ольга Ивановна — старший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

Соколов Александр Станиславович — заведующий кафедрой истории, философии и права Рязанского государственного радиотехнического университета имени В.Ф. Уткина, доктор исторических наук, доцент

Степанов Михаил Михайлович — доцент кафедры государственного права, общеправовых и социально-гуманитарных дисциплин Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

Турапин Владислав Юрьевич — заведующий кафедрой теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор юридических наук, профессор

Хацина Эллина Эдуардовна — старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Курского государственного университета, кандидат юридических наук

Черногор Николай Николаевич — заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при

Правительстве Российской Федерации, профессор Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор

Чернявский Александр Геннадьевич — ученый секретарь Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела, доктор юридических наук, профессор

Чинарян Елена Олеговна — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Российского государственного социального университета, кандидат юридических наук

Шатковская Татьяна Владимировна — профессор кафедры теории и истории права и государства Южно-Российского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор кафедры гражданского права Ростовского государственного экономического университета, доктор юридических наук, доцент

Яшук Татьяна Федоровна — заведующий кафедрой теории и истории государства и права Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, доктор юридических наук, профессор

Collective of authors

Khabrieva T.Y. — director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, deputy president of Russian Academy of Sciences, member of the European Commission for Democracy through Law (Venice Commission of the Council of Europe), member of the Russian Academy of Sciences, member of the International Academy of Comparative Law (Paris), doctor of law, professor, honoured science worker of the Russian Federation, honored lawyer of the Russian Federation, honored lawyer of the Republic of Tatarstan

Abdieva D.A. — junior researcher of the department of legal theory and interdisciplinary studies of legislation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Alekseyeva N.I. — associate professor of the department of general theoretical legal disciplines of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, candidate of legal sciences, associate professor

Balkovaya V.G. — head of the department of theory and history of state and law of the Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy

Baranova M.V. — professor of the department of labor and environmental law of the Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, doctor of law, professor

Bochkarev S.V. — associate professor of the department of international law of the Herzen State Pedagogical University, candidate of law, associate professor

Dolakova M.I. — associate professor of the department of anthropology and ethnography of Kazan Federal University, candidate of historical sciences, associate professor

Dorskaya A.A. — deputy director for research of the North-Western branch of the Russian State University of Justice, head of the department of general theoretical legal disciplines, chief researcher of the department of legal theory and interdisciplinary research of legislation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, doctor of law, professor

Ermakova K.P. — senior researcher of the department of legal theory and interdisciplinary studies of legislation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, candidate of law

Zakatov A.N. — director of the Chancery of the Russian Imperial House, candidate of historical sciences, associate professor

Zaloilo M.V. — leading researcher of the department of legal theory and interdisciplinary research of legislation at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, candidate of law

Ivanova S.A. — professor of the Department of legal support of economic relations of the Financial University under the Government of the Russian Federation, doctor of law, professor

Ivanyuk O.A. — senior research associate of the department of legal theory and interdisciplinary research of legislation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, candidate of law

Ignatieva M.V. — associate professor of the department of international law of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, candidate of law, associate professor

Ilyina O.Ju. — dean of the faculty of law of Tver State University, doctor of law, professor

Klimova N.A. — deputy director of the State Educational Institution of Moscow School № 1293, candidate of historical sciences

Kovalenko K.E. — associate professor of the Altai State University, candidate of law, associate professor

Kovalenko N.E. — applicant of the Altai State University

Korablin K.K. — professor of the department of state and legal disciplines of the Pacific State University, candidate of law, professor

Krupenya E.M. — associate professor of the department of theory and history of state and law of the Moscow City Pedagogical University, doctor of law, associate professor

Kuptsova O.B. — associate professor of the department of labor and environmental law of the Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, candidate of law, associate professor

Pavlova S.V. — associate professor of the department of theory and history of state and law of the St. Petersburg State University named after A.S. Pushkin, candidate of law

Pashentsev D.A. — head of the department of legal theory and interdisciplinary research of legislation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, doctor of law, professor

Petryakova A.V. — senior lecturer at the Moscow University of Finance and Law, retired judge

Rogachev M.A. — post-graduate student of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Savichev A.A. — applicant of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Semykina O.I. — senior researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, candidate of law

Sokolov A.S. — head of the department of history, philosophy and law of the Ryazan State Radio Engineering University named after V.F. Utkin, doctor of historical sciences, associate professor

Stepanov M.M. — associate professor of the department of state studies, general legal and socio-humanitarian disciplines of the Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation, candidate of law, associate professor

Turanin V.Ju. — head of the department of theory and history of state and law of the Belgorod State National Research University, doctor of law, professor

Khashchina E.E. — senior lecturer of the department of constitutional and administrative law of Kursk State University, candidate of legal sciences

Chernogor N.N. — deputy director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, professor of the Russian Academy of Sciences, doctor of law, professor

Chernyavsky A.G. — scientific Secretary of the all-Russian Research Institute of Documentation and Archives, doctor of law, professor

Chinaryan E.O. — associate professor of the department of state and legal disciplines of the Russian State Social University, candidate of law

Shatkovskaya T.V. — professor of the department of theory and history of law and state of the South Russian Institute of Management-branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, professor of the department of civil law of the Rostov State University of Economics, doctor of law, associate professor

Yashchuk T.F. — head of the department of theory and history of state and law of Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, doctor of law, professor

Содержание

Коллектив авторов	7
ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ	18
Предисловие (<i>Т.Я. Хабриева</i>)	24
Раздел I. СУДЕБНИК 1550 ГОДА КАК ЮРИДИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ И ОБЩТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	27
Судебник 1550 года — памятник систематизации отечественного средневекового права (<i>Пашенцев Д.А.</i>)	27
Этапы становления исторической традиции в систематизации российского законодательства (<i>Ящук Т.Ф.</i>)	33
Кодификация российского права в конце XV — середине XVI века как способ укрепления центральной власти московских государей (<i>Шатковская Т.В.</i>)	41
Судебник 1550 года и Стоглав 1551 года: общее и особенное в систематизации светских и церковных норм (<i>Дорская А.А.</i>).....	51
Историко-правовой опыт Судебника 1550 года (теоретико-методологические аспекты) (<i>Крупеня Е.М.</i>)	56
Ценностное значение Судебника 1550 года для истории государства и права России (<i>Чернявский А.Г.</i>)	66
Укрепление правопорядка в период действия Судебника 1550 года (<i>Черногор Н.Н.</i>)	70
Ответственность за преступления против правосудия по Судебнику 1550 года (<i>Игнатьева М.В.</i>)	74
Реформирование светского и церковного суда по Судебнику 1550 года и Стоглаву 1551 года (<i>Алексеева Н.И.</i>)	79
Уставные таможенные грамоты в системе источников права Московского государства (<i>Балковая В.Г.</i>)	83
Юридикто-технические аспекты систематизации отечественного законодательства (период Московской Руси) (<i>Чинарян Е.О.</i>).....	91
Основные тенденции развития института наказания в виде лишения свободы в Судебнике 1550 года (<i>Кораблин К.К.</i>)	100
Утвержденная (Утверженная) Грамота Великого Собора 1613 года как источник права (<i>Закатов А.Н.</i>)	110
Раздел II. СУДЕБНИК 1550 ГОДА И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ОТРАСЛЕВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ОТ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННОСТИ	120
Судебники XV–XVII веков как основные источники процессуального права периода централизованного русского государства (<i>Хацина Э.Э.</i>).....	120
Ответственность за обманы «зеркала правосудия»: прецедентные нормы Судебника 1550 года в Соборном Уложении 1649 года (<i>Семыкина О.И.</i>).....	129
Первый Земский Собор как выражение национальной идеи (<i>Павлова С.В.</i>).....	139
Роль иностранных заимствований в развитии российского права (<i>Купцова О.Б.</i>)	145

Предпосылки систематизации законодательства Российской империи в первой половине XIX века (<i>Ермакова К.П., Рогачев М.А.</i>).....	154
Систематизация финансового законодательства Российской империи в XIX веке (<i>Долакова М.И.</i>).....	159
Систематизация законодательства о городском самоуправлении в Российской империи (<i>Савичев А.А.</i>).....	163
Систематизация законодательства о судоустройстве в период Великой судебной реформы 1864 года: учреждение судебных установлений (<i>Петрякова А.В.</i>).....	172
Особенности систематизации правовых норм в первые годы Советской власти (<i>Степанов М.М.</i>).....	177
Систематизация финансового законодательства в сфере сберегательного дела в СССР в послевоенный период (1946–1950 гг.) (<i>Соколов А.С.</i>).....	184
Способы систематизации юридических терминов в законотворческой деятельности (<i>Туранин В.Ю.</i>).....	189
Правосистематизационные тренды в современной доктрине и российском законодательстве (<i>Баранова М.В.</i>).....	195
Проблемные вопросы систематизации в условиях цифрового общества (на примерах в сфере предоставления коммунальных услуг) (<i>Иванова С.А.</i>).....	204
Цифровые механизмы систематизации законодательства (<i>Иванюк О.А.</i>).....	211
Систематизация «цифрового» правового массива: прогнозные сценарии и правовые модели (<i>Залоило М.В.</i>).....	217
Систематизация в публичных отраслях российского права в условиях цифровизации (<i>Абдиева Д.А.</i>).....	223
Траектории совершенствования Семейного кодекса Российской Федерации: обзор спустя четверть века (<i>Ильина О.Ю.</i>).....	228
Кодификация национальных проектов (<i>Коваленко К.Е., Коваленко Н.Е.</i>).....	236
Локальные нормативные акты образовательных организаций в системе правового регулирования образовательных отношений (<i>Климова Н.А.</i>).....	241
Проблемы систематизации французского законодательства: ретроспективный анализ (<i>Бочкарев С.В.</i>).....	245

Contents

Collective of authors	7
GREETINGS TO THE PARTICIPANTS OF CONFERENCE	18
PREFACE (<i>T.Y. Khabrieva</i>)	24
SECTION I. JUDICIAL CODE OF 1550 AS A LEGAL DOCUMENT: HISTORICAL, LEGAL AND GENERAL THEORETICAL ISSUES OF THE SYSTEMATIZATION OF LEGISLATION	27
Judicial Code of 1550 – a monument to the systematization of domestic medieval law (<i>Pashentsev D.A.</i>)	27
The stages of the formation of the historical tradition in the systematization of Russian legislation (<i>Yashchuk T.F.</i>)	33
Codification of Russian law at the end of the 15th – the middle of the 16th centuries as a way to strengthen the central power of the Moscow sovereigns (<i>Shatkovskaya T.V.</i>)	41
Judicial Code of 1550 and Stoglav of 1551: general and special in the systematization of secular and church norms (<i>Dorskaya A.A.</i>)	51
Historical and legal experience of the Judicial Code of 1550 (theoretical and methodological aspects) (<i>Krupenya E.M.</i>)	56
The value of the Judicial Code of 1550 for the history of the state and law of Russia (<i>Chernyavsky A.G.</i>)	66
Strengthening of the legal order during the period of validity of the Judicial Code of 1550 (<i>Chernogor N.N.</i>)	70
Responsibility for crimes against justice according to the Judicial Code of 1550 (<i>Ignatieva M.V.</i>)	74
Reforming of the secular and church court according to the Judicial Code of 1550 and Stoglav of 1551 (<i>Alekseeva N.I.</i>)	79
Statutory customs charters in the system of sources of law of the Moscow State (<i>Balkovaya V.G.</i>)	83
Legal and technical aspects of the systematization of domestic legislation (period of Muscovite Russia) (<i>Chinaryan E.O.</i>)	91
The main trends in the development of the institution of punishment in the form of imprisonment in the Judicial Code of 1550 (<i>Korablin K.K.</i>)	100
Approved Charter of the Great Council of 1613 as a source of law (<i>Zakatov A.N.</i>)	110
SECTION II. JUDICIAL CODE OF 1550 AND THE SYSTEMATIZATION OF BRANCH LEGISLATION: FROM HISTORY TO MODERNITY	120
Judicial Codes of the 15th – 17th centuries as the main sources of procedural law of the period of the centralized Russian state (<i>Khashchina E.E.</i>)	120
Responsibility for deception of the ‘Mirrors of Justice’: the precedent norms of the Judicial Code of 1550 in the Cathedral Code of 1649 (<i>Semykina O.I.</i>)	129
The First Zemsky Sobor as an expression of the national idea (<i>Pavlova S.V.</i>)	139
The role of foreign borrowings in the development of Russian law (<i>Kuptsova O.B.</i>)	147

Prerequisites of the systematization of the legislation of the Russian Empire in the first half of the 19th century (<i>Ermakova K.P., Rogachev M.A.</i>)	154
Systematization of the financial legislation of the Russian Empire in the 19th century (<i>Dolakova M.I.</i>)	159
Systematization of legislation on urban self-government in the Russian Empire (<i>Savichev A.A.</i>)	163
Systematization of legislation on the judicial system during the Great Judicial Reform of 1864: establishment of judicial regulations (<i>Petryakova A.V.</i>)	172
Features of the systematization of legal norms in the early years of Soviet state (<i>Stepanov M.M.</i>)	177
Systematization of financial legislation in the field of savings in the USSR in the post-war period (1946–1950) (<i>Sokolov A.S.</i>)	184
Methods of systematization of legal terms in law-making activity (<i>Turanin V.Ju.</i>)	189
Legal systematization trends in modern doctrine and Russian legislation (<i>Baranova M.V.</i>)	195
Problematic issues of systematization in a digital society (on example of communal services) (<i>Ivanova S.A.</i>)	204
Digital mechanisms of systematization of legislation (<i>Ivanyuk O.A.</i>)	211
Systematization of the 'digital' legal array: predictive scenarios and legal models (<i>Zaloilo M.V.</i>)	217
Systematization in the public branches of Russian law in the context of digitalization (<i>Abdieva D.A.</i>)	223
Trajectories of improvement of the Family Code of the Russian Federation: a review after a quarter of a century (<i>Ilyina O.Ju.</i>)	228
Codification of national projects (<i>Kovalenko K.E., Kovalenko N.E.</i>)	236
Local normative acts of educational organizations in the system of legal regulation of educational relations (<i>Klimova N.A.</i>)	241
Problems of systematization of French legislation: a retrospective analysis (<i>Bochkarev S.V.</i>)	245

ПРИВЕТСТВИЕ

**Главы Российского Императорского Дома
Е.И.В. Государыни Великой Княгини Марии Владимировны
организаторам и участникам
II Всероссийской научной конференции
«Систематизация законодательства в фокусе
историко-правовой науки
(к 470-летию принятия Судебника 1550 г.)»
в Институте законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации**

Приветствую организаторов и участников научной конференции «Систематизация законодательства в фокусе историко-правовой науки (к 470-летию принятия Судебника 1550 г.)»

Утверждение Царем Иоанном IV Грозным в июне 1550 года нового Судебника стало очередной важной вехой в развитии Русской государственности и права. Процесс подготовки, рассмотрения и принятия этого всероссийского нормативно-правового акта является ярким историческим примером ответственного отношения к приведению законодательства в соответствие с насущными потребностями Государства и Общества.

Я и мой сын и наследник Великий Князь Георгий Михайлович желаем Вам успехов в проведении конференции и помощи Божией в трудах по совершенствованию правовой системы современной России.

Е.И.В. ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА

Мадрид, 13 мая 2020 года

РОССИЙСКОЕ ДВОРЯНСКОЕ СОБРАНИЕ

Россия, 109028, Москва, Покровский бульвар, дом 8, стр. 2А

Тел.: (495)-931-43-65

+7-905-540-48-01

+7-926-429-45-50

E-mail nobility@mail.ru

ОГРН: 1037700077942, ИНН: 7704104312,

КПП: 770901001 <http://www.nobility.ru/>

**Руководителям Института законодательства и сравнительного
правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
организаторам и участникам
Всероссийской научной конференции с международным участием
«Систематизация законодательства
в фокусе историко-правовой науки
(к 470-летию принятия Судебника 1550 г.)»**

Москва, 13 мая 2020 г.

**Глубокоуважаемые господа!
Дорогие друзья!**

От имени руководства одной из старейших общественных корпоративных организаций нынешней России — Российского Дворянского Собрания сердечно приветствуем организаторов и участников Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной систематизации законодательства в фокусе историко-правовой науки в связи с 470-летием принятия в 1550 г. Судебника Государя Ивана IV!

Российское Дворянское Собрание, которое на момент проведения Конференции в мае 2020 года отмечает 30 лет со дня своего воссоздания, неизменно одной из важнейших своих задач считает свидетельство о величии истории России, о сложном, быть

может извилистом, но великом пути становления и развития нашего Отечества и духовных, культурных и правовых основ его существования с древних времен до наших дней.

Сохранение исторической памяти, памяти о своем прошлом необходимо любому народу, любой общности людей, желающей сбереечь себя, без этого нации невозможно ни полноценно существовать и ощущать себя сегодня, ни уверенно строить будущее своего Государства и сохранять его величие. Сохранение исторической памяти, способствование сбережению исторической памяти, в том числе памяти о важнейших документальных памятниках истории Отечества — важнейшая и достойнейшая задача для всех, кто считает себя истинным патриотом.

В наши дни, когда и руководство страны, и общество, народ осознали необходимость изменения, обновления, корректировки Основного закона нашего Государства, а значит и целого ряда федеральных законов, из этого Основного закона вытекающих, актуальность настоящей Конференции в период подготовки к проведению общенародного референдума об изменении Конституции России представляется несомненной.

Убеждены, что вопросы, которые будут обсуждены на настоящем форуме, в том числе, очевидно, совершенствование и развитие норм права в Судебнике 1550 г. по сравнению с русским Судебником 1497 г., влияние Судебника 1550 г. на развитие отечественного права, и в целом вопросы систематизации российского законодательства за весь предыдущий период, не только послужат развитию исторической науки, но и подвигнут, по крайней мере часть историко-научной и правоведческой общественности, к осознанию значения проходящей в нашей стране конституционной реформы.

Считаем также, что в условиях построения развитого гражданского общества значительное внимание законодательных органов страны, да и иных органов власти должно быть направлено на самое широкое привлечение общественных организаций к участию в обсуждении и работе над совершенствованием и реформой Основного закона нашего Государства.

Желаем всем участникам Конференции, которой предстоит пройти в непривычной дистанционной форме, в онлайн-формате, успешной, плодотворной работы, интересного взаимного общения и новых, полезных историко-научных и историко-правовых выводов, которые можно будет запускать в научный оборот.

В условиях сохраняющейся сложной эпидемиологической ситуации желаем всем доброго здоровья и строгого соблюдения всех защитных правил для избежания от вирусной опасности.

От имени руководства Российского Дворянского Собрания:

***Александр Юрьевич Королев-Перелешин,
Первый Вице-Предводитель
Российского Дворянского Собрания,
член Союза журналистов России
Москва, 8 мая 2020 г.***

Участникам и организаторам научной конференции

**Уважаемые участники и организаторы
Всероссийской научной конференции с международным
участием «Систематизация законодательства в фокусе историко-
правовой науки (к 470-летию принятия Судебника 1550 г.)»!**

Приветствуя участников и организаторов конференции, проводимой Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, важно отметить актуальность проблематики конференции, запланированной в год принятия судьбоносных для нашей страны поправок в Конституцию, а также ее историческую преемственность, основанную на традициях в области права России, исконно развивавшейся как правовое государство.

Такие исторические документы, как «Судебник» 1550 года, являющийся по сути дела памятником российского законодательства, дают яркое представление об историко-правовом процессе в России, об историческом развитии страны на правовой основе. В современных условиях, когда нередко переписывается история, когда существуют попытки навязать миру абсурдные представления о нашей стране как о невежественной, не имеющей достойных исторических корней, не строящей государственности на основе законности, такие мероприятия способны оказать научное и общественное влияние как на сообщество правоведов и законодателей, так и в целом на общество, представить новые данные об историческом пути развития российского законодательства.

Коллектив Института стратегии развития образования, которому в 2023 году исполняется 100 лет, в котором насчитывается семь поколений представителей отечественной научной школы истории педагогики и образования, в котором работают историки в области образовательного права, по достоинству оценивает данное научное мероприятие и желает научного успеха конференции, творческих достижений и новых исследований каждому из участников!

С.В. Иванова,
научный руководитель
ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО»,
зав. кафедрой ЮНЕСКО по глобальному образованию,
главный редактор журналов «Ценности и смыслы»,
«Отечественная и зарубежная педагогика»,
член-корреспондент РАО, д. филос. н., проф.

Некоммерческая Организация
„Фонд поддержки и развития образования, творчества, культуры“

E-mail: leofond@mail.ru Тел.: (495) 318-44-41; 318-45-08

Руководству и коллективу
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Организаторам и Участникам
Всероссийской научной Конференции
с международным участием
«Систематизация законодательства в фокусе историко-правовой науки
(к 470-летию принятия Судебника 1550 г.)»

Руководство и Правление Фонда поддержки и развития образования, творчества, культуры приветствуют Организаторов и Участников Всероссийской научной Конференции с международным участием «Систематизация законодательства в фокусе историко-правовой науки (к 470-летию принятия Судебника 1550 г.)», отмечая стратегическую значимость выбранной темы и уникальный вклад экспертов Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации в процессы изучения и систематизации российского права.

Отрадно и то, что Конференция 2020 года, посвященная событиям 470-летия со времени принятия Судебника 1550 г. является продолжением серьезной работы, представленной в 2019 году на Конференции «Систематизация законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию Соборного Уложения)», что наглядно демонстрирует необходимость бережного отношения к крупнейшим памятникам российского законодательства, а также содействует сохранению исторических традиций и развитию спектра научных подходов к теории права, практики правоприменения и государственного регулирования.

Ретроспективный анализ условий и причин создания эпохальных документов нормативно-правового регулирования силами уважаемых экспертов, безусловно, способствует уточнению форматов трактовок истории отечественного права, гармонизации современных общественных отношений и расширению фондов научно-практических и образовательных источников.

Надеясь на эффективную работу Конференции, желаем всем Участникам преумножения знаний, уточнения профессиональных смыслов, позитивного настроения и доброго здоровья.

С уважением,

Председатель Правления

Е.В. Баяхчян

Предисловие

Развитие законодательства вступает в новый этап, который связан с существенными трансформациями законотворческой деятельности. Нарастание правовой материи обостряет вопросы систематизации все новых правовых норм. Систематизация призвана облегчить поиск и применение законов и подзаконных нормативных актов, упорядочить массив правового материала. Внедрение цифровых технологий влечет за собой появление новых форм систематизации, при этом пока не вполне понятно, как они будут соотноситься с известными классическими формами. Разрабатываемая в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации концепция циклических правовых массивов как нового явления в системе права также актуализирует вопросы систематизации, позволяет с новых позиций взглянуть на ее сущность и практическую применимость¹, развивает научную школу правотворчества².

Дальнейшие исследования вопросов систематизации законодательства должны опираться на изучение отечественного историко-правового опыта. Пока правовые традиции, оказывавшие влияние на специфику законотворческой и правосистематизационной деятельности, исследованы недостаточно, в том числе в историко-правовом ключе. Вместе с тем все необходимые предпосылки для активизации таких изысканий присутствуют. Уместно вспомнить Михаила Николаевича Гернета, который не только стоял у истоков создания Института в 1923 г., но и внес весомый вклад в развитие отечественной историко-правовой мысли. За уникальное пятитомное издание «История царской тюрьмы» он был удостоен

¹ Хабриева Т. Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 5–18.

² См., напр.: Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / под ред. С. Н. Брагуся, И.С. Самощенко. М.: Госюриздат, 1962; Мицкевич А.В. Акты высших органов советского государства: Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР. М.: Юрид. лит., 1967; Законотворчество в Российской Федерации / под ред. А.С. Пиголкина. М.: Формула права, 2000; Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А.С. Пиголкина. СПб., 2003; Научные концепции развития российского законодательства. 7-е изд. / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М.: Юриспруденция, 2015 и др.

Сталинской премии¹. Развитию историко-правовой школы способствовал основоположник науки истории отечественного государства и права Серафим Владимирович Юшков².

В XX веке в Институте сформировался коллектив историков права, труды которых составляют золотой фонд отечественной юридической и исторической науки³. В настоящее время новое поколение ученых-юристов института ведет работу в этом направлении, объединяя единомышленников для участия в научных дискуссиях.

В мае 2019 г. в Институте была проведена Первая Всероссийская научная конференция, посвященная 370-летию Соборного Уложения царя Алексея Михайловича. В рамках этого мероприятия с использованием широкого историко-правового материала были исследованы вопросы систематизации законодательства, показаны закономерности динамики источников права на разных этапах общественного развития. По итогам конференции был подготовлен сборник статей⁴. Участники научного мероприятия единодушно высказались за продолжение научных исследований систематизации законодательства в историко-правовом ключе.

Вторая Всероссийская научная конференция с международным участием «Систематизация законодательства в фокусе историко-правовой науки», приуроченная к 470-летию принятия Судебника 1550 г., состоялась в Институте в мае 2020 г. Материалы выступлений ее участников получили отражение в данном сборнике и определили его структуру.

Первый раздел сборника посвящен исследованию систематизации и ее места в законотворческой деятельности России. Исследования доказывают, что отечественное законотворчество стремилось к систематизации, в том числе в доимперский период. Среди

---

¹ Гернет М.Н. История царской тюрьмы: В 5 т. 3-е изд. М.: Госюриздат, 1960–1963.

² Юшков С. В. Судебник 1497 г. (к внешней истории памятника). Саратов, 1926; Он же. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М., 1939; Он же. Русская правда: происхождение, источники, ее значение. М., 1950 и др.

³ См., напр.: Брагусь С. Н., Пиголкин А.С., Сырых В.М. Развитие науки общей теории и истории государства и права в институте // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды 4: 1925–1975 гг. 50 лет ВНИИ советского законодательства. М., 1975. С. 32.

⁴ Систематизация законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию Соборного Уложения): сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2020. 279 с.

правовых актов Московской Руси, существовал один центральный, рассчитанный на широкий круг общественных отношений. Сначала это была Русская Правда, затем Судебники 1497 и 1550 гг. Им на смену пришло Соборное Уложение 1649 г. Важное место, которое занимает в этом ряду Судебник 1550 г., определяет повышенный интерес ученых к данному памятнику права, что проявилось в содержании статей сборника.

Большинство статей, представленных в первом разделе, затрагивает различные особенности Судебника 1550 г., которые поднимают целый спектр важных проблем, связанных не только с историей, но и с теорией права. Это вопросы систематизации законодательства, место и роль закона в системе источников отечественного права, соотношение законодательства и подзаконного регулирования, роль иностранных заимствований в развитии российского законодательства и т.д.

Второй раздел сборника логично дополняет первый, он связан с исследованием отраслевой систематизации в ее исторической динамике. В рамках каждой отрасли систематизация имела свою историю и специфику. Анализ исторических аспектов отраслевой систематизации дает возможность выявить некоторые сходные, объединяющие характеристики, позволяющие более полно судить об отечественной законотворческой традиции.

Публикация сборника будет способствовать продолжению историко-правовых исследований, творческому изучению отечественных традиций законотворчества, поиску ответов на те вызовы, которые ставит перед правом новая эпоха.

*Т.Я. Хабриева,
академик РАН*

Раздел I

СУДЕБНИК 1550 ГОДА КАК ЮРИДИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ И ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ПАШЕНЦЕВ Дмитрий Алексеевич

СУДЕБНИК 1550 ГОДА — ПАМЯТНИК СИСТЕМАТИЗАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРАВА¹

Судебник 1550 г. — основной законодательный акт своего времени, принятие которого является образцом сочетания традиций и новаций в законотворчестве. В силу этого его исследование является необходимым в контексте освоения богатого отечественного опыта законотворческой деятельности. В то же время, необходимо учитывать, что анализ норм Судебника, как и иного исторического памятника права, не дает полного и верного представления о существовавших правоотношениях, юридической жизни того периода, о тех нормах, которые реально применялись субъектами права. Текст исторического памятника характеризует только внешнюю историю права, дает представление о формально-юридических нормах безотносительно к их реализации. Тем не менее, если ставить определенные исследовательские задачи, научный анализ Судебника весьма полезен для приращения юридического знания.

Во-первых, Судебник есть памятник законотворчества, следовательно, он ярко характеризует законотворческую деятельность своего времени и имевшуюся законотворческую традицию, с ее особенностями и типичными чертами.

Во-вторых, анализ Судебника может свидетельствовать об уровне развития юриспруденции того времени, в том числе, способах, формах, средствах и роли систематизации законодательства.

В-третьих, исследование Судебника представляется важным в контексте сочетания отечественных и зарубежных правовых механизмов, показывает роль иностранных заимствований в праве.

¹ При написании статьи использованы материалы СПС Консультант Плюс.

В-четвертых, такое исследование имеет значение применительно к анализу сочетания традиций и новаций в механизме конструирования общественных отношений.

Постановка названных задач определяет ту методологию, которая должна быть избрана для исследования Судебника 1550 г.

Современная постклассическая юриспруденция рассматривает конструирование правовой реальности как процесс, включающий три последовательных и взаимосвязанных стадии: создание знаковой формы, ее трансформацию в ментальный образ, а затем в повседневное поведение людей. С этих позиций, принятие памятников права, таких, как Судебник, можно считать первым этапом обозначенного конструирования. Исследование норм историко-юридического памятника дает представление не о реальных правоотношениях, но о намерениях законодателя, получивших воплощение в тексте закона, об общем уровне и направлениях развития юриспруденции того времени.

В современных условиях получение нового знания о развитии права возможно с использованием историко-антропологической теории, которая дает возможность соединить сохраняющие актуальность идеи представителей исторической школы права с современным антропоцентризмом как направлением постклассической социологической юриспруденции.

С позиций исторической школы права, наиболее важным источником права является правовой обычай, так как именно он отражает формирующий право народный дух и в наибольшей степени соответствует господствующим в конкретном обществе представлениям о праве и его справедливости. На определенном этапе общественного и государственного развития обычай становится недостаточно эффективным регулятором, в силу чего активное использование получают иные формы права. Если говорить о России, таким источником становится закон, в средневековый период представленный в виде единых сборников правовых норм без разделения по отраслям права. Но законотворческая деятельность любого государства приобретает определенную специфику под воздействием существующей в нем правовой традиции. В этой традиции, имеющей преимущественно ментальное измерение, важное место может занимать тот самый народный дух (сегодня иногда трактуемый в свете теории социальных эстафет), о котором можно судить по правовым обычаям. Законотворческая деятельность осуществляется в контексте существующей правовой традиции, она испытывает воздействие существующих социокультурных моделей и правовой культуры общества.

В процессе законотворчества происходит передача образцов, которые составляют основу законотворческой традиции. Важную роль в этом процессе играет субъект права. Именно он превращает выраженную в знаковой форме норму в повседневную практику, формирует «живое» право. Именно действия субъекта права выступают важнейшим элементом механизма конструирования правовой реальности и формирования правовой традиции.

Изучение Судебника как памятника права дает исследователю достаточно мало материала для понимания менталитета субъекта права того времени. Поэтому для получения полной картины правовой реальности рассматриваемого периода требуется изучение правоприменительной практики, что осложнено из-за отдаленности по времени и относительно слабой сохранности соответствующих документов.

Особенности Судебника 1550 г. неразрывно связаны со временем его принятия. Во-первых, это время относится к первому периоду царствования Ивана Грозного, когда он при участии Избранной Рады проводил назревшие и объективно полезные преобразования государственного устройства. Во-вторых, в этот период в условиях завершившейся централизации государства и продолжавшегося расширения территории существовала потребность в укреплении власти монарха и ограничения сохранявшихся привилегий боярства. В-третьих, принятие Судебника связано с проведением первого земского собора, то с началом сословно-представительной монархии. С этого момента берет свое начало традиция утверждения главного источника права земским собором, что наиболее ярко проявилось при принятии Уложения царя Алексея Михайловича в 1649 г. Кроме того, Судебник был дополнительно утвержден на Стоглавом соборе в 1551 г. Факт одобрения нового источника права представителями населения можно рассматривать как важный аспект его легитимации.

Судебник 1550 г. был принят через полвека после предшествовавшего ему Судебника 1497 г., поэтому для отечественной историко-правовой литературы характерно сравнение этих двух памятников права. Сопоставление имеющихся точек зрения показывает, что имела место выраженная преемственность, так как Судебник 1550 г. в значительной мере был основан на переработке статей Судебника 1497 г. Как писал крупный дореволюционный историк права М.Ф. Владимирский-Буданов, основным источником для царского Судебника послужил предшествовавший Судебник, до-

полненный новыми узаконениями¹. С. В. Пахман также отмечал, что «между обоими этими памятниками есть большое сходство как по редакции, так и по содержанию...»². Вдобавок он указывал, что «по цели издания оба Судебника, как уже это видно из их названия, также сходны между собой. Она заключалась в том, чтобы дать судьям руководство в производстве суда и расправы...»³. С. В. Юшков полагал, что Иван Грозный не создал нового кодекса с новыми правовыми принципами, а лишь исправил и дополнил прежний Судебник 1497 г.⁴. Сходные позиции высказывали и некоторые другие исследователи дореволюционного и советского периодов⁵.

По нашему мнению, принятие нового Судебника в условиях формирования сословно-представительной монархии было вызвано потребностью приспособить законодательство к новым условиям, сконструировать с помощью правовых норм новую систему отношений. Из этого следует, что составители текста Судебника не могли в значительной мере опираться на существовавшие правовые обычаи, так как старались сконструировать новую систему отношений, прежде всего, в процессуальной сфере. Поэтому можно предположить, что обычаи оказали минимальное влияние на текст Судебника, который в силу этого остался официальным памятником, применявшимся на практике с переменным успехом. М.Ф. Владимирский-Буданов, который был одним из немногих исследователей, изучавших не только источники и содержание памятников права, но и «силу» их действия, полагал следующее: бедность норм Судебника, ограничивавшегося, в основном, процессуальными нормами, в гражданско-правовых вопросах заставляла суды прибегать к установившимся обычаям. Он писал, что «многие дела впоследствии могли решаться по установившимся обычаям судьями, не восходя к законодателю»⁶.

Судебник 1550 г. можно рассматривать как важную веху в истории развития порядка законотворческой деятельности. Впервые, его составители не стали устанавливать обратную силу

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995. С. 230.

² Пахман В.С. История кодификации гражданского права. М., 2004. С. 202.

³ Пахман В.С. Указ. соч. С. 203.

⁴ Юшков С. В. Судебник 1497 г. (к внешней истории памятника) // Серафим Владимирович Юшков. М.: Юрид. лит., 1989. С. 443.

⁵ Обзор историографии Судебника см.: Ананьева Н.Г. Историография Судебника 1550 г. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 3. С. 55–58.

⁶ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 231.

закона, разрешив завершить начатые до принятия Судебника дела по прежнему законодательству: «А которые дела преж сего Судебника вершены, или которые не вершены в прежных во всяких делах... судити по тому как се дела преж сего сужены, вершены»¹. Кроме того, в ст. 97 Судебник был фактически объявлен единственным источником законодательства: «А вперед всякие дела судити по сему Судебнику и управа чинити по тому, как царь и великий князь в сем Судебнике с которого дни уложил». Наконец, если возникнут дела новые, не предусмотренные установленными нормами, предписывалось решать их не по обычаям, а обращаться к властям в порядке законодательной инициативы для дополнения законодательства: «А которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государства доклада и со всех бояр приговору вершается, и те дела в сем Судебнике приписывати»².

Таким образом, важное значение для развития законодательного процесса имел не только сам факт коллективного принятия Судебника и его утверждения на земском соборе и Стоглавом (церковном) соборе, но и закрепление в тексте порядка принятия новых законоположений, начиная с права законодательной инициативы, и заканчивая коллективным их одобрением.

В содержательном отношении следует отметить, что в силу процессуального характера Судебника его нормы не были слишком обширны в плане регулирования различных общественных отношений. В то же время, стоит отметить некоторые содержательные нововведения.

В судебной сфере рассматриваемый источник права усилил централизацию суда, сократив соответствующие полномочия наместников и волостелей. Был усовершенствован порядок вызова в суд и осуществления судопроизводства.

В уголовно-правовой сфере Судебник предпринял попытку классификации преступлений, разделив разбойные, душегубные и татевные дела.

В сфере правового положения населения и гражданско-правовых отношений заслуживают внимания нововведения Судебника относительно холопов, найма и займа, наследования. Порядок заключения некоторых договоров усложнялся (заем с кабалой, покупка лошади). Особо отметим положение о крестьянском пере-

¹ Памятники российского права. В 35 т. Т. 3. Памятники права московского государства. Кн. 1. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 61.

² Там же.

ходе: установленный в предшествующем Судебнике срок подтверждался, но пожилое увеличивалось.

Таким образом, Судебник содержал ряд важных нововведений, которые связаны с попыткой государственной власти усовершенствовать правовое воздействие на систему общественных отношений в условиях становления сословно-представительной монархии. При этом нормы обычного права, как представляется, учитывались при разработке и принятии текста минимально. Следствием неминусом должно было стать расхождение между нормами законодательного акта и практикой их применения. Кроме того, в рассматриваемый период государственная власть в лице царя также не старалась ограничивать себя формальными рамками законодательства, возводя в абсолют волю монарха и его произвол. «Официально установленные государством правовые нормы приобретают избирательность действия, порождая тем самым негативное к себе отношение, правовой нигилизм»¹. В этом проявилось не только закономерное стремление главы государства к усилению своей власти после завершения процесса централизации, но и сказались субъективные характеристики личности царя Ивана Грозного. В конечном итоге, главным фактором уникальности Судебника 1550 г. стало его утверждение представителями общества, что открыло новую страницу в систематизации законодательства Московской Руси.

Литература

1. Ананьева Н.Г. Историография Судебника 1550 г. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 3.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995.
3. Памятники российского права. В 35 т. Т. 3. Памятники права московского государства. Кн. 1. М.: Юрлитинформ, 2013.
4. Пахман В.С. История кодификации гражданского права. М., 2004.
5. Пашенцев Д.А. Конструирование преступности в период сословно-представительной монархии в России // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 3.
6. Юшков С. В. Судебник 1497 г. (к внешней истории памятника) // Сефафим Владимирович Юшков. М.: Юрид. лит., 1989.

---

¹ Пашенцев Д.А. Конструирование преступности в период сословно-представительной монархии в России // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 3. С. 434.

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В СИСТЕМАТИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА¹

Систематизация как упорядочение нормативного материала имманентно присуща развитию российского законодательства и может рассматриваться в виде постоянного исторического процесса, хотя и обладающего признаками дискретности и преемственности. Сам процесс четко коррелируется с периодами истории права и государства России, а наиболее заметные акты систематизации представляют «сгустки» правовой информации, концентрируют самые актуальные и значимые нормы определенных периодов. Систематизация российского законодательства, являясь важным элементом государственно-правовой динамики, отражает генезис и последующую эволюцию источников права, отличающихся формой выражения.

Акты систематизации составляют важную часть эмпирической базы историко-правовых исследований. Их комплексное изучение, в том числе, посредством профессионального обсуждения на тематических научных мероприятиях с последующей публикаций докладов и выступлений, становится хорошей научной традицией². Подтверждением данного тезиса является и нынешняя Всероссийская конференция, приуроченная к 470-летию выхода Судебника 1550 г.

Исходя из исторических типов государства, можно выделить следующие периоды систематизации российского законодательства. Первый период хронологически соотносится с существованием государства и права традиционного общества. Второй период совпадает с формированием в России буржуазных отношений, которые требовали надлежащего правового регулирования. Третий период — это время советской модернизации, где несмотря на де-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ — проект № 20-011-00523

² «Русская правда»: проблемы происхождения и изучения памятника права. Правопонимание и правовое регулирование в истории России. (К 1000-летию появления писаного права на Руси): Материалы круглого стола 10 ноября 2016. М.: Российский государственный университет правосудия, 2017; Систематизация законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию соборного Уложения): сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М., 2020.

кларативное отрицание прежней правовой традиции сохранилась серьезная преемственность в формах и методиках систематизации, используемых приемах юридической техники. При этом в советский период возникли новые теоретические подходы и практические инструменты систематизации законодательства. К первым следует отнести разработку категориального аппарата, установления соотношения между понятиями «кодификация», «инкорпорация», «консолидация», обоснование модели структурирования отраслевого законодательства в условиях сложной федерации. Ко вторым — существенное обогащение набора средств упорядочения законодательства, в том числе, с учетом научно-технических достижений.

Отдельно следует выделить период Российской Федерации, когда в ходе полномасштабной отраслевой кодификации формировалась современная система права.

Несмотря на длительность исторического процесса, различие экономических, социальных, политических и идеологических условий, в которых осуществлялась систематизация законодательства, значительные изменения самого правового материала, можно говорить о складывании и последующей трансформации определенной традиции данного вида юридической деятельности. В качестве ее наиболее заметных признаков, можно выделить следующие: 1) официальный (или официозный) характер, что подтверждается тесной организационной связью с государством, необходимостью придания полученным актам легитимного статуса, а на более поздних этапах — институционализацией и формализацией данной деятельности; 2) различное соотношение между отраслевыми и генеральными систематизациями, отражающие динамику государственной юридической политики; 3) применение всех форм систематизации законодательства с выдвиганием приоритетных в зависимости от заявленных и ожидаемых целей. Рассмотрим последовательно каждый, из обозначенных признаков.

1) В Российском государстве необходимость систематизация законодательства артикулировалась и инициировалась государством. На ранних этапах отечественной истории такая деятельность далеко не всегда осуществлялась формализованным образом, но в любом случае при очевидной поддержке верховной власти. Достаточно быстро сложился порядок образования специальных комиссий, связанных с государственными органами, а в ряде случаев — непосредственно курируемых царем или императором. Ярким примером является создание комиссии по подготовке Соборного уложения 1649 г. В советский период значительная часть

функций по систематизации законодательства была закреплена за центральным правительственным органом, в ведении которого находилась юстиция. Неоднократно менялось его название, разграничивалась компетенция в связи с федеративной формой государственного устройства (например, народный комиссариат юстиции РСФСР, Юридическая комиссия при Совете Министров СССР, министерство юстиции СССР), но в любом случае это учреждение самостоятельно организовывало или активно участвовало во всех работах по систематизации законодательства. На протяжении советского периода также сохранялась практика создания отдельных комиссий, перед которыми ставилась конкретная задача, а сроки полномочий были ограничены временем ее выполнения. Большинство комиссий имело межведомственный характер и кадровый состав, объединяло специалистов, направленных из разных учреждений, в том числе, научных и образовательных. На поздних этапах советского государства, начиная с послевоенного периода, усиливается вовлеченность в деятельность по систематизации законодательства, особенно в части подготовки кодифицированных актов, комиссий законодательных предположений Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета ССР, которые сначала действовали отдельно, а затем совместно. Фактически произошло включение в систематизационную деятельность высшего законодательного органа, каким являлся Верховный Совет СССР, что подтверждало генетическую связь систематизации и правотворчества.

Акты, созданные в результате систематизации, вызывали юридические последствия, если проходили процедуру легитимации. Она могла заключаться в единоличном действии главы государства, его в совместном решении с представительным выборным органом. В советский период акты систематизации утверждались законодательным органом, но предварительно наиболее значимые их положения согласовывались с партийным руководством страны. В случае обнаружения несоответствия подготовленного акта политическим задачам, он не получал легитимация и работа над ним прекращалась. Такая судьба оказалась, например, у Свода законов СССР, составление которого продолжалось в течение 1927–1930 годов. Смена политического курса привела к тому, что в конце 1930 г. его выпуск посчитали нецелесообразным¹. Неопределенность статуса следующего Свода законов СССР, тома которого выпускались в 1980–1985 годах, стала одной из причин деваль-

¹ Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А.С. Пиголкина. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. С. 316.

вазии его значения для юридической практики. Постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР «О подготовке и издании Свода законов СССР» от 23 марта 1978 г. определяло Свод как официальное издание, но не конкретизировало «степень его официальности»¹,

Примеры верификации подготовленных проектов с точки зрения запросов и ожиданий власти имеются и применительно к более ранним периодам. Так, не получил официальной поддержки проект Гражданского уложения, написанный М.М. Сперанским, в полном объеме в Российской империи не было введено в действие Уголовное уложение 1903 г., работа над которым велась более 20 лет².

Историко-правовая наука долгое время опиралась на акты систематизации, которые имели официальное закрепление. Активно изучалась правоприменительная практика, которая складывалась на основе содержащихся в них норм. Русская Правда, Псковская судная грамота, Судебник 1497 г., Царский Судебник 1550 г., Соборное уложение 1649 г. и крупные акты следующих периодов давно и успешно изучаются историками права. Нереализованные проекты, даже имеющие завершённый вид, только недавно вошли в ареал историко-правовых исследований³.

2) Определенные традиции систематизации законодательства выявляется при изучении соотношения между отраслевой и генеральной систематизацией. Известные акты российского государства периода традиционного общества носили комплексный характер, синкретически объединяя в своем содержании нормы публичного и частного права. По мере усложнения социальных отношений, дифференциации сфер общественной жизни, направления юридического воздействия приобретают все более специализированную определенность, различаясь по предмету и методу

¹ Казьмин И.Ф., Мицкевич А.В., Рахманина Т. Н. Кодификация и систематизация законодательства на современном этапе // Советское законодательство: пути перестройки / Отв. ред. А.В. Мицкевич, А.С. Пиголкин. М.: Юридическая литература, 1989. С. 133.

² Поцелуев Е.Л. Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: Причины принятия и история создания / Е.Л. Поцелуев. // Правоведение. 2003. № 3. С. 183–193.

³ Тараборин Р.С. Проект гражданского уложения Российской империи 1809–1812 гг.: роль в процессе систематизации российского законодательства // Современные проблемы юридической науки: Сборник статей международной научно-практической конференции. Краснодар, 2014. С. 23–29; Сорокина А.В. Проект Уголовного кодекса СССР 1939 г.: общая характеристика особенной части // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 27. С. 94–108.

правового регулирования. Неравномерность развития отдельных сегментов общества, его политической организации обуславливает асинхронность в институционализации отдельных отраслей права, оформлении круга источников, как форм его выражения. В России наиболее интенсивное нормотворчество государственных органов было связано с публичными отраслями. Судебник 1497 г., последующие судебники XVII в., несмотря на широкую палитру регламентируемых общественных отношений, большей частью посвящены вопросам судоустройства, судопроизводства, описанию деяний, признаваемых государством преступными и установлению наказаний за их совершение. Первым систематизированным актом, в наибольшей мере соответствующим принятым в романо-германской правовой семье критериям кодекса, стало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Имущественные, семейные и иные отношения долгое время оставались прерогативой частной жизни, регулировались обычаями или религиозными нормами.

Помимо отраслевых систематизаций законодательства, которые ограничивались одной предметной областью, в теории права выделяются генеральные (всеобщие) систематизации¹. Они могут строиться по хронологическому, систематическому, отраслевому или иному принципу. Классическим примером является Полное собрание законов Российской империи и Свод законов Российской империи. Идея наличия единого официального источника актуального законодательства получила поддержку сразу после Октябрьской революции 1917 г., что выразилось в попытках быстрого создания Свода законов русской революции. Обобщить и соединить в формате единого акта разрозненные советские декреты с одновременным приспособлением к новым техническим реалиям норм из дореволюционного Свода законов, было совершенно не реально.

Полнота актуального нормативного материала, его достоверность и технические удобства пользования актами генеральной систематизации выдвигались в качестве аргументов сторонниками скорейшей подготовки таких изданий в 1920-е гг. Именно в этот период, с опорой на уже имеющийся исторический опыт, были усовершенствованы и внедрены методики по выявлению подлежащих систематизации целых нормативных актов, а также входящих в их состав частей или отдельных норм, последующей проверке и сравнению с целью устранения противоречий и дубли-

¹ Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства / Под ред. А.Н. Мишутина. М.: Юридическая литература, 1969.

рования, определению объема, содержания, структуры собраний. После возобновления интенсивных работ по систематизации законодательства во второй половине 1950-х гг. накопленная практика вновь стала востребованной. Однако приоритет отдавался упорядочению только не утратившим силу законам и содержащимся в них нормам. Поэтому высказываемые предложения начать, как это делал М.М. Сперанский, с составления полного собрания законов, куда следовало включить все, в том числе и не действующие акты, накопленные за советский период, оценивались как интересные, обсуждались, но не принимались к исполнению. Хотя даже на официальном уровне признавалась значимость такого собрания для гуманитарных и социальных наук. Так, на заседании Юридической комиссии при Совете Министров СССР 18 октября 1956 г. говорилось, что «Хронологическое собрание должно удовлетворять и потребностям исторических научных исследований»¹.

3) Историческая традиция прослеживается и в формах систематизации. Российское законодательство, развиваясь в симбиозе преемственности и новаций², использовало различные формы систематизации, хотя консервативная юридическая политика самодержавия поддерживала те формы, которые обеспечивали устойчивость государственной и политической системы, то есть консолидацию и инкорпорацию. Советское государство, нуждавшееся в утверждении социалистической законности, напротив, декларировало разрыв с буржуазным правом и отдало предпочтение кодификации, на что обращают внимание современные ученые³. Кодификация органически вписывалась в логику развития российской правовой системы, относящееся к романо-германской правовой семье, в которой кодекс или иной сопоставимый с ним акт, занимал особое место среди источников позитивного права.

Кодификация, проявившаяся в полном объеме в советский период, стала рассматриваться как универсальный способ развития

¹ ГА РФ. Ф. Р-9514. Оп. 1. Д. 2.Л. 35.

² См., в частности: Залюило М.В. Систематизация отечественного законодательства: исторические традиции и новации цифровой эпохи // Систематизация законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию Соборного уложения): сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2020. С. 90–99.

³ Пашенцев Д.А. Кодификация как инструмент конструирования законодательства в начальный период советского государства (к 100-летию первых советских кодексов) // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 6.

законодательства, что проявилось, в частности, в стремлении расширить сферу действия таких законов в пространстве, а именно заменить республиканские кодексы общесоюзными.

Основные кодексы, принятые в 1920-е гг. (гражданский, уголовный, трудовой, семейный и др.) становились предметом историко-правового анализа, а кодексы второго большого периода советской кодификации конца 1950-х первой половины 1980-х гг. пока вызывают больший интерес у представителей отраслевых юридических наук. Труды обобщающего содержания, опубликованные в советский¹ и современный периоды², также ограничивались хронологическими рамками 1920-х гг. Остаются не изученными кодификационные проекты периода тоталитаризма, хотя они являются ценными свидетельствами, отражающими деформацию юридической политики и законотворческой деятельности государства.

Таким образом, выявление исторической традиции в систематизации российского законодательства важно с гносеологической, познавательной точки зрения, необходимой для объективной оценки эволюции российского права, а также может выполнять прогностическую функцию, позволяющую понимать перспективы его дальнейшего развития.

Литература

1. «Русская правда»: проблемы происхождения и изучения памятника права. Правопонимание и правовое регулирование в истории России. (К 1000-летию появления писаного права на Руси): Материалы круглого стола 10 ноября 2016. М.: Российский государственный университет правосудия, 2017.
2. Залоило М.В. Проблемы инкорпорации правовых актов СССР и РСФСР в современное российское законодательство // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 24–36.
3. Казьмин И.Ф., Мицкевич А.В., Рахманина Т. Н. Кодификация и систематизация законодательства на современном этапе // Советское законодательство: пути перестройки / Отв. ред. А.В. Мицкевич, А.С. Пиголкин. М.: Юридическая литература, 1989.

---

¹ Развитие кодификации советского законодательства / Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства. М.: Юридическая литература, 1968.

² Российское законотворчество 1920-х годов / Отв. ред. С. А. Боголюбов и др. М.: Юрлитинформ, 2019; Залоило М.В. Проблемы инкорпорации правовых актов СССР и РСФСР в современное российское законодательство // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 24–36.

4. Пашенцев Д.А. Кодификация как инструмент конструирования законодательства в начальный период советского государства (к 100-летию первых советских кодексов) // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 5–13.
5. Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства / Под ред. А.Н. Мишутина. М.: Юридическая литература, 1969.
6. Поцелуев Е.Л. Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: Причины принятия и история создания / Е.Л. Поцелуев. // Правоведение. 2003. № 3.
7. Развитие кодификации советского законодательства / Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства. М.: Юридическая литература, 1968.
8. Российское законодательство 1920-х годов / Отв. ред. С. А. Боголюбов и др. М.: Юрлитинформ, 2019.
9. Систематизация законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию соборного Уложения): сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2020.
10. Сорокина А.В. Проект Уголовного кодекса СССР 1939 г.: общая характеристика особенной части // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 27.
11. Тараборин Р.С. Проект гражданского уложения Российской империи 1809–1812 гг.: роль в процессе систематизации российского законодательства // Современные проблемы юридической науки: Сборник статей международной научно-практической конференции. Краснодар, 2014.

**КОДИФИКАЦИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВА В КОНЦЕ XV — СЕРЕДИНЕ
XVI ВЕКА КАК СПОСОБ УКРЕПЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ
МОСКОВСКИХ ГОСУДАРЕЙ**

Кодификация конца XV — середины XVI вв. в Московской Руси тесно связана с усилением центральной власти, окончанием периода государственной разобщенности и складыванием новых юридических форм взаимодействия общества и государства. Идейным основанием кодификации стала мифологема о «странствующем царстве», посредством которой из церковного в общественно-политическое сознание русского народа перешла мысль о его богоизбранности.

Управление таким народом мог осуществлять только святой царь, чья миссия и служение неспоставимо с поместными государями и удельными князьями. По точному замечанию В.В. Зеньковского, царская власть стала точкой «встречи исторического бытия с волей Божией», «сочетания начала божественного и человеческого»¹. Тем самым монархическую власть осознанно отделили от общества, а точнее поставили над ним. Мудрость царя от Бога, и кто после этого усомнится в правоте государевых постановлений? За справедливость этого «высшего источника правды» царь отвечает только перед Богом.

Миссия особого рода священного служения выразилась и в законодательной деятельности московских царей. Иван IV вслед за Иваном Великим продолжил кодификацию. Она представляла собой вариант официальной средневековой кодификации, нацеленной на выработку юридического фундамента централизованного государства и проведение в нем политических реформ, ориентированных на ликвидацию остатков прежнего административно-управленческого и правового многообразия, а также закрепление иерархического порядка стратификации российского общества.

Цели кодификации обусловили специфику «государевых» судебников (Судебник 1497 г., Судебник 1550 г.), которые носили репрессивный, публичный, процессуальный, императивный, общеобязательный характер. Немногочисленные юридические нормы судебников впервые имели общегосударственное действие. Судебники нацелены на «огораживание» пространства позитивного права, прежде всего в сфере судоустройства и судопроизводства.

¹ Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. С. 49.

Разработка судебныхников стала первой кодификаций в системе позитивного права. Поэтому сложно согласиться с Н.В. Калачовым в том, что Судебник 1550 г. не содержит норм публичного права¹. Напротив, именно нормы гражданского (14 статей) и уголовного (8 статей) права в «стоглавом» Судебнике 1550 г. весьма малочисленны².

К феноменам средневекового права с позиций научной строгости сложно применять понятия и категории, выработанные в последующие времена. Эта сложность возрастает в современном научном дискурсе, когда речь идет о понятиях, не имеющих единого значения, а таких в современной юриспруденции едва ли не большинство³. В этой связи возникает вопрос о возможности идентификации процесса создания судебныхников как феномена, относящегося к кодификации.

Не менее важно выяснить, насколько приемлем этот термин, рожденный в эпоху стремительного распространения теории юридического позитивизма на фоне веры в могущество государственных законов к периоду господства правовых обычаев.

В отличие от средневековой Европы, имевшей целый ряд правовых школ, течений и направлений юридической мысли, в Московской Руси конца XV — середины XVI вв. образованное юридическое сообщество отсутствовало. Как писал Р.Ю. Виппер, «азиатское влияние переплеталось в Москве со старой классической школой, доставшейся великорусским вассалам Золотой Орды в византийской ученой оправе»⁴.

Поэтому мы можем исходить только из лингвистических особенностей понимания юридических терминов в том, числе и понятия «судебник», ставшего на протяжении указанного периода времени общепринятым термином, обозначавшим результат великокняжеского, а затем и царского законотворчества.

¹ Калачев Н.В. О Судебнике Царя Иоанна Васильевича / Кандидат Прав Н. Калачев // Юридические записки, издаваемые Петром Редкиным, Доктором Прав и Ординарным Профессором Императорского Московского Университета. М.: В Университетской типографии, 1841. Том I. С. 56.

² Татищев В.Н. (Сост.) Судебник Государя Царя и Великого Князя Иоанна Васильевича. Издание второе. М.: В Университетской Типографии Н. Новикова, 1786.

³ Шатковская Т.В., Ларина О.Г. Метод исторической критики в современных юридических исследованиях // Философия права. 2019. № 3 (90). С. 14–19.

⁴ Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М., 1922. С. 17.

Так, в словаре В. Даля под «судебником» понимается устав, книга законов для суда¹. При этом судебник, наряду с книгой законов и сводом законов рассматривается и в значении слова «кодекс»².

Отсутствие точных юридико-технических критериев для квалификации деятельности по созданию судебныхников как кодификации не делает эту задачу неразрешимой. На основе социологического метода можно установить наличие социальной потребности в юридической определенности управления Московским государством конца XV — середины XVI вв.

Эта потребность в первую очередь была обусловлена отсутствием единообразных источников публичного права, формализующих осуществление административно-судебных полномочий. В условиях децентрализованного управления в период раннефеодального «федерализма», а затем государственной разобщенности правовое регулирование основывалось на устных правовых обычаях, выраженных в ритуалах, обрядах, привычках и других символических формах. Данный способ формализации осуществления управленческих полномочий, имевший локальный характер и местные особенности, не соответствовал новой модели организации государственной власти в Московской Руси. На смену децентрализации пришла централизация, широкое усмотрения кормленщиков и иных «удельных» управленцев уступало место приказу, исходившему от монарха.

Существенный пробел в содержании правовых обычаев и источников церковного права, препятствовавший единообразной организации суда и управления, стал нишей для позитивного права — сферой государственного правотворчества.

Анализируя процесс создания судебныхников, можно определить наличие у них принципиальной основы в виде преемственности в развитии позитивного права, которое не утрачивает и связи с правовой традицией. Борющиеся за абсолютизацию своей власти московские цари, в том числе и методами ликвидации политической оппозиции в лице удельных князей и бояр, в правовой сфере не отказались от признания приоритета сложившихся канонических и обычно-правовых устоев.

Принцип узаконивания общепринятого в полной мере характерен для судебныхников и в некотором смысле новая форма, содер-

¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. IV. М., 1999. С. 356.

² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. II. С. 130.

жащихся в них норм, не наполняла позитивное право новыми смыслами. Однако судебники придали развитию права направление, необходимое для реализации интересов центральной власти. Из всей совокупности правил поведения, действовавших в обществе, государство выделяет, оформляет, организует и определяет особый социальный авторитет отдельных нормативных положений, включенных в судебники и поставленных тем самым на высшую ступень в иерархии юридических норм.

Можно предположить, что именно судебники становятся точкой разрыва между общепринятым и узаконенным. Именно с этого времени приоритеты обыденного уступают место официально установленному, если закон будет противоречить справедливости.

Содержание судебников дает представление и о состоянии русского общества, и об уровне государственного управления в Московском государстве. В отличие от европейских кодификаций конца XV — середины XVI вв., подготовленных частными кодификациями и иницилируемых при активном участии общественности¹, московские кодификации созданы с целью укрепления авторитета политической власти московских государей, распространившейся в указанный период далеко за пределы границ Московского княжества. Этим и объясняется правовая сфера судебников, практически не затрагивающая частного права, а также тот факт, что власть впервые самостоятельно создает новые юридические формы правовых норм, а не ограничивается лишь их упорядочением. Так, в ст. 1 Судебника 1550 г. сказано, что бояре и окольные судят суд царя. Вслед за Судебником 1497 г. «стоглавый» Судебник закрепляет приоритет государственного правосудия, осуществляемого волей царя. Отказ от разбора жалоб «по делу» грозил судье «государевой опалой» (ст. 7).

Вместе с тем, следует отметить достаточный уровень политического сознания общества для обеспечения ее поддержки, а также наличие общественной заинтересованности в юридической определенности общественно-политического строя, системы государственного управления и правосудия. Все реформы и важнейшие вопросы практической жизни получают направление от высшего духовного авторитета — церковного собора.

Для осуществления этой цели власть пошла в том числе и на ограничение привилегий боярской аристократии, ограничение ее автономии в сфере административного управления и суда. В этом отношении интересен тот факт, что историки права избрали ст. 98

¹ Кабрияк Р. Кодификации. М.: Статут, 2007. С. 128.

предметом научной дискуссии о роли Боярской думы в управлении централизованным государством¹. При этом без внимания остаются статьи, устанавливающие прерогативы, исключительные права царя. Так, целый ряд статей Судебника 1550 г. закрепляет право царя определять меру наказания по собственному усмотрению в каждом конкретном случае, «смотря по человеку» (ст. 25, 44, 53 и др.). Такое право не является новацией. Принцип «глядя по человеку» считаем одним из основных принципов обычного права российских крестьян². Однако издревле оно принадлежало избранным судьям общественных судов, которые хорошо знали участников процесса и могли выносить решения с учетом личных качеств сторон.

Нормы судебных актов, ограничивавшие властные полномочия удельных князей, наместников и волостелей, центральная власть впоследствии реализовывала путем преодоления политической оппозиции со стороны боярства, применяя при этом репрессивные методы восточной деспотии.

Содержание судебных актов отражает сферу действия позитивного права, которая охватывала судопроизводство, судоустройство. И несмотря на то, что применительно к судебникам можно говорить только об установлении границ, а не обеспечении полноты и определенности правового регулирования, важно то, что впервые в истории российского права была определен ареол приоритетного действия закона, обеспечивающего единообразное выполнение императивных требований власти. При этом вне рамок этого единообразия судебники оставляли простор правовому разнообразию особенно в частном праве.

Отмечая специфику данной кодификации, укажем на то, что в отличие от европейских средневековых кодификаций и более поздних российских кодификаций середины XVII — начала XX вв., вызванных нагромождением юридических предписаний и потребностью их упорядочения («уложения»), рассматриваемая кодификация была нацелена в большей степени на восполнение пробелов, чем систематизацию. Подтверждением тому является тот факт, что свыше $\frac{3}{4}$ норм судебных актов не состояли ни в какой связи с предыдущими юридическими правилами. Нельзя в этом смысле не со-

¹ Гальперин Г.Б. К вопросу о форме правления Русского государства XV и первой половины XVI вв. / Г.Б. Гальперин // Вопросы государства и права. Л., 1958. С. 195–210.

² Шатковская Т. В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX — начала XX века: Монография. Ростов-на-Дону: АПСН СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. С. 15–18.

гласиться с французским социологом П. Бурдые в том, что кодификация означает и придание формы, и ее создание¹.

Обладая, общей со средневековыми европейскими кодификациями Нового времени чертой унифицированного единообразия централизованного юридического регулирования, московские кодификации отличаются и по ряду параметров. Так, в основании европейских кодификаций лежало возрожденное римское право. Судебники базируются на запутанных правовых обычаях, судебных прецедентах разных времен, уставных грамотах, нормах византийского канонического права и книгах старых византийских учителей.

Кроме того, проведению официальных кодификаций в Европе предшествовала длительная работа по созданию локальных сборников правовых обычаев. Такая деятельность велась и в русских княжествах. Ее результаты — Русская Правда, позднее Новгородская, Псковская и другие грамоты широко известны. Однако отметим, что в средневековой Европе с XV в. осуществлялось доктринальное переосмысление этих сборников в направлении поиска национального единства обычного права и его синтезирования в общегосударственное право. К примеру, над французской доктриной национального права трудились известные средневековые юристы Ш. Дюмулен, Г. Кокий и др.

С юридико-технической точки зрения судебники уступают европейским аналогам, созданным в конце XV — середине XVI вв. Поэтому их значение в юридической плоскости выражается в создании краеугольных основ письменного позитивного права, закрепленных от имени верховной власти в общерусском законе. Начиная с Судебника 1497 г., местные грамоты в области государственного управления не могли противоречить судебнику, тем самым складывалась пирамидальная структура системы российского законодательства. Действия по правде и совести заменяются осуществлением созданных верховной властью законов посредством системы подвластных учреждений.

Именно в Судебнике 1550 г. закреплен принцип монархического властвования, который Л.А. Тихомиров опишет как «преюродиву личного действия по совести», а подданные получают право апелляция царя в спорах между собой или законными органами². Следствием реализации данного принципа становятся такие социальные последствия как существенное ограничение воз-

¹ Социоанализ Пьера Бурдые. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. С. 7.

² Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: Аликс, 1998. С. 9–15.

возможностей общества в осуществлении правосудия. В сравнении в Псковской судной грамотой, в которой упоминается пять разновидностей судов, из которых только суд князя и посадника можно назвать государственным, судебники оформляют юридическую монополию государства на осуществление правосудия и выстраивают иерархию административно-судебных органов во главе с царем.

Другим социально-правовым последствием становится приоритет царя на правду как высшую правовую ценность в российском обществе. Соответственно инакомыслие, отказ от служения верховной власти, в том числе неповиновение благоверному царю, рассматриваются как государственные преступления. Первой жертвой такого отношения стало боярство, выступавшее ревнителем удельных порядков, управлявшее по принципу кормлений наместничествами, занимавшее по праву местничества высшие государственные должности. По ст. 100 Судебника 1550 г. даже удельные князья лишаются права самостоятельного суда. В частности, в указанной статье они не могли осуществлять сместный суд в делах между великокняжескими людьми и населением уделов. В том же году Иван Грозный издает приговор о частичной отмене местничества по записям в разрядной книге¹.

Как писал В.О. Ключевский, в XVI в. Боярская Дума «редко возбуждала вопросы, подлежащие ее обсуждению. Законодательный почин обыкновенно шел снизу или сверху, а не из среды самого совета»². Власть кормленщиков ограничивается и сверху институтом доклада, и снизу — введением института «лучших людей», то есть установлением надзора и со стороны верховной власти, и со стороны общества. К сожалению, возможности общественного контроля не выходили за пределы права апелляции и обязанности доносительства о действиях наместников центральным властям.

Таким образом, принятие судебников 1497 г. и особенно 1550 г. считаем эпохой установления единовластия царской власти в Российском государстве. Рассуждения о том, что судебники являлись феодальными конституциями³, предоставлявшими широкие полномочия боярского участия в управлении государством не отвечают критерию научной объективности в отношении как текстов судебников, так и последующих событий опричного «беспредела», а также последовавших за принятием Судебника 1550 г. ограни-

¹ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга. М., 1901.

² Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2005. С. 355.

³ См. Покровский М.Н. Боярство и боярская дума. Русская история с древнейших времен, т. I. Соцэкиз, 1933. С. 231.

чений коллективных прав и свобод формирующихся российских сословий (о личных правах в средневековый период говорить не приходится). К примеру, в отношении боярского сословия вводятся ограничения права местничества, права вотчинного управления и суда, право землевладения связывается с обязанностью государственной службы. По ст. 43 Судебника 1550 г. выдачи тарханных грамот отменялась, а прежние грамоты изымались.

Связанные с проведением земской и губной реформы иллюзии сословного представительства и народного участия в управлении в реальности объяснялись намерением верховной власти заменить удельно-вечевые и дворцово-вотчинные институты губными и земскими органами, ведшими общегосударственные дела под надзором центральных органов, и тем самым укрепить царское единовластие. Деятельность губных старост и выборных судей осуществлялась под угрозой личной имущественной и уголовной ответственности, в том числе и смертной казни, а также под ответственность коллектива («мирская» круговая порука). Именно судебники закрепили инфраструктуру для расширения центрального правительства за счет губных и земских учреждений, создав институт целовальников, выборных старост с определенными верховной властью полномочиями. К примеру, по ст. 60 Судебника 1550 г. губным старостам разрешалось судить только «ведомо лихих разбойников». И этот суд следовало осуществлять «по царевым великого князя губным грамотам, что в них написано».

Возвращаясь к разговору о значении судебников, отметим, что они заложили централизацию и единовластие, приказ на осуществление общегосударственных дел вместо инициативного местного самоуправления, монополию государства на правосудие и юридическую формализацию правды в закон как сущностные основания российского позитивного права¹. При всех последующих его модификациях эти начала оставались неизменными. Именно данный подход к «естественности» государственного принуждения, допускающего и легализованное насилие в отношении отдельной личности или социальных групп лежит в основании современного позитивного права. Популярность такого подхода настолько высока, что сегодня многие юристы рассматривают его как некую теоретическую истину.

Для современников понимание этого разворота в развитии российского права, произошедшего после принятия судебников

¹ Пашенцев Д.А. Особенности системы источников права Российской империи // История государства и права. 2009. № 19. С. 25–28.

должно стать важным уроком. Юридическое регулирование следует основывать не на временно-факторной, а на нормативно-идеальной основе. И в этой связи государственная власть обладает несомненной ценностью, наиболее удачно воплощая идею целого, имеющую абсолютный характер. Придание государственной властью своим волеизъявлениям нормативной силы, как справедливо отметил Н.Н. Алексеев, должно исходить из того, что управляемый ею общественный союз — есть единое целое, а юридические предписания предназначены для связывания всех и каждого, устанавливая общие права и обязанности, обладающие ненарушимой силой¹. Подчинение нормативным установлениям в таком случае рассматривается индивидом не как фактическая неизбежность, а рациональное осознание их необходимости, в силу принадлежности лица к общему целому. И только такой подход является залогом уважительного отношения к праву и его действительности в российском обществе.

Литература

1. Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб.: Издательство «Лань», 1999.
2. Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М., 1922.
3. Гальперин Г.Б. К вопросу о форме правления Русского государства XV и первой половины XVI вв. / Г.Б. Гальперин // Вопросы государства и права. Л., 1958.
4. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001.
5. Кабриак Р. Кодификации. М.: Статут, 2007.
6. Калачов Н.В. О Судебнике Царя Иоанна Васильевича / Кандидат Прав Н. Калачев // Юридические записки, издаваемые Петром Редкиным, Доктором Прав и Ординарным Профессором Императорского Московского Университета. М.: В Университетской типографии, 1841. Том I.
7. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2005.
8. Милоков П.Н. Древнейшая разрядная книга. М., 1901.
9. Пашенцев Д.А. Особенности системы источников права Российской империи // История государства и права. 2009. № 19.
10. Покровский М.Н. Боярство и боярская дума. Русская история с древнейших времен, т. I. Соцэкгиз, 1933.
11. Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетей, 2001.

---

¹ Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб.: Лань, 1999. С. 42–43.

12. Татищев В.Н. (Сост.) Судебник Государя Царя и Великого Князя Иоанна Васильевича. Издание второе. М.: ВЪ Университетской Типографіи Н. Новикова, 1786.
13. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: Алир, 1998.
14. Шатковская Т. В., Ларина О.Г. Метод исторической критики в современных юридических исследованиях // Философия права. 2019. № 3 (90). С. 14–19.
15. Шатковская Т. В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века: Монография. Ростов-на-Дону: АПСН СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009.

**СУДЕБНИК 1550 ГОДА И СТОГЛАВ 1551 ГОДА:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В СИСТЕМАТИЗАЦИИ СВЕТСКИХ
И ЦЕРКОВНЫХ НОРМ**

Судебник 1550 г. и принятый вскоре после него Стоглав 1551 г. имеют огромное значение в процессе систематизации норм как позитивного, так и канонического права.

Само принятие данных двух источников в такое короткое время свидетельствует о том, что появились новые общие принципы систематизации нормативного материала. Идейным основанием кодификации, — отмечают Т. В. Шатковская и М.Х. Феодорова, — стала мифологема о «странствующем царстве», посредством которой из церковного в общественно-политическое сознание русского народа перешла мысль о его богоизбранности. Царская же власть стала олицетворением сочетания человеческого и божественного¹.

Во-первых, предпринимались попытки найти оптимальную структуру. Об этом свидетельствуют 99 (100) статей Судебника и 100 (101) глава решений Стоглавого собора.

Во-вторых, произошло осознание, что систематизацию государственного законодательства невозможно провести без приведения в систему норм канонического права. При этом государство впервые вторглось в чисто церковную сферу настолько открыто. Если раньше, несмотря на княжеские церковные уставы, уставные грамоты, основными источниками оставались Номоканон, Эклога и Прохирон, пришедшие на Русь из Византийской империи вместе с христианством, то в середине XVI века Российское государство впервые заявило, что может систематизировать нормы, регулирующие церковную жизнь. Однако было заметно и обратное влияние. Текст Судебника 1550 г. был утвержден Стоглавым собором.

В-третьих, как известно, Судебник 1550 г. являлся первым в русской истории нормативно-правовым актом, провозглашенным в качестве единственного источника права. Сведение норм канонического права в один источник, конечно, было невозможно, но в Стоглаве они были систематизированы: канонические источники: Священное Писание, Правила Святых Апостол, решения Вселенских и Поместных соборов христианской церкви; Кормчие

¹ Шатковская Т. В., Феодорова М.Х. Первая кодификация российского позитивного права: к юбилею Судебника 1550 года // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 3. С. 22.

книги; Устав князя Владимира; Постановления Собора 1503 г.; послания митрополитов.

В-четвертых, как показало дальнейшее развитие событий, общей постепенно становилась терминология позитивного и канонического (церковного) права. Так, одним из названий Стоглава было Соборное Уложение, т.е. термин, заимствованный в 1648–1649 гг. Земским собором для обозначения источника позитивного права.

В-пятых, систематизация норм светского права проходила посредством упорядочения процессуальных норм, которым уделялось большее внимание, чем нормам материального права.

В Стоглаве вопросам церковного суда также уделялось большое внимание: были отменены «несудимые» грамоты, что сделало монастыри подсудными своим епископам; светским судам было запрещено судить духовных лиц и т.д.

Это было связано с тем, что Судебник 1550 г. фактически стал основой для формирования новой системы судебных органов, а Стоглав фактически выстроил аналогичную систему церковных судов. Причем, как справедливо отмечает Н.Г. Ананьева, и те, и другие суды действовали на одних и тех же началах¹.

В-шестых, в Судебнике 1550 г. и Стоглаве 1551 г. было немало общих вопросов правового регулирования. Так, незадолго до принятия данных источников, в 1549 г., был учрежден Посольский приказ. Данное событие стало закономерным следствием активизации внешней политики Московского государства при Иване IV.

Пленение было настолько распространенным явлением, что в 1473 г. был заключен международный договор России и Крымского ханства о том, что пленные должны были освобождаться без выкупа. Однако, как показывают И.В. Очкасова и Т. Ф. Юдина, данные договорные нормы если и действовали, то очень короткое время². Пленных выкупали

В статье 56 Судебника 1497 г. регулировался такой важный для беспокойного рубежа XV и XVI вв. вопрос, как возвращение на родину пленных³. Данное явление было настолько распространено в период зависимости Руси от Золотой Орды, что существовал

¹ Ананьева Н.Г. Новации в системе судебных органов по Судебнику 1550 г. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. № 2 (12). С. 87.

² Очкасова И.В., Юдина Т. Ф. «Право войны» в контексте источников отечественного и международного права: исторический аспект // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 2. С. 13.

³ Судебник 1497 г. // Судебники XV–XVI веков / Под общ. ред. академика Б.Д. Грекова. М. — Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1952. С. 19–21.

особый вид налогов — полоняничные деньги, за счет которых выкупались пленные.

Согласно Судебнику Ивана III холоп, бежавший из золотоордынского плена, становился свободным. Статья 80 Судебника 1550 г. расширила данное положение: теперь бегство из любого пленения позволяло преодолеть холопское состояние. Однако сначала рассматривались обстоятельства, каким образом человек оказался за границей. Если было установлено, что он бежал туда по доброй воле, его возвращали прежнему хозяину. Выкупали пленных, как правило, либо родственники, либо купцы. Однако последние не всегда отпускали высвобожденных из плена, а зачастую использовали их в своей торговой деятельности.

Иван Грозный еще до Стоглавого собора 1551 г. пытался привлечь Церковь к процессу освобождения русских из плена. В частности, он подписал грамоту, адресованную новгородскому архиепископу Макарию, в которой требовал с бояр и монастырей средств для выкупа пленных.

Этот вопрос рассматривался и на Стоглавом соборе 1551 г. Глава 72 даже носила название «Об искуплении пленных», которая определяла обязанность опекать освобожденных из плена.

Наконец, в-седьмых, и Судебник 1550 г., и Стоглав 1551 г. действовали приблизительно до одного и того же времени. Судебник потерял значение действующего источника права с принятием Соборного Уложения 1649 г. Стоглав «продержался» до церковной реформы патриарха Никона, начавшейся в 1652 г. Достаточно вспомнить главу 31 Стоглава, закрепляющую, что «Аще ли кто двумя перстами не благословляет якоже и Христос, или не воображает крестного знамения, да будет проклят, святые отцы рекоша», чтобы понять, что решения Стоглавого собора 1551 г. являлись олицетворением старой веры, с которой и государственная, и церковная власть начали борьбу.

Однако было и отличное в систематизации светских и церковных норм середины XVI века.

Прежде всего, текст Судебника 1550 г. лучше структурирован содержательно. Например, главы с 6 по 40 содержат ответы на первые 37 вопросов царя. Продолжение ответов затем возобновляется в 42 и последующих главах. Видимо, соборные прения были прерваны появлением на соборе царя. Точно неизвестно, заседал царь с участниками Земского собора один день или несколько дней, но это породило так называемые вторые вопросы, которые были изложены в 42 главе, делятся на три группы: об интересах государственной

казны; о беспорядках в монастырской жизни; о порядке богослужения. 101 глава содержит вкрапление приговора о вотчинах.

Существовали различные подходы государства и Церкви и в вопросах преступления и наказания. В Судебнике 1550 г. раскаяние преступника влекло за собой лишь ужесточение наказания. Причем нередко применялась и смертная казнь¹. Церковь же, наоборот, видела в раскаянии одну из главных целей наказания за совершение церковных преступлений.

В заключении необходимо отметить, что некоторые черты систематизации нормативно-правового материала времен Судебника 1550 г. и Стоглава 1551 г. проявились позже.

Когда началась систематизация российского законодательства при Николае I в систему были приведены и нормы церковного права: в 1834 г. вышло новое издание Кормчей книги, в 1839 г. — на греческом и русском языках была издана Книга правил Святых Апостол, Вселенских и Поместных соборов и Святых Отцов, в 1841 г. — был издан Устав духовных консисторий, содержащий 368 узаконений.

Во второй половине XIX века наука церковного права заняла свое место в юриспруденции, с 1863 г. церковное право стало преподаваться на всех юридических факультетах Российской империи, что потребовало систематизации церковно-правового материала. Стали создаваться различные классификации источников церковного права. Одну из них, которая была названа «исторической», предложил известный профессор Юрьевского университета М.Е. Красножен. Источники церковного права были разделены им на три группы: 1) источники, заимствованные Русской Церковью от Греческой Православной Церкви; 2) русское церковное законодательство, включая Стоглав, принявший решение о двуперстном крещении; 3) русское государственное законодательство по делам Церкви, куда включался и Судебник 1550 г.²

В годы Первой российской революции специальной комиссией Высочайше утвержденного Предсоборного присутствия при Святейшем Синоде был разработан проект Церковного Судебника, но ему не суждено было стать действующим источником.

Таким образом, середина XVI в. имеет особое значение в процессе систематизации как нормативно-правового, так и религиозного материала. Пришло осознание того, что данные нормы ре-

¹ Катаева Е.И. Истоки освобождения от наказания в России // Вестник современных исследований. 2018. № 6.4 (21). С. 402.

² Красножен М.Е. Краткий очерк церковного права. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1900. 160 с.

гулируют одни и те же отношения, а поэтому должны согласовываться. Это было началом важного процесса, позволившим в 1841 г. в Уставе духовных консисторий законодательно закрепить, к примеру, среди источников церковного права божественное право.

Литература

1. Ананьева Н.Г. Новации в системе судебных органов по Судебнику 1550 г. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. № 2 (12).
2. Катаева Е.И. Истоки освобождения от наказания в России // Вестник современных исследований. 2018. № 6.4 (21).
3. Красножен М.Е. Краткий очерк церковного права. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1900.
4. Очкасова И.В., Юдина Т. Ф. «Право войны» в контексте источников отечественного и международного права: исторический аспект // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 2.
5. Шатковская Т. В., Феодорова М.Х. Первая кодификация российского позитивного права: к юбилею Судебника 1550 года // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 3.

**ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОПЫТ СУДЕБНИКА 1550 ГОДА
(ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)**

Судебник 1550 г. — источник российского права, основной сферой регулирования которого являлись судоустройство и судопроизводство в средневековой Руси периода царствования Ивана Грозного. В системе источников права российского государства Судебник 1550 г. скрупулезно и досконально изучался историками права в дореволюционный период отечественной истории. Исследователями произведен обстоятельный анализ не только содержания Судебника, но, что особенно важно, и исторического контекста его принятия в процессе систематизации источников права. При этом было проявлено самое пристальное внимание и уважительное отношение к работам по реконструкции гражданской истории России¹. Так, подробному описанию содержания Судебника, его значения для установления государственного порядка в царствование Ивана Грозного уделял внимание в своей русской истории, представленной в жизнеописаниях ее главнейших деятелей, Н.И. Костомаров. Именно к его материалу позднее обратился В.О. Ключевский, который связывал принятие Судебника 1550 г., как значимого события в истории России, с личностью царя и ее особенностями.

Не оставляют без внимания Судебник 1550 г. и современные авторы, в качестве объекта историко-правового анализа избравшие систему источников права в российском государстве. Рассматривая эту систему в процессе развития, А.А. Дорская и И.Л. Честнов уделяют большое внимание трактовке конкретного формального источника права в единстве с иными источниками права в правовой системе России².

В выступлении на конференции в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, посвященной Судебнику 1550 г., А.А. Дорская обратила внимание на то, что критерию объективного научного исследования соответствует лишь тот анализ Судебника 1550 г., который осуществляется в системе со Стоглавом 1551 г., который был принят на церковном

¹ См.: Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: ЭКСМО, 2006; Ключевский В.О. Иван Грозный: серия «Исторические портреты» [сайт] // Режим доступа: <https://www.litres.ru/> (дата обращения: 03.04.2020) и др.

² Дорская А.А., Честнов И.Л. Эволюция системы права России: теоретический и историко-правовой подходы: монография. СПб.: Астерион, 2010.

соборе. Заседание этого собора, как принято считать, открылось вступительным словом царя. Иван Васильевич зачитал участникам свое послание, в котором самодержец, в том числе, «сетовал» на непростое детство и каялся в грехах.

Фигура государя — главного субъекта, продвигающего и идею принятия Судебника, и особый порядок принятия документа, как показал анализ историографии вопроса, находится в фокусе внимания историков права. В этой связи, конечно, сложно абстрагироваться от личности царя, его политико-правовых взглядов, которые «идейно» питали и наполняли конкретным содержанием государственно-правовую жизнь средневековой Руси периода сословно — представительской монархической формы правления и формирования царского абсолютизма. Образ царя ярко предстает, прежде всего, в его переписке с князем А.М. Курбским. Вовсе не случайно, а скорее закономерно, что в четвертом томе пятитомной Антологии мировой правовой мысли, который посвящен России XI–XIX вв., в аннотации к разделу, посвященному правлению Ивана IV, составитель Н.М. Золотухина не просто воздержалась от анализа и оценок Судебника. Но даже и не упомянула о нем. Так же ни слова не было написано и о Стоглаве¹.

Принятие Судебника 1550 г. — это органическая часть более широкого по своему значению явления — реформирования общественной и государственной жизни. Важнейшим направлением реформ в этот период стали преобразования в сфере права и судопроизводства. Важно также иметь в виду изменение системы местного управления в ходе 2-го этапа губной реформы 1530–50-х гг. и земской реформы 1555–1556 гг. В период преобразований активизировалась деятельность судебных инстанций в Москве — судебных боярских комиссий, прежних центр. ведомств (дворцов и казны), формировавшихся приказов, собственно царского суда. Принятые в 1551–1562 гг. уложения, законы и нормы по объему практически равнялись Судебнику 1550 г. Они систематизировались в виде специальных правовых сборников и распространялись на местном уровне центральными ведомствами.

Не только Судебник, но и вся государственно-правовая жизнь России того периода связывалась с доминирующим актором политико-правовой динамики и светского, и церковного характера — личностью монарха, его персональным видением содержания госу-

¹ Антология мировой правовой мысли в пяти томах. М.: Мысль, 1999. Том IV. Россия XI–XIX вв. С. 178–179.

дарственных преобразований на основании собственных переживаний и полученного субъективного опыта.

На Соборе 1551 г. Судебник был окончательно утвержден и после этого процедурного момента стал одним из важнейших светских нормативно-правовых актов в истории нашего Отечества. Кроме того, Судебник — единственный источник позитивного права России того периода, который стал переломным в ее истории, поскольку «эта эпоха завершает собой все, что выработали условия предшествующих столетий». Принимая это во внимание, переоценить значимость принятия Судебника для эволюционной динамики правовой системы Отечества едва ли возможно.

В теоретико-историческом плане Судебник 1550 г. позволяет на конкретном материале из истории отечественного государства и связанного с ним позитивного права, его конкретных формальных источников актуализировать общие вопросы систематизации, различных ее аспектов в контексте более общего понятия — юридическая техника¹. Именно она, как известно, обеспечивает единые стандарты оформления юридических норм.

Следует вспомнить, что систематизация в общеправовой теории интерпретируется как специфическая деятельность специального субъекта, содержанием которой является количественная (внешняя) и качественная (внутренняя) обработка нормативного материала с целью приведения нормативных правовых актов и иных формальных источников права к определенному единству, т.е. в систему, причем по конкретному критерию (хронологическому или предметному). Именно от этого зависит конкретная форма систематизации. Для примера назовем те формы, которые в теоретическом плане хорошо разработаны: учет, консолидация, инкорпорация, а также кодификация — высшая форма систематизации, поскольку она одновременно выступает и как форма правотворчества, обусловленная принятием нормативного правового акта в форме кодекса.

Основы теории систематизации дают достаточные основания для того, чтобы констатировать: Судебник Ивана Грозного — «Царский Судебник» — стал важной вехой в развитии российской правовой системы, прежде всего в контексте систематизации источников национального права. В его основу был положен Судебник 1497 г., к которому были добавлены новые царские указы, изданные

¹ Детальнее см.: Правотворчество органов власти в Российской Федерации: проблемы теории и практики: монография под ред. О.И. Цыбулевской. Саратов: Поволжская академия государственной службы им П.А. Столыпина, 2009. С. 144–197.

за прошедшее с конца XV в. время, а также нормативно-правовые акты Земских Соборов и Боярской Думы, сведения о судебной практике.

Дальнейшие исследования Судебника в контексте выявления его действительной роли в правовой жизни своего времени требуют применения новой методологии, отвечающей современной научной парадигме. В методологическом плане определенные перспективы в получении нового истинного задания о государстве, праве и связанных с ними явлений и процессов в конкретном обществе на определенном этапе его исторического развития открываются при условии реализации анализа темы на новой методологической основе. Новизна при этом обуславливается тем, что используются эвристические ресурсы нетипичных для анализа в рамках позитивизма юридино-технических подходов. На этой стороне вопроса остановимся подробнее и, в частности, отметим пять принципиальных для последующего изложения тезисов:

эпоха методологического монизма в области социогуманитарного знания и юриспруденции — его органической составляющей — в течение последних 20–15 лет постепенно уходит в историю. Ей на смену приходит методологическое многообразие. Современный период развития научного знания, описываемый в системе координат «здесь и сейчас», характеризуется исследователями как непреодолимый в принципе плюрализм. Как отмечает проф. И.Л. Честнов: благодаря этому многообразию, современный период развития социогуманитарного знания, именуемый «пост-классика», значительно изменила его содержание¹. В качестве подтверждающего примера изложенного выше заметим, что современная методология исследования проблем общеправовой теории включает более десятка самостоятельных направлений. Среди наиболее известных: (а) формально-логическая, (b) диалектическая, (v) социологическая, (g) системная, (d) структуралистская, (e) историческая, (j) герменевтическая. К менее популярным, но все же дополняющим данность методологического мышления в познании и понимании права относятся такие как: (а) синергетическая, (b) феноменологическая, (v) аксиологическая, (g) культурологическая, (d) антропологическая;

социологический подход, как можно судить из вышеизложенного, относится к доминантным и именно поэтому достаточно широко используется в теоретической юриспруденции. При этом он

¹ Культуральные исследования права: коллективная монография под общей редакцией И.Л. Честнова, Е.Н. Тонкова. СПб.: АЛИТЕЙЯ, 2018. С. 8.

имеет обозримое применение, которое детерминировано тем, что социологическая методология [А] «оппозиционна по отношению к формально-логической методологии, положенной в основу юридической догматики»¹, поскольку бессмысленна в ней; [Б] она ограничена в своем эвристическом ресурсе по отношению к ряду др. вопросов. Так, признавая в качестве одного из принципов субъективность, а значит и субъектность, социологическая методология «оставляет» в стороне и не прибавляет знания относительно сущности: правосознания, его специфики и др. Другой пример — это исторические аспекты в характеристике государства и права;

методологический плюрализм позволяет сочетать на фундаменте «доминантной методологии» (в терминологии В.П. Малахова) элементы других подходов, способствуя повышению потенциала той или иной методологии. Принимая данное утверждение как аксиоматическое, отметим: обоснованно можно утверждать, что социологический подход к праву — это модель методологически сложной рефлексии. Данная модель рационального мышления описывается как многоуровневая и охватывает такие уровни, как общесоциологический, средне-социологический, конкретно-социологический. Принимая это во внимание, уточним: для предмета предлагаемого исследования, конечно, наиболее адекватен лишь ее первый уровень. Общесоциологический уровень социологической методологии связан с изучением общества на определенном этапе его исторического развития. Кроме этого, качественное своеобразие (синтетичность) социологической методологии состоит в контекстуальности самого научного мышления², в связанности с рядом самостоятельных методологических направлений;

основные принципы социологической методологии, которые объясняют ее эвристические возможности, достаточно известны. К ним относятся: эмпирическая адекватность, научность, аналитичность (дифференцированность) знания, индуктивность, детерминированность (обусловленность), ограничение (ретроспекция оснований должна иметь предел), фрагментарность, закономерность, структурность и системность, функциональность, субъектность и др.³ Важно помнить, что последовательная реализация этих прин-

¹ Малахов В.П. Методологическое мышление в познании и понимании права. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. С. 50.

² Князева Е.Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и свое будущее. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011, 2017. С. 173–176.

³ Об этом подробнее см.: Малахов В.П. Методологическое мышление в познании и понимании права: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018. С. 53–55.

ципов предполагает с одной стороны системность, а с другой — вариативность;

наряду с указанными выше принципами, в их системе важное место занимает и многофакторность. Согласно этому принципу степень значимости и адекватности знания возрастает в зависимости от увеличения числа условий, в контексте которых рассматривается конкретное явление. Поэтому отдельного внимания заслуживает факторный подход как модификация применения социологической методологии в исследовании правовых явлений.

Факторный подход эвристически перспективен и объективно «работает» на достижение нового объективного знания в силу мере двух причин:

во-первых, многофакторность как принцип и основанный на нем анализ позволяет ввести и использовать в дальнейшем понятие «фактор»¹. Полагаю приемлемым следующее определение понятия «фактор» — это явления и процессы, которые придают импульс и определяющие основные векторы в развитии правовых явлений и процессов в соответствии с их природой и, как следствие, определяющих возможности развертывания всех качеств права, правовых явлений и процессов. Фактор развития права обладает лишь вероятностным характером. Такое понимание фактора в рамках социологической методологии позволяет различать такие значимые для описания и объяснения права, связанных с ним правовых явлений и процессов (в нашем случае — формальных источников), как причины и условия. В связи с содержанием понятия «фактор» становится понятно, как следует расставлять акценты при использовании специальных терминов: условиями признаются лишь внешние по отношению к самому правовому феномену обстоятельства, причины — это предшествующие по времени и детерминирующие наличествующий результат, тогда как фактор носит вероятностный характер.

во-вторых, факторный подход в исследовании «предлагает», с одной стороны различные, различные виды факторов — это результат их классификации на основании критериев и факторов тождества: объективные и субъективные, внутренние и внешние, на уровне статики и динамики и др. Эти факторы следует рассматривать в системе. Используя в качестве методологических подходов вместе факторный и системный подходы, возможно определить «...

¹ Подробнее об этом см.: Баранова О.В. Система факторов развития современного права: дис. ... к.ю.н., М., 2020.

роль каждого из взаимодействующих факторов в общем процессе развития права»¹.

В контексте темы и в связи с изложенным выше в качестве иллюстрации внутреннего, субъективного и динамичного фактора систематизации и ее конкретно-исторических форм (на примере Судебника 1550 г.) обратимся к правосознанию².

Значимость правосознания определяется тем, что высокая степень активности правосознания субъекта образует самое глубокое основание возникновения (на уровне идей), качественного изменения и определяет эволюционную динамику правовой системы общества на всех ее уровнях. При этом правосознание — значимый фактор развития права (в том числе позитивного), его понимания в ретроспекции на уровне доктрины остается темой с большим количеством «белых пятен», которые вынуждают признать научный поиск далеким от завершения. Судить об этом можно, например, потому что:

содержание категории «правосознания» — цехового в рамках общей правовой теории и универсального на уровне учебников — детерминировано уровнем развития психологической науки второй половины XIX века. Разумный консерватизм в понимании и интерпретации правосознания, конечно, оправдан, но лишь постольку, поскольку в определенной мере компенсирует отсутствие прорывных решений современной гуманитарной науки в области сознания и, как следствия, правосознания;

некоторые исследователи, работающие в области философии права, уделяют проблеме правосознания внимание при установлении онтологических оснований типов правопонимания в постклассической юридической науки. Так, наряду с интегративным, коммуникативным и др. типами понимания права называется ментально-экзистенциональное правопонимание. Ее онтологическим основанием конституируется правовая ментальность, которая характеризует правосознание конкретного общества с точки зрения» глубинного понимания права, его целесообразности и необходимости, принятия или непринятия законности, правопорядка

¹ Баранова О.В. Указ. соч. С. 8.

² Автор обращался к данной теме в ряде своих работ ранее. См., например: Крупеня Е.М. Правосознание в правовой реальности современного социума // Вестник Академии права и управления. 2016. № 42. С. 70–77; Она же. Легитимация в контексте действия механизма саморегулирования права (на примере права публичных статусов гражданина) // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 2 (15). С. 110–117.

и устройства правового бытия конкретного общества»¹. Что же касается смежных областей социального и гуманитарного знания, то необходимо признать, что до сих пор понимание того, чем же является само сознание, отсутствует. А ведь именно такое знание является необходимой научно-теоретической и философской предпосылкой для конструирования понятия «правосознание»;

актуальность сохраняет знание о его внутренней форме и результатах функционирования структур правосознания — правовой идеологии и правовой психологии. Аксиоматическим сегодня является утверждение: чувства, выраженные в форме эмоций — это результаты «работы» правовой психологии — одной из структур внутренней формы правосознания; в процессе своего проявления они характеризуются разной степенью психической активности. Активность чувств и эмоций обеспечивает витальной энергией механизмы интериоризации политико-правовых ценностей, поддерживают волевой компоненте в процессе объективизации актов правомерного поведения. В дополнение к сказанному отметим, что понимание подлинной природы чувств и эмоций находится в латентном состоянии, она трактуется неоднозначно. Некоторые современные научные данные позволяют утверждать, что их природа заложена в мозге человека (т.е. в нейронной сети). Именно поэтому в условиях развития цифровой реальности и искусственного интеллекта проблема правосознания переформатируется.

Не меньше проблемных вопросов существует и в области понимания рационального знания;

понимание правосознания не подспудно, а непосредственно напрямую актуализирует вопрос о субъектах в правовой системе, поскольку абстрактного, бессубъектного правосознания в принципе существовать не может.

Сказанное позволяет сделать следующие выводы:

в теоретическом плане Судебник 1550 г. позволяет на конкретном материале из истории отечественного государства и связанного с ним формальных источников права актуализировать общие вопросы систематизации, различных ее аспектов в контексте более общего понятия-юридическая техника. В этой связи сохраняют свою актуальность юридико-технический подход как доминирующий в рамках юридического позитивизма (как известно, «Царский Судебник» — важная веха в развитии российской правовой системы,

¹ Медушевская Н.Ф. Онтологические основания типов правопонимания в постнеклассической юридической науке // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 47.

прежде всего на уровне оформления источников национального права, поскольку в его основе Судебник 1497 г., к которому были добавлены новые царские указы, изданные за прошедшее с конца XV в. время, а также нормативно-правовые акты Земских Соборов и Боярской Думы, сведения о судебной практике);

в методологическом плане определенные перспективы открываются при условии реализации анализа конкретной эмпирической основы – Судебник 1550 г. с позиций социологического подхода, конкретизированного на общесоциологическом уровне, который дополняется факторным анализом. Этот подход позволяет уточнить влияние на систематизацию и различных социальных факторов, и конкретных исторических личностей – носителей правосознания.

Литература

1. Антология мировой правовой мысли в пяти томах. М.: Мысль, 1999. Том IV. Россия XI–XIX в.в.
2. Баранова О.В. Система факторов развития современного права: дис. ... к.ю.н. М.: 2020.
3. Дорская А.А., Честнов И.Л. Эволюция системы права России: теоретический и историко-правовой подходы: монография. СПб.: Астерион, 2010.
4. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: «ЭКСМО». 2006.
5. Ключевский В.О. Иван Грозный: серия «Исторические портреты» [сайт] // Режим доступа: <https://www.litres.ru/> (дата обращения: 03.04.2020).
6. Князева Е.Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и свое будущее. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011, 2017.
7. Крупеня Е.М. Политико-правовая активность личности и российское государство: к вопросу цивилизационной соотносимости // история государства и права. 2009. № 7.
8. Крупеня Е.М. Правосознание в правовой реальности современного социума // Вестник Академии права и управления. 2016. № 42.
9. Культуральные исследования права: коллективная монография под общей редакцией И.Л. Честнова, Е.Н. Тонкова. СПб.: АЛИТЕЙЯ, 2018.
10. Малахов В.П. Методологическое мышление в познании и понимании права: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018.
11. Медушевская Н.Ф. Онтологические основания типов правопонимания в постнеклассической юридической науке // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2.

12. Правотворчество органов власти в Российской Федерации: проблемы теории и практики: монография / под ред. О.И. Цибулевской. Саратов: Поволжская академия государственной службы им П.А. Столыпина, 2009.

**ЦЕННОСТНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНИКА 1550 ГОДА
ДЛЯ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ**

Обсуждение вопросов истории систематизации законодательства в контексте Судебника 1550 г. показывает, что теория права может быть основана не только на его догме, но и на уяснении соотношения между нормой права и реальными явлениями социальной жизни. При таком подходе мы не подвергаем анализу юридические нормы с целью практического их применения или не прибегаем к синтезу, с целью удобного пользования юридическим материалом. Изложение жизненной, фактической стороны права нельзя отделять от изложения самого права.

Важное значение для понимания природы права имеют идеи, высказанные и обоснованные представителями немецкой исторической школы права, до сих пор не теряющие своей актуальности¹. Они полагали, что все право возникло из духа народа, следовательно, придавали значение субъективным факторам образования права.

В развитие идей исторической школы, можно также указать на объективный фактор развития права. Если историческая школа наметила, откуда происходит право (не из прирожденной идеи, а из народного духа), но не объяснила процесс образования, как самого народного духа, так и происхождения из него права, то Лоренц фон Штейн разъяснил процесс и способы самого возникновения права при содействии социальных элементов, хотя обстоятельное решение вопроса о том, как возникает право, составляет задачу юриспруденции, основанной на социологии.

Сегодня многие ученые не занимаются анализом психического фактора общества (с точки зрения его национальных исторических традиций), принимающего деятельное участие в создании права. Между тем, заслуживает внимания мнение, по которому, чтобы понять юридическую норму, мало понять жизнь, ради которой она возникла; следует понять еще ту среду, которая ее сформулировала и обосновала.

Поэтому изучая Судебник 1550 г., как один из примеров систематизации законодательства в фокусе историко-правовой науки, мы должны это делать с учетом этнических, национальных, рели-

¹ Пашенцев Д.А. Историко-правовая наука перед вызовом постнеклассической научной рациональности // История государства и права. 2021. № 3. С. 76–77.

гиозных, психических факторов, а также ментальной среды, в которой создавался Судебник.

Появление нового Судебника (или, как считал С. В. Юшков, новой редакции старого, великокняжеского Судебника 1497 г.) объяснялось, во-первых, изменением официального статуса государя, венчанного на царство и одновременно принявшего на себя, как можно считать, некоторые дополнительные сакральные функции. Вместе с тем требовали разрешения новые социальные противоречия, которые, накопившись, привели к городским восстаниям середины XVI в. В этих условиях правительство Ивана Грозного серьезное внимание уделило составлению нового Судебника.

В статьях нового Судебника получили развитие намеченные еще Судебником 1497 г. тенденции дальнейшей централизации управления и судопроизводства¹. Так, ограничивалась власть наместников и волостелей: дела «о ведомых разбойниках» были переданы под юрисдикцию губных старост. Тем самым расширялись рамки проведения губной реформы, охватывавшей ранее лишь северные уезды, а она сама получала юридическое обоснование. Судебником вводились приказы. Однако перестройка центральных ведомств и учреждений, подчиненных им на местах, в этот период только начиналась.

В целях укрепления социальной базы центральной власти расширялись права служилого сословия. В частности, запрещался переход служилых людей в кабальное холопство, ограничивалось право перехода крестьян, более детально регламентировались взаимоотношения между феодалами и зависимыми крестьянами. Одновременно из-за неразвитости государственного аппарата правительство еще не могло пойти на полное закрепощение крестьян.

Таким образом, предоставление индивиду государством личной и имущественной неприкосновенности и самостоятельности есть результат заботы государства о самом себе, последствие осуществления идеи солидарности общих и частных интересов. Государство, в данном случае, заботясь о «служилом сословии», заботится о себе.

По нашему мнению, основание частного права — не индивидуальный интерес, а публичный. Индивидуальный интерес показывает только ближайшие причины образования частного права. С точки зрения интересов, преследуемых публичным и частным правом, мы не можем провести резкой границы между публичным

¹ Пашенцев Д.А., Чернявский А.Г. История отечественного государства и права. 2-е изд. М.: Инфра-М, 2019. С. 83.

и частным правом, не можем положительно сказать, где начинается частное и где заканчивается публичное право, потому что частный и публичный интерес переплетаются между собой, и мы должны признать частное право сферой, отведенной государством индивиду, для реализации его индивидуальных целей, но в интересах государства.

Положения Судебника 1550 г. получили свое развитие в разнообразных указах, грамотах, постановлениях, уложениях, фиксировавшихся в специальных указных книгах, которые велись при центральных учреждениях. В числе подобных указов были постановления сначала о временном, а затем и полном запрете крестьянского выхода в Юрьев день (с 1581 г.), что стало важной вехой на пути окончательного закрепощения крестьян. Впоследствии эта норма была подтверждена указами о введении так называемых урочных лет — срока хранения дворянских челобитных по поводу сыска беглых крестьян.

Однако свойственное дворянско-буржуазной историографии преувеличение организующей роли государственной власти и законодательных памятников без учета других факторов выдвигало на 1-й план деятельность князя-законодателя. «Великий князь Иоанн Васильевич, — пишут далее Строев и Калайдович, — ведал сей недостаток и принял меры оный исправить». Отмечая, что нормы Судебника 1497 г. «характером своим много разнятся от Ярославовых», эти авторы не только не показали, чем данные изменения вызваны, но, сравнив Судебники 1497 и 1550 гг., пришли к неверному выводу об отсутствии фактической разницы между ними. Строев и Калайдович расценили князя Ивана III как «законодателя», а Ивана IV — лишь как «исправителя» его законов. Вместе с тем ими отмечается большая полнота и определенная система Судебника 1550 г., имеющего новые, по сравнению с Судебником 1497 г., статьи. Однако эти различия они объясняют не причинами централизации государства, а ошибками переписчиков.

В целом, Судебник 1550 г., как памятник права, имеет важнейшее историческое значение для истории российского государства и права по следующим основаниям:

1. Это первый письменный кодекс, обнародованный для всей России от имени верховной власти, кодекс в высшей степени примечательный, как памятник, основанный на прочном утверждении самодержавия в нашем обществе, как краеугольный камень всего последующего развития письменного законодательства.

2. В Судебнике 1550 г. нашли отражение общие нормы о судостроительстве и судопроизводстве и подчинении местного суда центральному, что в итоге стало важным шагом в истории российского суда;

3. Сохранив казуистическую форму закона, вышедшего из сферы правовой практики Московского государства, Судебник становится законом для всей России, выступая вспомогательным источником права для всякого областного суда, для всякой уставной грамоты;

4. Судебник — это первый опыт кодификации в России, первый кодекс феодального права Русского централизованного государства

5. Основное внимание в Судебнике 1550 г. уделялось двум категориям населения, существовавшим в Русском государстве конца XV в.: детям боярским и черным людям. Дети боярские составляли ядро великокняжеского войска, черные люди являлись основой великокняжеского хозяйства.

6. Централизация территориальная, имевшая важное значение для развития Российского государства, предопределила централизацию законодательную.

7. Судебник 1550 г. доказывает, что уже в этот период происходило не только узаконение обычая как единственно “творческой” силы, а появился и классовый характер права.

8. Судебник 1550 г. — это памятник права, регламентировавший определенные социальные сдвиги на пути замены феодальных общественных отношений отношениями «торгового капитализма».

9. Судебник 1550 г. стал начальным актом, приведшим к созданию великокняжеской бюрократии на всей территории Русского государства.

10. Судебник 1550 г. — элемент более сложной систематизации правовых установлений, предполагающей урегулирование сфер светского и церковного права.

Литература

1. Пашенцев Д.А. Историко-правовая наука перед вызовом постнеклассической научной рациональности // История государства и права. 2021. № 3.
2. Пашенцев Д.А., Чернявский А.Г. История отечественного государства и права. 2-е изд. М.: Инфра-М, 2019.

УКРЕПЛЕНИЕ ПРАВОПОРЯДКА В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ СУДЕБНИКА 1550 ГОДА

В современных условиях, когда общество и государство сталкиваются с новыми вызовами и угрозами (цифровизация, пандемия и т.д.), большое значение имеет укрепление правового порядка, создание такой системы правового регулирования общественных отношений, которая позволит давать своевременные и адекватные ответы в самых непредвиденных ситуациях. В этом отношении представляется важным исследование историко-правового опыта, связанного с использованием правовых средств для поддержания правопорядка в иные эпохи.

С современных методологических позиций правопорядок — это не только «определенная система общественных отношений, складывающаяся на основе права и законности»¹, но и повседневная деятельность по реализации правовых норм, массовое поведение участников общественных отношений². В основе этой деятельности лежит баланс интересов — личных, государственных и общественных³. Правопорядок обладает культурно-исторической обусловленностью и социальной целесообразностью. В разные эпохи он детерминирован существующей правовой традицией, правосознанием общества, формой государства и стоящими перед правительством задачами, особенностями развития правовой системы.

Правопорядок нельзя считать порождением современного времени. Вполне правомерно говорить о правовом порядке Древней Индии, Римской империи, Киевской Руси и т.д. В период действия Судебника 1550 г. также существовал определенный правопорядок, и государство стремилось поддерживать и укреплять его теми средствами, которые были ему доступны.

Время создания и действия Судебника 1550 г. — это период сословно-представительной монархии. В процессе централизации и укрепления своей власти правитель опирался на представительство ведущих сословий общества в виде земских соборов.

¹ Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М., 2001. С. 197.

² Пашенцев Д.А., Черногор Н.Н. Правопорядок в контексте современной постклассической методологии // Юридическая наука. 2017. № 1. С. 22.

³ См.: Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография. Т. 1 / отв. ред. Н.Н. Черногор. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019.

Именно земские соборы позволяли сбалансировать интересы общественных слоев и элитных групп того времени, выработать и принять компромиссные решения. Поэтому земские соборы можно рассматривать как характерный элемент институциональной основы правопорядка периода сословно-представительной монархии в России. При этом земские соборы, в отличие от сословно-представительных органов других стран, не имели закрепленной в законе компетенции.

По мнению С.С. Алексеева, «правовые средства — это нормы права, индивидуальные предписания и веления, договоры, средства юридической техники, все другие инструменты регулирования, рассматриваемые в единстве характерного для них содержания и формы»¹. Государство имеет в своем арсенале широкий набор правовых средств для поддержания правопорядка. Фактически вся деятельность в юридической сфере в той или иной мере направлена на достижение этой цели. В то же время, приоритетное значение имеют средства, ориентированные на борьбу с преступностью, так как именно преступность выступает одной из самых главных угроз правопорядку. Главным средством противодействия преступности является уголовное право.

Особенности развития уголовного права в рассматриваемый период определялись тем, что в период сословно-представительной монархии «лейтмотив действия государства состоит в стремлении всеми доступными методами усилить власть правителя, облечь ее в новые формы, сформировать новую, более жесткую модель взаимоотношений с обществом»². Соответственно, наблюдался постоянный процесс ужесточения правовых норм, устанавливавших юридическую ответственность. В этом отношении Судебник 1550 г. занимал промежуточное положение между Судебником 1497 г. и Соборным уложением 1649 г.

Новации Судебника 1550 г. в уголовно-правовой сфере состояли в следующих основных положениях.

Во-первых, было предусмотрено более широкое, чем раньше, применение тюремного заключения в качестве уголовного наказания. Но применялось оно, как правило, к представителям высших слоев общества, так как держать в заключении преступников простого звания было экономически невыгодно.

¹ Алексеев С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 14.

² Пашенцев Д.А. Конструирование преступности в период сословно-представительной монархии в России // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 3. С. 432.

Во-вторых, была установлена ответственность за коррупционные преступления, которые на этом этапе стали осознаваться государством как опасные для правопорядка. В Судебнике появилась группа статей, которые устанавливали тюремное заключение для дьяков, подьячих и других чиновников за взяточничество и подделку документов в процессе ведения уголовных дел.

В-третьих, была установлена уголовная ответственность за лжесвидетельство в процессе следствия и суда.

В-четвертых, был введен новый порядок судопроизводства по делам об уголовных преступлениях. Судебник разделил разбойные, душегубные и татебные дела. Для первых двух категорий были предусмотрены специальные судьи — губные старосты. Во время суда над преступником-татем нужно было спросить о нем у общества, к которому он принадлежал. Если члены общества называли его лихим человеком, то это становилось основанием для применения пытки. Сознавшийся под пыткой в преступлении тать подлежал смертной казни, а не сознавшийся приговаривался к пожизненному заключению. Если общество называло вора добрым человеком, то его подвергали торговой казни (битье кнутом на торговой площади) и отдавали обществу на поруки.

В-шестых, большую определенность получает само понятие преступления, которое теперь именуется не обидой, как раньше, а лихим делом. Отсюда следует, что раньше борьба с преступностью осуществлялась в порядке частного обвинения, а теперь преступность как серьезная угроза правопорядку приобретает публично-правовой характер.

В целом, для Судебника 1550 г. характерно увеличение видов преступных деяний, подлежавших наказанию, а также большая их дифференциация. Кроме того, окончательно вопросы борьбы с преступностью переходят от общины к государству, что выводит эти вопросы на совершенно новый уровень¹.

Современные ученые справедливо отмечают, что между нормами Судебника 1550 г. и юридической практикой того времени существовала большая разница, которая определялась стремлением монарха самовластно карать своих подданных, не ограничивая себя при этом законодательными нормами². Фактически государь мог применять смертную казнь совершенно произвольно, особенно когда шла речь о его власти и авторитете, которые рассматрива-

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995. С. 336.

² Пашенцев Д.А. Указ. соч. С. 434.

лись как основа правопорядка. Ярким примером служит расправа Ивана Грозного над населением Новгорода. Однако в этом случае мы имеем дело с явным противоречием — правопорядок пытались укрепить неправовыми средствами, что не способствовало росту уважения к праву в обществе, порождало правовой нигилизм населения, оказывало деструктивное воздействие на правовую систему и правоприменительную практику. Во многом такая ситуация объяснялась субъективным моментом — личностью самого Ивана Грозного. В конечном итоге, это привело к разрушению государственности и правопорядка в период Смутного времени.

Литература

1. Алексеев С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995.
3. Пашенцев Д.А. Конструирование преступности в период сословно-представительной монархии в России // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 3.
4. Пашенцев Д.А., Черногор Н.Н. Правопорядок в контексте современной постклассической методологии // Юридическая наука. 2017. № 1.
5. Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М., 2001.
6. Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография. Т. 1 / отв. ред. Н.Н. Черногор. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019.

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ
ПО СУДЕБНИКУ 1550 ГОДА**

Если обратиться к ранним источникам отечественного права, можно увидеть, что правосудие с давних времен являлось объектом уголовного права, но, несмотря на это, в законодательных актах не существовало термина «правосудие» как такового.

Обратимся, например, к «Русской правде», к Уставу князя Владимира «О церковных судах» и к другим источникам, в них были установлены наказания за посягательства и репутацию судей, вмешательство в их деятельность, ложные доносы и ложные показания¹.

Нужно отметить, что в законодательных актах того времени не существовало положений, касающихся защиты правосудия, то есть не было норм, которые бы устанавливали наказания за противоправные деяния лицами, которые рассматривают различного рода дела.

Изучив законодательные акты, которые появились в первой половине XIV века, можно заметить, что в этот период стали появляться нормы, которые регулировали и предусматривали не только ответственность за посягательства на судей, но и на законность и обоснованность выносимых ими решений.

В Судебнике 1497 г., помимо установления запрета для судей брать взятки и отказывать в правосудии учитывая свои личные выгоды, был предусмотрен запрет на заведомо ложные показания, но санкции за такие преступления отсутствовали².

Хотя документ являлся одним из первых, в котором была установлена ответственность за неподчинение для должностных лиц.

К моменту принятия следующего Судебника были уже определены минусы и пробелы в судебной системе того времени. Естественно, что новый документ, опираясь на предшествующий сборник законов и учитывая все недочеты, стал развивать судопроизводство, а также стал объемнее и функциональнее по содержанию.

---

¹ Стрыгина И.В. Очерк истории преступлений против правосудия по уголовному законодательству досоветского периода // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 10. С. 218.

² Пашенцев Д.А., Дорская А.А. Развитие законодательства о противодействии коррупции в России: тенденции и исторические этапы // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 59.

Если подробно изучить рассматриваемый нами документ, можно отметить следующее: во-первых, составители большое внимание уделили преступлениям против должностных лиц; во-вторых, был существенно увеличен круг преступлений, совершаемых должностными лицами; в-третьих, огромное внимание уделено такому преступлению как взяточничество и неправильному рассмотрению дел и вынесению решений. Многие источники уже содержали положения о взяточничестве и тайном взяточничестве, но ни один документ не указывал различия между этими преступлениями. В результате чего, можно утверждать, что регулировалась одна разновидность этого преступления.

В первой половине XVI в. Московское государство погрязло в гряде сложнейших внутренних проблем, связанных с упадком управления и суда. Все это привело к необходимости проведения губной реформы.

Ситуация складывалась следующим образом: полная запущенность системы суда приводила к властному произволу, власть должна была искать пути выхода из сложившейся кризисной ситуации.

В связи с ситуацией в государстве в то время, можно проследить сочетание в новом Судебнике 1550 г. построения новой системы правонарушений и новой системы мер ответственности должностных лиц с главной на тот момент проблемой — реформирования судебной системы.¹

Как известно, создание Судебника 1550 г. во многом преследовало цель исправить ненадлежащее состояние судебной системы, жалобы на которую поступали от всех слоев населения.

Таким образом, в Судебнике появилось 10 статей, которые включали в себя санкции за должностные преступления. Новым шагом стало и то, что было сформулировано понятие должностного преступления, которое включало в себя факт вынесения неправильного решения судьей в результате получения взятки.

Категория должностных преступлений, то есть деяний против суда, включала в себя получение взяток, совершение подлогов и подделку документов. Ответственность за такие преступления наступала при наличии вины и носила, естественно, сословный характер.

---

¹ Стрыгина И.В. Очерк истории преступлений против правосудия по уголовному законодательству досоветского периода // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 10. С. 218.

В этом случае судьи несли не только материальную ответственность, но и уголовную. Они возмещали истцу сумму иска и соответственно, все пошлины и все это должно было быть возмещено в трехкратном размере.

В отношении же уголовной ответственности, тут были некоторые привилегии у судей, так как, решение принималось главой государства. Но для низших должностей все же предусматривалась уголовная ответственность.

Еще одним немаловажным фактом является и то, что, например, как известно в Русской правде, понятие преступления обозначалось термином «обида», но к XVI в. появилось положение, когда преступлением считалось нанесение материального и морального ущерба лишь в случаях, предусмотренных нормами права¹.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что под преступлением по Судебнику 1550 г. подразумевалось деяние, направленное против интересов государства.

Нужно отметить, что в Судебнике расширялся круг регулируемых судебной властью вопросов. Был закреплён сословный принцип наказаний и одновременно с этим расширен круг субъектов преступления.

Под преступлением стали понимать не только обиду и нанесение морального и материального вреда, но и нарушение правил социального и правового порядка. Преступление стало пониматься как нарушение установленных норм и указаний государя, которые, естественно, связаны с интересами государства².

Очень важным шагом для разграничения ответственности, стало отграничение судебной ошибки от должностного преступления.

Появилась возможность отмены неправильного решения судьи, таким образом, у истца появлялась возможность на повторное рассмотрение дела.

Такое преступление как ябедничество наказывалось гораздо строже, чем умышленное неправосудие. Это способствовало уменьшению жалоб.

---

¹ Стрыгина И.В. Очерк истории преступлений против правосудия по уголовному законодательству досоветского периода // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 10. С. 220.

² Сквозников А.Н. Ответственность за преступления против правосудия и интересов государственной службы по Судебникам 1497 и 1550 гг. // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2012. № 1. С. 79.

Появились статьи, которые определяли размер пошлин, которые должны были выплачивать должностные лица. Не обошли стороной и вымогательство взятки и отстранение от должности, но вот ответственность судей в данном случае не прописана в Судебнике.

Появилась и статья, которая вводила уголовную ответственность за клевету на судей. Вводились также статьи за волокиту и недостоверное составление протоколов.

Делая вывод, можно отметить, что в этот период формировались новые цели наказания, основной из которых стала демонстрация власти, так, например, смертная казнь, которая могла быть отменена помилованием со стороны государя. Судебник стал более активно использовать экономические санкции по отношению к судьям и все больше за ненадлежащую защиту интересов истца. Более того, усилилась роль судебных органов над нижестоящими судами.

Можно сделать вывод, что при разработке нового Судебника были сделаны попытки изменить судебную систему, что по мнению многих ученых получилось. Впервые в истории были установлены меры по предотвращению судебного произвола, определился круг наказаний за такие правонарушения. Была сделана попытка введения строгих правил и ограничений, направленных на ограничение и прекращение судебного произвола¹.

Судебник 1550 г. обозначил новый этап изменения отечественного законодательства, сделав упор на изменения в системе мер юридической ответственности, в системе судебных органов, а также в особенностях судопроизводства.

В заключении, можно отметить следующее, Судебник 1550 г. сыграл немаловажную роль в становлении и развитии положений о преступлениях должностных лиц против правосудия. Но при этом можно отметить нарушение последовательности в положениях документа, например, есть положения о нарушении порядка в деятельности суда, но при этом наказание очень различно для разных должностей, от возмещения ущерба до лишения свободы.

Однако, есть и много положительных моментов в тексте Судебника, так происходит установление пределов публичности суда, искоренение безответственности судебной власти, помимо всего прочего дается определение необоснованному обвинению судей в нарушении осуществления ими своих полномочий.

¹ Ананьева Н.Г. Ответственность за должностные преступления по Судебнику 1550 г. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия юридические науки. 2011. № 4 (7). С. 10.

Литература

1. Ананьева Н.Г. Ответственность за должностные преступления по Судебнику 1550 г. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия юридические науки. 2011. № 4 (7).
2. Пашенцев Д.А., Дорская А.А. Развитие законодательства о противодействии коррупции в России: тенденции и исторические этапы // Журнал российского права. 2020. № 4.
3. Стрыгина И.В. Очерк истории преступлений против правосудия по уголовному законодательству досоветского периода // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 10.
4. Сквозников А.Н. Ответственность за преступления против правосудия и интересов государственной службы по Судебникам 1497 и 1550 гг. // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2012. № 1.

**РЕФОРМИРОВАНИЕ СВЕТСКОГО И ЦЕРКОВНОГО СУДА
ПО СУДЕБНИКУ 1550 ГОДА И СТОГЛАВУ 1551 ГОДА**

Право судебной власти предоставлялось церкви во все времена, начиная с момента ее признания государством. Однако в разные периоды времени объем и содержание церковно-судебной компетенции отличались, что было обусловлено историческими и местными условиями каждой церкви. Считая уголовно-судебную власть неотъемлемым свойством государства, дореволюционный специалист по церковному праву профессор М. Горчаков утверждал, что наделение церкви полномочиями по уголовному и гражданскому судопроизводству не является необходимостью для самой церкви, а также не имеет пользы и для государственной власти. Передача этих полномочий церкви, по его мнению, означала «ненормальность государственного строя или его слабость».¹

Для периода создания Московского государства характерна тенденция укрепления центральной власти в целом и централизация судебной власти в частности. Именно в этот период происходит сужение юрисдикции церковного суда, что первоначально было закреплено в Судебнике 1497 г., и имело свое дальнейшее развитие в Судебнике 1550 г.

Судебник 1497 г., закрепив единообразие судебной практики, становится инструкцией для организации судебного процесса и суда в целом. В судебную систему входили следующие виды судов: государственные, вотчинные и церковные. Именно в этот период происходит окончательное разделение юрисдикции церковного и светского судов, что свидетельствует о том, что были заложены тенденции государственного управления и судопроизводства, которые развиваются и в последующий период.

Принятие нового Судебника было обусловлено с одной стороны, изменением статуса государя, в 1547 г. Иван IV венчался на царство, принимая на себя некоторые сакральные функции; с другой стороны, социальными противоречиями, которые привели к городским восстаниям середины XVI в. В результате в период реформ Ивана IV начинается подготовка нового Судебника, который выступил правовой основой их проведения.

Судебник 1550 г. предусматривал две формы судебного процесса: состязательный процесс для гражданских и уголовных дел по менее тяжким преступлениям при помощи свидетельских пока-

¹ Горчаков М.И. Лекции по церковному праву. СПб., 1899. С. 360–362.

заний и присяги (ст. 55) и розыскной процесс для уголовных дел по более серьезным преступлениям (ст. 56).¹

Судебник 1550 г. определял порядок составления судебного протокола (ст. 29), изменял порядок судопроизводства по земельным искам (ст. 84), ограничивал юрисдикцию церковного суда (ст. 91). Ряд статей Судебника была посвящена наместническому суду. Так, предусматривалось сокращение количества дел подсудных наместнику с боярским судом (ст. 63), определялась компетенция кормленщика без боярского суда (ст. 66), устанавливался контроль наместничьего суда со стороны выборного управления (ст. 70).

Говоря о реформировании суда, также стоит упомянуть о губной и земской реформах, которые не являются отдельным предметом нашего исследования, но имеют определенное значение для реформирования светского суда. Губная и земская реформы, устанавливали на местах судопроизводство по уголовным делам (губные учреждения) и гражданское судопроизводство и некоторые уголовные дела (разбой и душегубство) (земские учреждения, которые в том числе выполняли административно-налоговые функции).

Что касается компетенции земских изб, распространявшейся на жителей посада и крестьян, то она не была четко регламентирована и в некоторых случаях пересекалась с компетенцией губных изб. Это в первую очередь касалось вопросов совместного рассмотрения уголовных дел. В отдельных районах там, где губных изб не было, земские избы могли выполнять их функции, в частности рассматривать уголовные дела по делам о душегубстве.²

В результате этих реформ на местах создавались выборные судебные органы, деятельность которых имела положительный результат и способствовала в дальнейшем отказу от системы кормлений.

Церковный суд, обладающий собственной юрисдикцией, являлся проводником юридических и нравственных понятий. Компетенции церковного суда были подсудны не только представители духовенства, но и миряне. Так, в соответствии с Судебником 1497 г. признавалось наличие святительского суда и совместного суда. Данное положение было подтверждено и Судебником 1550 г., не-

¹ См.: Иванова К.В., Меркулова М.С., Мышевская К.В. Судебная система России: историко-правовой обзор // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1 (43). С. 33.

² См.: Морозова Л.А. Судебная реформа середины XVI в. (губное и земское самоуправление и выборные суды на местах) // Государство и право. 2011. № 5. С. 97.

смотря на то, что вводились некоторые ограничения, коснувшиеся вопросов подведомственности церковного суду.¹

Светской властью в середине XVI в. предпринимались попытки урегулирования отношений между церковью и государством по ряду вопросов, включая вопросы церковной собственности и единообразия внутренней жизни церкви, что нашло отражение в принятии Стоглава.

Церковный собор, созданный по инициативе царя Ивана Васильевича, заседал в Москве с 23 февраля по 11 мая 1551 г. под председательством Митрополита Макария, был вызван необходимостью наведения порядка в церкви. Он вошел в историю под названием Стоглавого, его положения отражают правосознание, характерное для русской церкви XVI в.² Особое значение среди решений Стоглавого собора занимали вопросы, которые касались церковного управления и полномочий суда.³

Стоглавом был определен порядок судоустройства и судопроизводства. Так, главами 58–60 было регламентировано устройство церковного суда, его юрисдикция, а также соотношение со светским судом. В главе 68 освещаются вопросы, связанные с порядком судопроизводства в церковных судах. Подтверждается разграничение юрисдикции церковного и светского суда и невмешательство светской власти в церковные дела.

Статьи Судебника 1497 г. и 1550 г., ограничивающие компетенцию церковного суда, получили свое дальнейшее развитие. Так, главой 63 определялся круг лиц, подсудных церковному суду. К ним относились лица духовного сословия и лица, которые находятся под покровительством церкви.

В главах 64–66 подтверждается невмешательство светских властей в церковные дела. Источником 64 главы стала грамота митрополита Киприана Пскову, в которой говорится о святительском суде, его компетенция расширяется, ему были подсудны настоятели и настоятельницы монастырей. Глава 67 отменяла несудимые грамоты, которыми монастыри освобождались от епископского суда за исключением духовных вопросов. При этом следует отметить,

¹ См.: Павлушков А.Р. Церковь в карательной политике государства: периодизация и эволюция взаимоотношений // Приоритетные направления развития науки и образования. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». 2018. С. 195–197.

² Горчаков М.И. Указ соч. С. 131.

³ См.: Алексеева Н.И. Правовой режим церковно-монастырских земель в России в XV–XVII вв.: дис. ... канд.юр.наук: 12.00.01. Калининград, 2016. С. 92–94.

что выдача «несудимых грамот» продолжалась и после Церковного собора 1551 г.

Несмотря на то, что за церковью сохраняется судебная компетенция, в связи с принятием Стоглава юрисдикция церкви ограничивается, ряд вопросов изъят из ее ведения, и значительно сузился круг лиц, подлежащих монастырской подсудности, в частности к ним стали относиться только нищие, которые питались от церкви божией.

Вышеизложенный материал позволяет резюмировать, что в нормах Стоглава, регламентирующих деятельность церковного суда, наблюдается взаимосвязь с постановлениями светской власти относительно вопросов судопроизводства в предшествующий период, в частности с нормами Судебников 1497, 1550 гг., в которых прослеживается тенденция к сужению круга вопросов, рассматриваемых духовным судом и централизации судебных органов, а также стремление светской власти установить контроль над церковными судами. Таким образом, заложенные в Судебнике 1497 г. тенденции централизации управления и судопроизводства, разграничения подсудности судов, включая духовные суды, были развиты в Судебнике 1550 г. и Стоглаве 1551 г.

Литература

1. Алексеева Н.И. Правовой режим церковно-монастырских земель в России в XV–XVII вв.: дис. ... канд.юр. наук: 12.00.01. Калининград, 2016.
2. Горчаков М.И. Лекции по церковному праву. СПб., 1899.
3. Иванова К.В., Меркулова М.С., Мышевская К.В. Судебная система России: историко-правовой обзор // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1 (43).
4. Морозова Л.А. Судебная реформа середины XVI в. (губное и земское самоуправление и выборные суды на местах) // Государство и право. 2011. № 5.
5. Павлушков А.Р. Церковь в карательной политике государства: периодизация и эволюция взаимоотношений // Приоритетные направления развития науки и образования. Пенза: Наука и Просвещение. 2018.

**УСТАВНЫЕ ТАМОЖЕННЫЕ ГРАМОТЫ В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ
ПРАВА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА**

Древнерусское право возникло одновременно с государством Киевской Руси, их дальнейшее развитие происходило в тесной взаимосвязи. Именно поэтому формирование Московского централизованного государства привело к значительным качественным изменениям в организации правового регулирования. Ярче всего это выразилось в стремительном оформлении отраслей публичного права, а также в переходе от обычно-правового регулирования к законодательному.

Правовой обычай сохранял свою роль ведущего регулятора общественных отношений на протяжении нескольких веков, что было возможным в небольших государственных образованиях в условиях традиционного общества. Однако формирование централизованного государства поставило перед правовым регулированием новые задачи, с которыми в крупном политическом образовании правовой обычай был справиться не в состоянии.

Одной из таких новых задач в Московском государстве явилась необходимость организации центрального государственно-территориального управления. Средством решения этой задачи явилось появление нового типа княжеских грамот — уставных грамот земского наместничьего управления, наиболее активно принимавшихся во второй половине XV в.¹ Начало их изучению было положено еще в дореволюционный период², вследствие чего этот вид правовых источников и их роль в системе источников Московского государства изучены достаточно подробно. Однако одновременно с грамотами наместничьего управления начали приниматься и другие уставные грамоты, принимавшиеся в сфере таможенного дела. И этот вид памятников права изучен на настоящий момент достаточно поверхностно. Вместе с тем, он сыграл важную роль в становлении Всероссийского рынка. Целью настоящего сообщения было проведение комплексного юридического анализа уставных таможенных грамот как особого источника права, призванного

¹ Петров К.В. Уставные грамоты (акты) наместничьего управления XIV — начала XVII вв.: генезис правовой формы нормативного акта // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 2. С. 169–175.

² Загоскин Н.П. Уставные грамоты XIV–XVI вв., определявшие порядок местного правительственного управления. Вып. 1. Казань, 1876.

обеспечить усилившийся публичный интерес централизованного государства.

Таможенное дело возникло на Руси еще в конце X в. как способ организации косвенного налогообложения. Объектом обложения длительное время были сделки внутренней купли-продажи, что в условиях господства натурального хозяйства позволяло получать дополнительные поступления в казну. Таможенное дело в таком формате быстро распространилось на все русские земли, вследствие чего в период феодальной раздробленности в каждом из княжеств сформировалась своя система пошлин и правил их исчисления. На тот период ведущим источником в этой сфере явился правовой обычай, поэтому в большинстве случаев размеры и правила взыскания пошлин нигде специально зафиксированы не были.

Правовой обычай как источник права обладал важным преимуществом — так как содержание такой нормы сформировало само население, оно охотно следовало его предписаниям. В то же время, у этого источника права были серьезные недостатки — низкая мобильность и неспособность отразить в полном объеме публичный интерес.

Завершение к концу XV в. политической централизации русских земель поставило задачу проведения экономического объединения. Важную роль в этом процессе сыграли уставные таможенные грамоты. Появление первых из них относится к правлению Ивана III, оно было призвано закрепить юрисдикцию великого князя в отношении тех земель, для которых принимался соответствующий документ.

В отличие от других видов княжеских грамот (жалованных, духовных), уставные таможенные грамоты изначально содержали норму, исходящую от центральной власти. Можно сказать, что из всех грамот они ближе всего приблизились к современному пониманию законодательства. Именно вследствие этого в дальнейшем уставная законодательная форма прочно укоренилась в таможенном деле России, а таможенные уставы надолго заняли место ведущего отраслевого источника права.

Уставы как законодательная форма на Руси известны с конца X в., первые уставы возникли как источники церковного канонического права. Несмотря на это, в дальнейшем эта форма утвердилась и в светском праве. Как писал М.Ф. Владимирский-Буданов, «под уставами разумеются специальные узаконения для известного ве-

домства или какой-либо части материального права»¹. Именно в первом значении уставы были восприняты для регулирования таможенного дела.

Первые уставные грамоты в сфере таможенного дела появились на рубеже XV–XVI вв.², когда интенсивно велся процесс создания единой централизованной государственности. В тот период они носили территориально и предметно-ориентированный характер, так как регламентировали деятельность конкретных таможен на определенной территории, устанавливали порядок их укомплектования (верный или откупной), закрепляли систему таможенных пошлин и сборов и способы их исчисления. В условиях незавершенной централизации эти уставные грамоты носили характер соглашения между центральной властью и тем или иным городом или торгом: великий князь шел на признание существовавшей на данной территории системы таможенных пошлин, а город или торг, в свою очередь, признавал власть Москвы. В этих актах ярко проявлялось достаточно неустойчивое положение великокняжеской власти в указанный исторический период.

«Уставные грамоты, — писал Е.Г. Осокин, — не могли ни ввести всюду одинаковых видов пошлин, ни ввести однообразия в их взимании, потому что были особенными законами для известной местности, какого-нибудь города, села, и главной целью имели только подтверждение старых обыкновений»³.

Похожую оценку юридической природы уставных таможенных грамот давал и Д.А. Толстой, который отмечал, что при сборе таможенных пошлин «обычай преобладал над законом, последний имел главной целью только поддержание первого»⁴.

В большинстве уставных таможенных грамот XVI, а нередко и XVII вв., содержалось обещание великого князя, а затем царя «все таможенные пошлины держати по старине»⁵, центральная власть

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995. С. 274.

² Наиболее ранняя из сохранившихся — Белозерская таможенная грамота от 21 мая 1497 г. // Акты Археографической экспедиции. (далее — ААЭ). В 4 т. Санкт-Петербург, 1836–1838. Т. 1. № 134. С. 99–100.

³ Осокин Е.Г. Внутренние таможенные пошлины в России. Казань, 1850. С. 12.

⁴ Толстой Д.А. История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II. Санкт-Петербург, 1848. С. 74.

⁵ Выпись из грамоты таможенной Дмитровской от 1521 г. // ААЭ. Т. 1. № 170 (2). С. 138–139; Уставная Весьегонская таможенная грамота от 4 августа 1563 г. // ААЭ. Т. 1. № 263. С. 291–296.

возлагала на себя обязанность охранять местные обычаи. Любопытно, что при этом имелись в виду не только письменно закрепленные правовые обычаи, но и обычаи, сохранявшиеся в устной форме.

Эта практика сохранялась еще и в XVII в. Так, в новой уставной таможенной грамоте, выданной городу Гороховцу в 1633 г. вместо утерянной, говорилось: «А которая будет таможенная пошлина в сей уставной таможенной грамоте не написана, а в Гороховце исстари та пошлина собирается, и ту пошлину собирали бы по-прежнему, как имано исстари и как во всем государстве казне прибыльнее»¹. Таким образом, перечень пошлин, закрепленных в уставных грамотах, мог толковаться расширительно.

Из этого видно, что Московское централизованное государство достаточно долго сохраняло таможенную обособленность отдельных территорий, в уставных таможенных грамотах прослеживаются множественные свидетельства былой раздробленности: в разных землях российского государства по-прежнему существовал свой перечень пошлин и свои правила их исчисления.

Вместе с тем именно уставные таможенные грамоты являлись инструментом, который постепенно вел к унификации правового регулирования в пределах всего государства. Это было возможным вследствие их периодической замены, происходившей в следующих случаях: 1) при утрате ранее выданной грамоты; 2) в случае корректировок содержания, обычно происходивших при смене царя; 3) при изменении организационной системы таможни (переход с верной службы на откупное содержание и наоборот)². Форма и содержание более поздних грамот, выдававшихся различным торгам, все более унифицировались.

Уникальность уставных таможенных грамот как источников права заключалась в их комплексной юридической природе, сочетавшей в себе элементы обычно-правового и нормативно-правового регулирования.

Анализ содержания уставных таможенных грамот позволяет выделить несколько групп норм, традиционно включавшихся в эти нормативные акты. Одни из них оформились на основе правового обычая, другие же изначально исходили от государства. Обычно-

¹ Таможенная уставная грамота царя Алексея Михайловича на сбор пошлин в г. Гороховце 1633 г. // ААЭ. Т. 3. С. 359–365.

² Булгаков М.Б. Уставные таможенные грамоты как источник по организации таможенной службы Московского государства конце XV — первой половине XVII вв. // Историческое краеведение: материалы II Всероссийской конференции по историческому краеведению. Пенза, 1993. С. 144.

правовыми следует признать, прежде всего, нормы о торговле, в значительной мере напоминавшие правила, существовавшие в период раздробленности.

1. Нормы пошлинного обложения, определявшие размер ставок таможенных платежей для различных наименований товаров, в особых случаях также и правила их исчисления для единиц товара. Эти нормы фактически стали в дальнейшем прообразом для разработки ставок таможенно-тарифного обложения. Уставные таможенные грамоты принимались для различных торгов и первоначально закрепляли исторически сложившуюся систему пошлин, в дальнейшем же, учитывая, что выдача грамот производилась из центральных приказов, размеры таможенно-пошлинного обложения постепенно сближались в пределах всего российского государства, пока, наконец, не были заменены единой рублевой пошлиной.

2. Нормы, определявшие торговый статус местного населения и приезжих купцов (иностранцев и иноземцев). Местное население (особенно непрофессиональные торговцы) находилось в более привилегированном положении, их сделки облагались достаточно низкими пошлинами. Пошлины с иностранцев и иноземцев за такие же сделки были в среднем в два-три раза выше, что побуждало их привозить товары, не имевшие аналогов на местном рынке, которые бы не конкурировали с местной продукцией. Появление такой нормы можно оценить как зарождение основ российского протекционизма, призванного защищать местного производителя, она близка идее городского цехового протекционизма, существовавшего в Западной Европе.

В другую группу необходимо включить нормы публично-правового характера, изначально спускавшиеся от центральной власти.

1. Нормы учредительного характера, определявшие организационные основы таможенного учреждения — способ укомплектования (верный или откупной) и сроки полномочий служителей. Важным было стремление законодателя примерно уравнивать формальные показатели деятельности таможен, в частности, итоговую сумму пошлинного сбора, в связи с чем по одной и той же таможенной грамоте таможня могла периодически находиться то на откупном, то на верном содержании.

2. Нормы регламентирующего характера, определявшие порядок явки товара иностранцами, а также правила их размещения и торговли в городе. Раньше всего среди этих норм появляется требование оформить товар до его спуска с воза (судна или саней). Это делалось для предотвращения утайки части товара.

Позже, после открытия в важнейших торговых центрах специальных центров — гостиных дворов — появилось требование производить таможенное оформление товаров, их размещение и торговлю ими иногородними купцами исключительно в этих дворах. Изучая в хронологическом порядке уставные грамоты, можно увидеть постепенное усложнение сопутствующих этим мероприятиям процедур — то есть постепенное формирование и нормативное закрепление таможенных обрядностей, которые достаточно быстро приобрели всероссийский характер.

3. Нормы охранительного характера, определявшие правила привлечения к юридической ответственности участников сделок купли-продажи за нарушение установленных таможенных правил. Санкции в данной сфере носили в основном имущественный характер, что выражалось в уплате штрафных пошлин (различных заповедей — промыта, протаможья, пропятенья и др.), а в дальнейшем было дополнено возможностью конфискации предмета нарушения или его части «на великого государя». Вместе с тем, в особых случаях допускались и телесные наказания.

4. Нормы дисциплинарного характера, определявшие ответственность за злоупотребления должностных лиц таможен в процессе осуществления служебных полномочий (нерадение, поновровку, воровство, пьянство). В данном случае преобладали санкции личного характера.

Сравнивая содержание таможенных грамот трех исторических периодов в хронологической последовательности (принятых в первой половине XVI в., второй половине XVI в., первой половине XVII в.) можно отметить устойчивую тенденцию к увеличению объема норм публично-правового характера и изменения характера норм, изначально пришедших из правового обычая.

Появление уставных таможенных грамот позволило обеспечить плавный переход от обособленности к единому в масштабах государства нормативному регулированию. Этого удалось достичь путем включения в уставные таможенные грамоты, выдававшихся в XV–XVI вв., норм обычного права, а затем постепенного вытеснения их в более поздних грамотах едиными нормами. Такую практику можно определить как разумный компромисс, позволивший плавно и поэтапно подвести к введению единых в пределах государства норм, сгладить антагонизм во взаимоотношениях центральной власти и отдельных территорий.

Формирование единого в пределах государства рынка было бы невозможно без проведения унификации правового регулирования — в частности, без выработки единых подходов к таможен-

ному обложению внутренних таможенных операций в пределах всего государства. Это логически неизбежно должно было привести к утрате значения уставных таможенных грамот отдельных торгов и их замене всероссийскими уставными таможенными грамотами в пределах всего централизованного государства¹. Именно проведение этих мероприятий составило основное содержание таможенной реформы царя Алексея Михайловича Романова, проводившейся в середине XVII в. Ее проведение свидетельствовало об окончательной победе публично-правовых методов регулирования торговли в Московском государстве.

Литература

1. Булгаков М.Б. Уставные таможенные грамоты как источник по организации таможенной службы Московского государства конце XV — первой половине XVII вв. / М.Б. Булгаков // Историческое краеведение: материалы II Всероссийской конференции по историческому краеведению. — Пенза: Пензенская правда, 1993.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995.
3. Загоскин Н.П. Уставные грамоты XIV — XVI вв., определявшие порядок местного правительственного управления / Н.П. Загоскин. Вып. 1–2. Казань, Тип. Казанского университета, 1875–1876.
4. Кистерев С. Н. Нормативные документы таможенных учреждений городов Устюжской четверти конца XVI — начала XVII вв. / С. Н. Кистерев. Москва: Дрвлекранилище, 2003.
5. Кистерев С. Н. Особенности происхождения уставных таможенных грамот южнорусских городов в первой трети XVII в. / С. Н. Кистерев // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: Сборник материалов Второй международной научной конференции. — Курск: Изд-во Курского государственного университета, 2009.
6. Малиновская В.М. История российского законодательства о таможенном деле / В.М. Малиновская // Таможенное дело. 2006. № 2
7. Осокин Е.Г. Внутренние таможенные пошлины в России / Е.Г. Осокин. Казань: Казанская губернская типография. 1850.
8. Петров К.В. Уставные грамоты (акты) наместничьего управления XIV — начала XVII вв.: генезис правовой формы нормативного акта / К.В. Петров // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 2.
9. Петров Ю.И. Эволюция управления сборами таможенных платежей в России в XVI–XVII вв. / Ю.И. Петров // Таможенное дело. 2016. № 1.

---

¹ См. об этом: Николаева А.Т. Отражение в уставных таможенных грамотах Московского государства XVI–XVII вв. процесса образования всероссийского рынка // Исторические записки. 1950. Кн. 31. С. 245–266.

10. Тимошина Л.А. Воеводское и таможенное управление в первой половине XVII в. / Л.А. Тимошина // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI-XVIII вв.: Сборник материалов Первой международной научной конференции. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2001.
11. Тимошина Л.А. Таможенная грамота 1654: проблема атрибуции / Л.А. Тимошина // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI-XIX вв.: Сборник материалов Второй международной научной конференции. Курск: Изд-во Курского государственного университета, 2009.
12. Толстой Д. История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II / Д. Толстой. Санкт-Петербург: Тип. К. Жернакова, 1848.

**ЮРИДИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
(ПЕРИОД МОСКОВСКОЙ РУСИ)**

По своему содержанию вся древняя литература на Руси, включая законодательные памятники, была церковной. Авторы произведений являлись выходцами, прежде всего, из духовной среды. Они в своей деятельности руководствовались образцами как славянской, так и греческой речи. Тем не менее, в отличие от процесса развития и формирования языковых стилей в восточной Европе, для России не было характерно абсолютное вытеснение исконно русского языка церковно-славянским языком в такой сфере, как правотворчество. После того, как произошло создание централизованного русского государства (Московской Руси), на указанных выше территориях состоялась определенная переоценка различных языковых течений. Отметим, что потребности такого государства привели к тому, что появившийся еще в Киевской Руси документально-деловой стиль в определенной мере возвысился. В то же время, произошло ослабление роли церковнославянского языка. Деловой язык русского происхождения использовался в грамотах, судебных актах, уложениях Московской Руси, на постоянной систематической основе происходило обогащение церковнославянского языка различными элементами разговорного языка. Вместе с тем, деловому языку была присуща устойчивость форм, он отличался известным формализмом, который был обусловлен методами правотворчества Московской Руси.

Раннее правотворчество Московской Руси, как и Киевской, характеризуется созданием принципиально новых законодательных актов. Тем не менее, прежде всего, оно может быть охарактеризовано более точной, более совершенной фиксацией обычного права. Делалось это с непосредственным использованием элементов книжного языка, который назывался пока еще церковнославянским. Такие элементы заимствования являлись несущественными (исходя из тех документов, которые являются памятниками русского права). Примером в данном случае являются такие слова, как «убийство» и «свидетель». Еще в Русской Правде слово «свидетель» предполагало «послух», иначе говоря, это был человек, которые предоставлял определенную информацию для определенного дела, рассматриваемого в судебном порядке. Заметим, что из церковнославянского языка было заимствовано большое количество разных

понятий, имеющих социально-политический характер, таких как: «общество», «единство», «сущность». Помимо церковнославянских форм слов, в социальной жизни использовались, вместе с тем, и различные древнерусские слова. Церковнославянские формы слов использовались, как правило, в целях описания тех или иных торжеств, тогда как древнерусские слова использовались в большей мере в целях описания каких-то бытовых явлений. И церковнославянские и древнерусские слова используются в различных нормах права.

На создании законодательного стиля, помимо различных методов правотворчества, сказалось еще и государственная практика, которая активно развивалась к тому времени в Московской Руси. Московская Русь уже никак не могла обойтись без постоянных организаций, в сравнении с Киевской Русью, где государственный аппарат не был еще полностью сформирован. Служилое сословие начинает постепенно преобразовываться в широкую систему бюрократии. Большое значение здесь имеют известные всем московские приказы, их возглавляли лица из боярского сословия. Все дела в таких документах были в руках неких знатоков права и приказного делопроизводства (иначе говоря, дьяков и подьячих). Различные материалы дьяки и подьячие излагали на столбцах из достаточно узкой бумаги. Такие материалы они докладывали руководству либо в полной мере, либо по специфической выписке с приложением всех необходимых им узаконений, а также справок. Что касается принятых решений, то все они фиксировались в специальных книгах приказов. К таким книгам лица из боярского сословия не прикасались, делали все именно подьячие и дьяки. С течением определенного количества времени в таких приказах стала использоваться конкретная форма, а также конкретный стиль изложения законодательных актов, в основе которого лежали различные бюрократические принципы. Этот стиль со временем стал именоваться приказным языком.¹ Выработали такой стиль изложения законодательных актов именно приказные дельцы-дьяки. Данная система была отражена в дальнейшем в различных языковых правилах, эти правила используются и по сегодняшний день.

С конца XV столетия на Руси стало происходить достаточно активное развитие законодательной деятельности государственной власти. Этот период времени может быть охарактеризован «стремлением к централизации, объединению начал права, действовавшего

¹ Об истории приказного языка см. работу П. Верховского «Письменная деловая речь».

на Руси в эпоху удельных государств»¹. Таким образом, крайне важным стало обязательное обобщение всего имеющегося опыта предыдущего законодательного развития нашего государства. Крайне важно было объединить результаты законодательной деятельности, которая осуществлялась во всех русских княжествах. Результатом всего этого стало последующее совершенствование законотворчества, а именно, навыков, способов, методов и правил создания законодательного материала.

У законодательной техники на Руси, в сравнении с иными государствами, имелись характерные особенности, появившиеся в рамках формирования отечественной законотворческой традиции². Одна из таких характерных особенностей состояла в следующем: «...в России на природном языке все во всенародное известие издаваемо было. И в российских указах не было никогда таких трудных и невразумительных слов, какие примечаются в законах феодальных правлений»³. То есть, язык права во всех государствах в Западной Европы представлял собой систему определенных понятий, из которых состояли все законодательные нормы. Такой язык являлся понятным исключительно юристам. Вместе с тем, юридический язык Московской Руси был схож с народным, обычным языком.

Так или иначе, но очень медленными темпами в русском государстве происходил процесс становления абстрактных юридических категорий, используемых зарубежными юристами. Как представляется, обуславливается это, прежде всего, тем, что товарно-денежные отношения в России и гражданский оборот развивались достаточно медленно, тем самым, отпадала необходимость в наличии соответствующих юридических понятий.

Важнейшим фактором ускоренного формирования в юриспруденции западноевропейских стран специализированного категориального аппарата была рецепция римского права. Сходное воздействие оказывал на развитие русской юриспруденции византийский вариант римского права. По словам С. Шпилевского, «влияние византийского права выражается не только в отношении материальном, но и формальном. Кормчая книга расширила кругозор юридических понятий, приучила возводить факты в понятия, по-

¹ Самоквасов Д.Я. История русского права. М., 1906. С. 22

² Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 5–13.

³ Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей: втор. Пол. ХУІІІ, М. 1959, С. 162–163

являются новые технические юридические выражения»¹. Однако, это влияние не могло иметь того эффекта по сравнению с влиянием римского права на западноевропейскую терминологическую понятийную систему. Византийское право уступало классическому римскому праву именно с точки зрения формально-юридической. Римское право в Западной Европе было подвергнуто научной обработке в университетах, тогда как византийское право в России подобной обработке не подвергалось.

Особый характер правового языка в Западной Европе, его специфичность, то значительное расхождение, которое существовало между ним и обыденным языком, предполагали в качестве необходимого условия совершенствование юриспруденции как науки и развитие юридического образования. В России же в силу того, что язык права не расходился в большой степени с народным языком, процесс зарождения и дальнейшей эволюции юриспруденции не был связан с развитием юридического образования. Руси юриспруденция еще не была выделена в особую сферу общественной деятельности. Соответственно, не произошло возникновение такой специальности, как юристы, которые имели большое значение в социальной жизнедеятельности Древнего Рима и государств средневековой Европы.

К XV столетию на Руси была уже достаточно распространена письменность. Заключение сделок происходило, чаще всего, в письменной форме. Сами частные лица осуществляли подготовку документов, которые подтверждали проведение определенной сделки. Вопрос о данных документах изучал Н. Дювернуа. Он подробно рассказывает, как происходило в те времена оформление завещания и договора: «Частный человек в своей духовной так многосторонне и полно описывает всю сферу своих имущественных отношений и так ясно определяет обязанности наследника, что эти частные акты, в самом деле, заменяют собою закон...и прежде чем явится какое-либо законное постановление о закладном праве, мы видим, что в частных сделках понятие залога или залога давным-давно уже существует и всякий раз точнейшим образом фиксируется»². Таким образом, не было нужды в формулировании терминов к таким понятиям, которые непосредственным образом появлялись в жизни. Тем самым, у законодателей России, при разработке нормативного правового акта, уже были в их распоряжении

¹ Шпилевский С. Об источниках русского права в связи с развитием государства до Петра I // Ученые записки Казанского ун-та, 1862., вып. 2., С. 272.

² Дювернуа Н. Источники права и суд в Древней России, М. 1869. С. 218

определенные готовые термины к какому-то конкретному понятию, что, в свою очередь, обеспечивало простоту, ясность, а также доступность текста законодательного документа.

К концу XV — началу XVI вв. в России быстрыми темпами происходит процесс создания общерусских сборников законов. В период русского средневековья самыми существенными по своему объему законодательными документами являлись Судебники, а также Соборное уложение 1649 г.

Целесообразно проанализировать, что говорили о российском праве зарубежные путешественники и дипломаты, которые в рассматриваемый нами период времени побывали в России. Они рассматривали его в качестве самобытного права, которое присуще некоторая внутренняя целостность. Об относительно простоте правовых положений по Судебнику 1497 г. вел речь в своих научных трудах известный ученый, выдающийся историк П.И. Новокомский¹. Р. Ченслер, в свою очередь, являвшийся известным английским мореплавателем, говорил о том, что законодательство России в весьма существенной мере превосходит законодательство Англии.² По мнению указанного выше путешественника, это являлось очевидным, прежде всего, по Судебнику 1550 г. В XV–XVI веках нормативные правовые акты России являлись кодифицированными, в сравнении с большим количеством английских статутов.

Для языка русских законодательных актов была характерна простота изложения их текстов. Кроме того, тексты русских законодательных актов характеризовались определенной логической последовательностью. Авторы судебных актов подвергли нормативно-правовой материал необходимой переработке. Необходимо сказать в данном случае о том, что переработка положений законодательных актов имела абсолютно осознанный характер. Такие нормативные правовые акты отвечали интересам усиления централизации социальной жизни населения на Руси, а также существенному усилению в тот период времени государственной власти.

Переработка нормативно-правового материала, который содержался в законах, происходила, как правило, за счет замены некоторых понятий либо некоторых фраз. Так, при формулировании ст. 16 Судебника 1550 г. было повторено основное содержание ст. 48 Судебника 1497 г., но фраза «иносудити на то волю, на ком ищут», была заменена более определенной фразой «иносудити

¹ Новокомский П.И. Книга о московитском посольстве / под ред. А.И. Ма- леина, СПб., 1908. С. 271

² Английские путешественники в московском государстве в XVI в. / пер. с англ. Ю.В. Готье, М., 1937. С. 62.

на ответчикову волю». При составлении ст. 55 Судебника 1497 г., где регламентировался порядок ответственности купца в случае утраты данных ему в кредит товаров, за основу была взята ст. 54 Русской правды.

Преступными, согласно положениям Русской правды признавались лишь действия, причинившие прямую вред определенному лицу, либо его собственности, тем не менее, потом «преступление» начало рассматриваться с точки зрения любых деяний, несущих в себе угрозу государственной власти¹.

Уже в середине XVI столетия в русском правотворчестве встречается большое количество примеров различных понятий, которые являлись необъясненными (несмотря на то, что ему была присуща ясность, а также использование достаточно простых языковых конструкций, которые почти не предполагали объективную необходимость их толкования). Сделано это было, как представляется, и как считают многие современные ученые, для того, чтобы надежно защитить интересы высших слоев населения. Например, в Судебнике 1497 г. в его статье 8 появился такой термин, как «лихое дело», который ранее не использовался. Данное понятие предполагало «обиду», тем не менее, его сущность в указанном выше законодательном акте не было раскрыто. Что же казалось наказания виновного лица за него, то оно непосредственным образом зависело от тех показаний, которые давал так называемый «добрый» человек. Иначе говоря, от тех показаний, которые давал благонадежный, а также зажиточный человек. То есть, под рассматриваемый нами термин подводилось всякое деяние, которое противоречило интересам правящей верхушки на Руси. То есть, правящая верхушка имела объективную возможность избавиться, тем самым, от неугодных им лиц.

К концу XVII столетия в Русском государстве сформировалась весьма четкая юридическая терминология, которая содержала в себе следующие элементы: первый элемент — это исконная терминология, второй элемент — это заимствованная терминология. Что касается состава первой, то он с позиции исторического происхождения является неоднородным. Это обуславливается тем, что ее формирование происходило постепенно, в течение очень длительного времени, при этом исконная терминология постоянно изменялась, и, соответственно, совершенствовалась.

Исконная терминология содержит в себе некоторые слова, возникновение которых, так или иначе, сопряжено с какой-либо конкретной эпохой. В языке московского судопроизводства с того

¹ Полное собрание русских летописей. СПб., 1841, т. 3, С. 99.

периода времени, когда в нашем государстве действовала Русская Правда, сохранились некоторые юридические понятия, к примеру, «грабеж», «истец», «суд», и так далее.

Развитие юридической терминологии, после того, как произошел крах Киевского государства, происходило в некоторых княжествах; если в судебную лексику попадали такие слова, которые были характерны для юридического языка некоторых сфер, то тогда эти слова начинали превращаться потом общерусские термины.

Среди русских юридических терминов имеет место весьма малое количество заимствований из других неславянских языков (что является их характерной чертой) — например, «грамота» (слово греческого происхождения), «пеня» (слово латинского происхождения), и так далее.

Характерная черта языка нормативных правовых актов состоит в том, что большое количество юридических понятий напрямую связано с общенародным языком. То есть, большое количество разных слов, которые используются в качестве юридических понятий (к примеру, слово «кража», слова «вина», и так далее) являются, по большому счету, общенародными.

Большое количество юридических понятий исчезает за ненадобностью. Так, раньше использовался такой термин, под которым понималось должностное лицо, отдающее всевозможные распоряжения, что входило в круг его служебных обязанностей. Такое лицо обозначали словом «бирич». Как раз это лицо должно было объявлять всем волю государя¹. Спустя некоторое количество времени отпала необходимость в объявлении указов, и данное слово просто перестало использоваться.

Из древнерусского языка, точнее говоря, от такого слова, как «головщина» (вознаграждение за убийство, которое выплачивалось близкими людьми пострадавшего человека, иначе говоря, вознаграждение за голову), произошло такое юридическое понятие, как «уголовный».² Если вознаграждение не выплачивалось, то тогда в этом случае преступник попадал в абсолютное распоряжение близких людей пострадавшего человека. Рассмотрим, как происходила данная передача виновного лица родственникам пострадавшего человека: придя в дом к обиженному, преступник кланялся в землю перед ним. И так могло продолжаться весьма длительное время, пока обиженный не разрешит виновному встать.

¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссией, СПб 1841 г., т. 9. С. 29.

² «Правда русская», изд. Академии наук СССР, 1940, С. 347, ст. 4 Карамзинского списка.

По Судебнику 1550 г. рассматриваемое нами понятие предполагает абсолютную власть над виновным лицом. В статье 55 данного законодательного акта (Судебника 1550 года) говорилось следующее: «...а не будет у которого татя столкостатков, чем истцовозаплатити, ино его бив кнутьем, да истцу в его гибели выдати с головою»¹. Отсюда и пошло выражение «выдать с головою».

В последующем, правила, которые регламентируют порядок ответственности виновных лиц за совершенные ими противоправные деяния, стали именовать «головными», и спустя некоторый период времени их стали именовать «уголовными».

Теперь можно рассмотреть, как происходило развитие такого понятия, как «суд». Данное понятие может быть охарактеризовано общеславянским происхождением. Нужно отметить, что данное слово содержалось даже в очень древних памятниках русской письменности.

По мере активного развития юридических отношений появилась объективная потребность обозначения большого количества разных юридических терминов. Указанное выше слово в законодательных актах служит обозначением конкретных общественных понятий:

— свод законов (в названии документа «Суд Ярослава Владимировича»);

— право наказания: «Аже будут холопи тати, то суд, княж их же князь обиду платит истцу»;

— разбор дела, процесс: «И дал десятину с неи во веси земли русскаго княжества и от всякого суд десятый грош»;

— закон: «Аже кто убить жену, то тем же судом судити, яко же и мужа».

Тем не менее, по той причине, что правомочие наказывать виновное лицо за совершение им противоправного деяния в XI столетии на Руси являлось привилегии церкви, то в Судебнике рассматриваемое слово звучит как суд церковный.

Как юридический термин слово суд продолжает функционировать и в последующих правовых актах, но уже в основном, в значении «разбор дела», «процесс».

Таким образом, концу XVII столетия в Русском государстве сформировалась весьма четкая юридическая терминология, которая содержала в себе следующие элементы: первый элемент — это исконная терминология, второй элемент — это заимствованная терминология. Что касается состава первой, то он с позиции исторического происхождения является неоднородным. Это об-

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия. Изд. 2-е, 1876. С. 146–147.

уславливается тем, что ее формирование происходило постепенно, в течение очень длительного времени, при этом исконная терминология постоянно изменяясь, и, соответственно, совершенствовалась. Но в период средневековья законодательный язык не находился в противоречии с народным языком, как это было во многих странах Западной Европы. Законодательным языком остался национальный, русский язык.

Литература

1. Английские путешественники в московском государстве в XVI в. / пер. с англ. Ю.В. Готье, М., 1937.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. Изд. 2-е. Киев, 1876.
3. Дювернуа Н. Источники права и суд в Древней России. М., 1869.
4. Новокомский П.И. Книга о московитском посольстве / под ред. Малеина А.И., СПб., 1908.
5. Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса // Журнал российского права. 2018. № 8.
6. Самоквасов Д.Я. История русского права, М., 1906.
7. Шпилевский С. Об источниках русского права в связи с развитием государства до Петра I; Ученые зап. Казанского ун-та, 1862 г., вып. 2.
8. Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей: втор. пол. XVIII. М., 1959.

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА НАКАЗАНИЯ
В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В СУДЕБНИКЕ 1550 ГОДА**

На современном этапе развития уголовного права ни у кого не вызывает сомнений, что лишение свободы является наиболее распространенным видом уголовного наказания. По данным судебной статистики, ежегодно в местах лишения свободы содержится более 500 тысяч лиц, осужденных за совершение преступлений различной степени тяжести. По отношению к общей массе назначаемых российским судопроизводством наказаний, лишение свободы составляет 80 %. Сегодня государство стремится применять лишение свободы лишь в крайнем случае, поскольку оно является самым суровым видом наказания. И в этой связи, взятый государством курс на гуманизацию и сокращение количества осужденных к лишению свободы — явление позитивное¹.

В рамках достижения целей современной уголовной политики, лишение свободы — это справедливое и обоснованное наказание, назначаемое судом в установленном процессуальном режиме, к лицу, совершившему преступление средней тяжести, тяжкое или особо тяжкое, в восстановительно-обеспечительных целях. Основная задача такого вида наказания заключается, прежде всего, в реализации его карательной функции (отмщения, возмездия), которая выражается в виде ограничения свободного пользования некоторыми установленными законом правами человека и гражданина. Например, такими, как свобода передвижения, свобода выбора места жительства на определенный судом срок. Также к задачам лишения свободы относятся: а) изоляция преступника от общества и предотвращение возможного совершения им новых преступлений (частная превенция); б) перевоспитание осужденного; в) предупреждение совершения преступлений другими лицами (общая превенция).

С содержательной точки зрения, законодатель предполагает ограждение осужденного от общества на определенный в законе срок, путем помещения его в специально созданные для этого учреждения, — колонии-поселения, воспитательные колонии, ле-

¹ См.: Москалькова Т. Н. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 год. С. 206 // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека. Режим доступа: http://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/doc2019_fin_compressed.pdf (дата обращения: 01.07.2020).

чебные исправительные учреждения, исправительные колонии общего, строгого или особого режимов, либо в тюрьмы (ст. 56 УК РФ).

В целом, в Российской Федерации наказание в виде лишения свободы отвечает международным требованиям и конституционным предписаниям об общечеловеческих ценностях (статья 2 Конституции РФ). Однако, чтобы стать таковым, институт наказания в виде лишения свободы прошел длительный исторический путь своего становления и развития, начало которого было положено Судебником 1550 г. Этот правовой памятник усовершенствовал и заменил собой предыдущий свод законов Русского государства — Судебник 1497 г., он был принят в 1549 г. на Земском соборе («Соборе примирения») и утвержден в 1551 г. Стоглавым собором, который был создан по инициативе царя Ивана IV Грозного. Судебник 1550 г. (Царский Судебник) — кодифицированный источник права, который и дальше развивал заложенные в Судебнике 1497 г. базовые принципы системы государственного управления, а также основы организации и деятельности суда, объединивший в себе материально-правовые и процессуальные нормы уголовного и гражданского судопроизводства.

Отличительной чертой Судебника 1550 г. как исторического, культурного и правового памятника развития российской государственности, является его системность и упорядоченность. В части уголовной юрисдикции, в нем были выделены: а) виды преступных деяний и иных правонарушений и наказаний за них; б) виды доказательств и основания признания их допустимыми; в) прототипы следственных и процессуальных действий, и порядок их производства; г) перечень должностных лиц, уполномоченных на привлечение правонарушителей к ответственности.

Впервые в нем были использованы термины, характерные не для славянских народностей, на что указывает В.Н. Татищев: «Тюрьма слово не славянское, прежде названо поруб, погреб и темница; а сие германское турм, башна татарский, славенский вежа и стрельница значит» (пояснительная записка к статье 55 Судебника 1550 г.)¹.

Наказание в виде лишения свободы в Судебнике 1550 г. встречается в целом ряде статей. Однако, по мнению Н.Г. Ананьевой, данный вид наказания в основном применяется как дополнение к торговой казни, битью кнутом, возмещению ущерба, взятию

¹ Татищев В.Н. Собрание сочинений: в 8-ми томах (5-ти книгах): История Российская. Т. 8. Избранные произведения: Репринт с изд. 1968, 1979 гг. М., 1996. С. 308.

на поруки. Автор считает, что в Судебнике 1550 г. «институт лишения свободы предстает как ярко выраженный переходный институт, соединяющий в себе новые черты и черты, характерные для московского права XV века»¹.

Подтверждение тому мы находим в статьях 4, 7, 12, 13, 33, 34, 47, 52–56, 58, 71. При этом, в названных статьях, на которые в своих исследованиях ссылаются и другие авторы², тюремное заключение, по своей сути, не является наказанием, а выступает лишь инструментом изоляции от общества лица, подозреваемого в совершении преступления, на период проведения в отношении него предварительного расследования. Как видим, тюремное заключение в Судебнике 1550 г. — это мера пресечения, применяемая в целях содержания подследственного под стражей, аналог которой существует в статье 108 действующего УПК РФ.

Особенностью мер процессуального принуждения в Судебнике 1550 г. является то, что они совершенно идентично применялись как к лицам, подозреваемым в совершении преступления, так и к тем, на кого государем возлагались обязанности по осуществлению сыска. Поэтому, отдельные вопросы, касающиеся сущности и содержания, а также оснований для назначения наказания в виде лишения свободы по указанному историческому правовому документу требуют проведения дополнительных исследований.

В современном понимании наказание в виде лишения свободы на определенный срок, как форма изоляции от общества лица, виновного в совершении преступления, в Судебнике 1550 г. не упоминается. Альтернативой ему и близким по значению следует рассматривать тюремное заключение. Анализ отдельных положений Судебника 1550 г. и его общее правовое осмысление позволяют выделить некоторые особенности наказания в виде тюремного заключения.

Во-первых, оно употребляется в значении меры пресечения, что прослеживается, например, в статье 53 — мера воздействия на должностное лицо, не осуществившее уголовное преследование преступника, которая применялась до особого царского решения: «А поноворит которой неделщик татю или разбойнику по посулом, а его отпустит, и уличат его в том, ино на том неделщике исцев иск доправити, а его казнити торговою казнию да вкинути

¹ Ананьева Н.Г. Эволюция тюремного заключения по Судебнику 1550 г. // Вектор науки ТГУ. 2011. № 1 (4). С. 138.

² См., напр.: Загидуллин М.Р. Юридическая ответственность в судебном процессе России по Судебникам 1497 и 1550 гг. // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. 2019. № 1. Том 161. С. 32–40.

в тюрьму, а в казни, что государь укажет»¹ (аналогично данный вид наказания применяется в статьях 67, 71 по отношению к царским должностным лицам — тиуну, волостелю).

В статье 55 данный вид наказания применяется как мера пресечения в отношении лица, уличенного в краже, в целях предупреждения совершения им новых противоправных деяний до тех пор, пока за него не найдутся авторитетные поручители — «доколе по нем порука будет» (аналогичное наказание применяется и в отношении лица, совершившего кражу — статья 58). Как видим, в статье 55 формулируется положение о необходимости иметь поручителей в качестве обязательного условия для оставления лица, совершившего преступление, на свободе.

Во-вторых, тюремное заключение применяется как дополнительное или альтернативное к основному виду наказания — например, торговой казни. Так, в статье 54 упоминается о превышении должностных полномочий недельщиком, которого следует наказывать «торговою казнью да кинуть в тюрьму, а в казни что государь укажет». Также тюремное заключение применяется в качестве дополнения к основному виду наказания, назначаемому в виде битья кнутом. О чем свидетельствует статья 6, где говорится о наказании заявителя за доносительство о несуществующем преступлении: «и того жалобника, сверх его вины, казнити торговою казнью, биты Кнутьем, да вкинута в тюрьму». Однако в этом случае, сложно судить о вычленении основного и дополнительного видов наказаний, поскольку ни одна из приведенных мер не носит альтернативного характера. Кроме того, следует отметить применение тюремного заключения не только к виновному в совершении преступления, но и жалобщику, что усматривается в содержании статей 6 и 7, в которых говорится о злоупотреблении правом принесения жалобы государю не по делу, чем «докучати государю, и того жалобника вкинута в тюрьму».

В-третьих, тюремное заключение выступает как вид принуждения до полной расплаты ответчиком за имеющийся у него долг, о чем упоминается в статье 56: «ино его вкинута в тюрьму, доколе по нем порука будет крепкая». В данном конкретном случае речь не идет о пожизненном тюремном заключении, поскольку в старославянском языке термины «жизнь», «житье», «живот», «животина» имеют несколько смысловых значений — от собственно

¹ Судебник 1550 года. Текст [Электронный ресурс]. Режим доступа : https://dep_iogip.pnzgu.ru/files/dep_iogip.pnzgu.ru/normativnie_akti/sudebnik_1550_goda.pdf (дата обращения: 07.07.2020).

обычной части тела человека, его жизни и ее физического проявления, имущественного положения, материального благополучия, движимого имущества в виде крупного рогатого скота, до изнеможения — ухудшения состояния здоровья и наступления смерти человека.

В своей работе «История русского языка в рассказах» В.В. Колесов приводит следующие примеры выражений того времени, касающихся вышеназванной терминологии: «Сим я, раба божия Ульяна, ходя при своем животу, учинила перепись животу своему да и селу своему... деверю своему Ивану до его живота кормити ему...», или «А село свое... даю жене своей Федосьи до живота и до замужества. А если моя жена вторично выйдет замуж или умрет, то брату... а если и брат умрет, то после его живота ...приказываю присматривати живота своего жене своей...», или «...а после его живота отдать село такому-то»¹.

По мнению известного советского и российскийского ученого-лингвиста, профессора В.В. Колесова, термины «житъе», «живот», «животина» могут употребляться в нескольких значениях: «физическое существование» — «жизнь» — «имущество» — «скот» — «желудок» и т. п.

В рассуждениях представителя Русской Православной Церкви Георгия Селина о «жизни» и «животе» по молитвенным прошениям XV в., делается вывод о том, что сегодня в православных храмах во время богослужений все чаще можно слышать, как вместо привычного слова «живот» священник или диакон произносят непривычное — «жизнь». По мнению священнослужителя, «...Церковнославянское слово «живот» означает, ... органическое существование, бытие в союзе души и тела. Под «органическим» здесь нужно, конечно же, разумеать существование, связанное с питанием и претворением пищи, а не то хорошо устроенное и налаженное бытие, которое еще можно назвать органичным или организованным. Иными словами, церковнославянское слово «живот» можно определить как семейный союз небесной души и перстного тела со всеми его потрохами, без которых, собственно говоря, земной жизни и не бывает»².

¹ Колесов В.В. Рассказ второй «О диве дивном, о животах и немножко о жизни» // История русского языка в рассказах. СПб., 2007. С. 5. Режим доступа: <https://nemaloknig.com/read-392181/?page=5#booktxt> (дата обращения: 07.07.2020).

² См.: Селин Г. И весь живот наш Христу Богу передадим // Русская Православная Церковь. Московский Патриархат. Режим доступа: <http://www.hram-ks.ru/ts-slav1.shtml> (дата обращения: 07.07.2020).

В статьях Судебника 1550 г. мы все больше находим подтверждение тому, что термин «живот» употребляется в различных значениях (например, статьи 72, 73, 85, 90 и др.). Однако, в большей степени склоняемся к употреблению его в значении материально-возмездной кары. Аналогичного мнения придерживаются и многие другие исследователи. Например, М.С. Суханов в подстрочном пояснении к термину «живот» указывает на то, что это «имущество, собственность»¹.

Подтверждение этому мы находим в положениях статьи 73 Судебника 1550 г.: «А которой человек скажет, что у него был живот чюжей, и того обыскивати, был ли у него тот живот и было ли столко того живота; и чей скажет тот у него живот был, ыно про го обыскати, было ли у него столке живота, и которым обычаем тот у него живот взят; да по тому дело и вершити».

В старославянской терминологии «лишение живота» — это лишение жизни, наступление смерти человека. Применительно к наказанию в виде тюремного заключения со смертельным исходом Судебник 1550 г. впервые как отдельный вид наказания в статье 52 устанавливает пожизненное лишение свободы — «ино его вкинути в тюрьму до его смерти». И это, пожалуй, еще одно смысловое значение употребления наказания в виде лишения свободы в Судебнике 1550 г., означающее разновидность смертной казни.

Для наказания в виде лишения свободы характерно сочетание следующих признаков:

- оно входит в систему наказаний, определенных уголовным законодательством, и является наиболее строгим ее видом;
- круг преступных деяний с наказанием в виде лишения свободы (тюремного заключения) строго очерчен в законе, и не применим к преступлениям небольшой тяжести, совершенным впервые;
- лица, к которым может быть применено лишение свободы в качестве меры наказания, — это осужденные обвинительным приговором суда, вступившим в законную силу;
- лишение свободы применяется и отменяется только на основании решения суда;
- срочность данного вида наказания, т. е. определение конкретного срока в зависимости от тяжести содеянного, а также возможности досрочного прекращения течения срока или его продления при наличии веских правовых оснований;
- исправительный характер лишения свободы, отражающий, с одной стороны, гуманистические цели уголовной политики по от-

¹ Суханов М.С. Указ. соч. С. 52.

ношению к преступникам (не лишение их жизни и других неотъемлемых прав, а перевоспитание в духе уважения к закону), с другой стороны, обеспечение принципа возмездия за совершенное противоправное деяние;

- крайне радикальная форма наказания преступника за содеянное;

- изоляция от общества, т. е. возможность применения данного вида наказания только в специальных учреждениях государственной тюремной системы.

Ни по одному из вышеназванных пунктов Судебник 1550 г. не применим. Из чего можно сделать вывод о том, что между тюремным заключением по Судебнику 1550 г. и лишением свободы в смысле УК РФ знак равенства поставить невозможно.

Позднее Судебник 1550 г. был дополнен положениями (указаниями), которые в большинстве своем касались порядка производства розыска. Однако в нем упоминается и новый вид наказания — казнь, которая могла быть применена за лжесвидетельство и «по тому лживых казнити по приговору, как и в разбойных делах» (ст. 110 Указа к Судебнику в дополнение от Лета 7064 (1556) августа в 21 день¹, за заговоры (ст. 117 Указа к Судебнику в дополнение от Лета 7064 (1556) августа в 21 день²).

Появился и такой вид наказания как ссылка в «украинные» города в связи с необходимостью освоения отдаленных приграничных территорий государства и необходимостью становления казачества.

Подобная ситуация обусловлена:

- отсутствием политической необходимости в применении наказания в виде лишения свободы (нет массовых беспорядков и неповиновений, велико влияние РПЦ, государство носит устрашающий характер;

- экономической целесообразностью (поскольку в ходу материально-выгодные для молодого государства виды наказаний, наполняющие казну, а потому круг лиц, облагаемых штрафами, велик — это сам преступник, а также потерпевший (жалобщик) и судебный или сыскной служащий);

- техническими проблемами (отсутствие тюрем как системы специальных учреждений).

Как самостоятельный вид наказания, лишение свободы в виде тюремного заключения появляется в Соборном Уложении 1649 г., т. е. спустя почти 100 лет после Судебника 1550 г. Тюремный срок

¹ Татищев В.Н. Указ. соч. С. 338.

² Там же. С. 341.

отбытия данного вида наказания назначается судом от 3 лет до пожизненного. При этом, отдельные авторы, исследуя возникновение института лишения свободы, ошибочно апеллируют к трактовке «бросить в тюрьму до государева указа»¹.

На наш взгляд, это значение не аутентично, поскольку в самой норме заложен иной смысл: ожидание окончательного наказания, которое последует по указанию царствующей особы. А это не что иное, как предварительное заключение — мера, направленная на пресечение побега. Поэтому, следует констатировать тот факт, что в Соборном Уложении 1649 года тюремное заключение как способ наказания в виде лишения свободы получает свое окончательное законодательное оформление. В подтверждение этого вывода О.Ю. Крюкова отмечает, что именно в Соборном Уложении 1649 г. тюремное заключение приобретает «исправительный характер», устанавливаются сроки лишения свободы (различается заключение до «порук» — под гарантию местных жителей, до указа, на определенный срок, до смерти). В XVI веке во многих городах начинают строиться тюрьмы, что приводит к становлению общегосударственной тюремной системы².

Итак, отметим, что благодаря Судебнику 1550 г. был заложен «фундамент» нового института наказания в виде лишения свободы — тюремного заключения. Связан этот исторический момент со становлением российской государственности, необходимостью укрепления централизованной власти, устрашением всех слоев населения и сословий от совершения уголовных преступлений и посягательств на действовавший режим³. Тюремное заключение на данном этапе развития Русского государства еще не входит в общую систему наказаний. Оно существует лишь как мера, предваряющая собой будущее наказание, направленная на: а) временное ограничение свободы лица, подозреваемого в совершении

¹ Карданов Р.А. Уголовно-правовая ответственность по Соборному Уложению 1649 года // *Inquiries and exploratory researches in the context of globalization: materials of the I European international research and practice conference June 30th , 2017, Hungary, Budapest: Scientific publishing center "Open knowledge", 2017. P. 19.*

² Крюкова О.Ю. Уголовная ответственность за побег из мест лишения свободы, уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы: исторический аспект // *Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 1 (41). С. 31.*

³ Пашенцев Д.А. Конструирование преступности в отечественном праве периода сословно-представительной монархии // *Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 10. № 3. С. 433–434.*

преступления; б) лица, допустившего оговор, принесение необоснованных жалоб; в) должностного лица, не принявшего мер по осуществлению сыска, составившего искажающий суть судебного действия документ, иное лихое действо (коррупцию).

Ограничений в отношении лиц, к которым может быть применено тюремное заключение, еще не было предусмотрено. Отсутствуют половые, возрастные и сословные ограничения. Срок тюремного заключения законодательно еще не установлен и применяется с пометкой «до особого указания государева», что позволяет судить о его неокончательном превентивном характере. Решение о продолжительном тюремном заключении (вплоть до наступления смерти), могло последовать как мера, заменяющая смертную казнь.

В отдельно взятых случаях тюремное заключение — это мучительная форма лишения жизни лица, приговоренного к смерти. Об этом можно судить из того, что законодательно не предусматривалось питание и иное жизнеобеспечение лиц, содержащихся в тюрьмах, а значит тюремное заключение носило иной характер и не могло выступать самостоятельным видом наказания. Для преобразования исследуемого вида наказания от меры принуждения к мере наказания должно было пройти еще около ста лет.

Таким образом, институт наказания в виде изоляции лица от общества в связи с совершением им преступления имеет многовековую историческую традицию. По мере изменения представлений о человеке и его правах, в обществе трансформировалось и отношение к данному институту. На смену идее возмездия и устрашения пришло всеобщее признание концепции наказания как восстановления социальной справедливости.

Литература

1. Ананьева Н.Г. Эволюция тюремного заключения по Судебнику 1550 г. / Н.Г. Ананьева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 1 (4).
2. Карданов Р.А. Уголовно-правовая ответственность по Соборному уложению 1649 года / Р.А. Карданов // Inquiries and exploratory researches in the context of globalization: materials of the I European international research and practice conference June 30th, 2017, Hungary, Budapest: Scientific publishing center "Open knowledge", 2017.
3. Колесов В.В. История русского языка в рассказах / В.В. Колесов. СПб.: Азбука-классика, Авалон, 2007.
4. Крюкова О.Ю. Уголовная ответственность за побег из мест лишения свободы, уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы: исторический аспект / О.Ю. Крюкова // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 1 (41).

5. Пашенцев Д.А. Конструирование преступности в отечественном праве периода сословно-представительной монархии // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 10. № 3.
6. Резаков Е.А. Тенденции развития уголовного права России в XV–XVI веках / Е.А. Резаков // Право, общество, государство: история, современные тенденции и перспективы развития: сб. науч. тр. Липецк, 2017.
7. Суханов М.С. Общерусские законодательные кодексы XI–XVI веков: практикум / М.С. Суханов. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019.
8. Татищев В.Н. Собрание сочинений: в 8-ми томах (5-ти книгах): История Российская. Т. 8. Избранные произведения: Репринт с изд. 1968, 1979 гг. / В.Н. Татищев. М.: Ладомир, 1996.

**УТВЕРЖДЕННАЯ (УТВЕРЖЕННАЯ) ГРАМОТА ВЕЛИКОГО СОБОРА
1613 ГОДА КАК ИСТОЧНИК ПРАВА**

Пресечение Дома Рюриковичей в 1598 г. подвергло принцип династической наследственной монархии суровым испытаниям. Абсолютно законная с точки зрения правовых представлений того времени династия Годуновых не удержалась на престоле. Разоблачение и гибель самозванца Лжедмитрия I не остановили попрания права и традиций, а лишь вызвали новые потрясения, ставящие под вопрос дальнейшее существование не только законной преемственности власти, но и Российского государства как такового.

Однако, в конце концов, национальные силы одержали победу не только военную, но и духовно-правовую. Вопреки множеству обстоятельств предшествовавшей Смуты и политических реалий, существовавших на момент проведения Великого поместного церковного и земского Собора 1613 г. представители народа добровольно восстановили законную самодержавную власть и возвели на престол природного (т.е. прирожденного) государя, единственного на тот момент законного преемника Дома Рюриковичей — Михаила Феодоровича Романова.

Выборы представителей сословий и земель начались после рассылки освободителями Москвы в ноябре 1612 г. грамот, призывавших прислать на собор *«лутчих и разумных постоянных людей для земская великаго совета и государскаго обирания»* с целью *«разоренное государство собрать в единомыслие, и святая непорочная христианская вера утвердить»*¹.

В декабре выборные начали съезжаться в столицу, и в январе 1613 г. Собор приступил к работе. Проблема замещения престола являлась главной. С церковной точки зрения решался вопрос о том, кто не только будет монархом Русского государства, но и главой православного мира. Именно поэтому иерархи церкви (входившие в состав Великого собора в виде курии — «Освященного собора») проявили гораздо более высокую ответственность в поиске законных преемников дома Рюриковичей, чем многие политические деятели того времени.

Сразу было принято решение безусловно отвергнуть кандидатуры королевича Владислава и шведского принца Карла-Филиппа,

¹ Утверженная грамота об избрании на Московское государство Михаила Феодоровича Романова. С предисловием С. А. Белокурова. М., 1906. 111 с. С. 1.

а также «Воренка» — сына Марины Мнишек и Лжедмитрия II. Дальше возникали проблемы и споры.

Часть аристократии считала, что настало время ограничить царскую власть и сделать ее выборной (и, следовательно, зависимой от аристократии), как в соседней Речи Посполитой.

Первоначально рассматриваемых кандидатов было 8: князь Ф.И. Мстиславский, князь И.М. Воротынский, князь Д.Т. Трубецкой, И.Н. Романов, Ф.И. Шереметев, князь И.Б. Черкасский, князь Д.М. Пожарский и князь П.И. Пронский¹. Михаила Романова среди них не было, несмотря на то, что его в качестве ближайшего наследника называл замученный Патриарх Гермоген. Этот факт опровергает домыслы (в том числе и проромановских авторов дореволюционного периода) о том, что Михаил Романов считался удобнейшей и наиболее приемлемой для всех личностью. Напротив, хотя его имя уже и произносилось на самых разных уровнях — и среди духовенства, и среди дворянства, и среди казачества, и среди посадских людей, наиболее знатная и влиятельная часть собора не желала рассматривать данную кандидатуру.

Некоторые претенденты на трон вели активную политическую пропаганду, стремясь подкупить членов Собора и стоявшие за ними социальные группы. Особенно активен был князь Д.Т. Трубецкой, отличавшийся беспринципностью даже на фоне многих других деятелей Смутного времени. Пропаганда в пользу Михаила Романова, безусловно, тоже велась, но она по политическим меркам не могла идти ни в какое сравнение с агитацией других партий. Сам Михаил Романов с матерью жил в костромских вотчинах *«никако не ведуще и во ум того себе не помышляюще»*², что ему предстоит быть царем. Его отец митрополит Филарет находился в польском плену, а дядя И. Романов фигурировал в числе претендентов (без больших шансов) и состоял в пассивной оппозиции избранию племянника.

Никаких личных заслуг у 16-летнего Михаила Романова не было. Единственным основанием его призвания на Царство явилось свойство (родство по женской линии) с династией Рюриковичей. Как уже говорилось, с точки зрения религиозно-правовых представлений того времени ближее свойство предпочиталось дальнему кровному родству. Этот подход основывался на христианском понимании семьи как единого целого (*«Оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей: и будет два в плоть едину»* (Быт. 2, 24)), в силу которого родственники мужа

¹ Повесть о Земском Соборе 1613 г. // Вопросы истории, 1985, май. С. 94–95.

² Утверженная грамота... — С. 47.

почитались родственниками жены, а родственники жены — родственниками мужа. Поэтому первым преемником Рюриковичей стал шурина (названный брат) последнего Царя этой династии Феодора Иоанновича Борис Годунов. Когда династия Годуновых пала, после преодоления Смуты на Земском Соборе 1613 года восторжествовал тот же принцип, так что закономерность очевидна¹. Первым шурином предпоследнего Царя из Дома Рюриковичей Иоанна IV Грозного был Никита Романов. Он скончался в начале царствования Феодора Иоанновича, а его сын Феодор при Борисе Годунове был насильственно пострижен в монашество с именем Филарет. Поэтому законным наследником Рюриковичей оказался внук Никиты Романовича, сын Филарета (в миру Феодора Никитича Романова) Михаил Феодорович.

В условиях отсутствия писаного закона, престолонаследие по свойству за неимением близких кровных родственников было присуще не только России, но и некоторым другим христианским государствам. Например, на тех же правовых основаниях еще в 1066 г. унаследовал престол последний англо-саксонский король Англии Гаральд, шурина св. короля Эдуарда III Исповедника (тесть Киевского великого князя Владимира II Мономаха).

Решающую роль в победе легитимного наследственного принца над намерениями избрать Царя по польскому образцу сыграло служилое дворянство и казачество. Михаил Романов был официально заявлен в качестве «природного² царя» в заседании 7 февраля. Некий галицкий дворянин подал записку, обосновывающую права Михаила Феодоровича на его родстве с Царем Феодором I, со ссылкой на авторитет Патриарха Гермогена. Своим поступком он вызвал гнев бояр, гневно вопрошавших, кто осмелился принести такое писание. Тогда выступил казачий донской атаман и также положил письменное заявление. На вопрос князя Д. Пожарского, о чем идет в нем речь, атаман ответил: «*О природном Царе Михаиле Феодоровиче*».

¹ Утвержденная грамота 1613 г. текстуально во многих частях совпадает с Утвержденной грамотой Собора 1598 г. о призвании Бориса Годунова. В указаниях на это иногда слышится прямое или скрытое желание исследователей умалить значение соборного акта о призвании Романовых. Но, в действительности, особенно принимая во внимание менталитет и правосознание того времени, эти совпадения лишь подтверждают гипотезу о том, что наследование по свойству было не случайным, а закономерным и обоснованным с духовной и правовой позиций

² Т.е. прирожденного — законного и естественного

«Повесть о Земском Соборе 1613 г.» приводит речь атамана: *Князи и бояра и вси московские вельможи, но не по Божии воли, но по самовластию и по своей воли вы избираете самодержавнаго. Но по Божии воли и по благословению благовернаго и благочестиваго и христоролюбиваго царя государя и великаго князя Федора Ивановича всея Руси при блаженной его памяти, кому он, государь, благословил посох свой царской и державствовати на Руси князю Феодору Никитичю Романову. И тот ныне в Литве полонен, и от благодобраго корене и отрасль добрая и честь, сын его князь Михайло Феодорович. Да подобает по Божии воли на царствующем граде Москве и всея Руси да будет царь государь и велики князь Михайло Феодорович и всея Руси»¹.*

В этой речи присутствуют элементы проромановской мифологии, но они не лишают заявление атамана правовой значимости. Народ ожидал от Собора не выбора удобного претендента, а определения законного преемника угасшей династии, «избранника Божия».

Единство наиболее активной части народа оказалось сильнее влияния и богатства аристократии. У многих знатных участников Собора инициатива дворянства и казачества, поддержанная духовенством, вызвала шок и неприятие: *«Бояре же в то время все страхом одержими и трепетни трясущися, и лица их кровию переменияющися, и ни единаго никакo возможе что изрещи»²*, — колоритно описывает это состояние «Повесть о Земском соборе». Кое-кто собирался *«из Москвы бы им вон выехати, а самим бы им креста не целовати»*, но казаки их заставили присягнуть Михаилу первыми. Претендент князь Д. Трубецкой, который особенно рассчитывал на поддержку казачества, для привлечения которого он потратил немало сил и средств, *«с кручины почерне, и паде в недуг, и лежа три месяцы, не выходя из двора своего»³*.

Участники Собора, определившись в своем кругу, желали сделать решение о призвании Михаила Романова действительно всенародным и провели своего рода плебисцит. Только после этого в торжественном заседании 21 февраля 1613 года Михаил был провозглашен Царем.

Однако мнение самого Михаила Романова еще предстояло узнать. В Кострому направилось Посольство под руководством архиепископа Рязанского и Муромского Феодорита, келаря Троице-

¹ Повесть о Земском Соборе 1613 г. С. 94–95.

² Повесть о Земском Соборе 1613 г. С. 94–95.

³ Повесть о Земском Соборе 1613 г. С. 94–95.

Сергиева монастыря Авраамия (Палицына) и боярина Ф.И. Шереметева.

Архиепископ Рязанский Феодорит в своем обращении к «обранному» государю четко сформулировал **основание** его призвания на Царство: *«Милосердый государь Михайло Федорович! Не буди противен Вышнего Бога промыслу, повинися святой Его воле; никтоже бо праведен бывает, вопреки глагола судьбам Божиим. И прежние убо цари, предъизбранные Богом, царствоваху, и сих убо благочестивыи корень ведесе до благочестиваго и праведнаго великаго государя царя и великаго князя Федора Ивановича, всеа Руси самодержца, на нем же и совершися и конец прия; в него же место Бог сию царскую честь на тебе возлагает, яко по свойству свойственному царского семени Богом избранный цвет* (выделено мной- А.З.)»¹

После того, как Михаил в результате долгих уговоров согласился принять Престол, 14 апреля 1613 года *«митрополиты, архиепископы и епискупы и весь освященный собор совет благосоствориша»* и постановили: *«и мы, царские богомольцы, до данней нам благодати от святаго и от животворящаго Духа, вас бояр, и весь царский синклит, и дворян, и приказных людей, и гостей, и все христолюбивое воинство благословляем со всем освященным собором на том: что вам великому государю нашему, Богом избранному и Богом возлюбленному, царю и великому князю Михаилу Феодоровичю, всеа Руси самодержцу, и его благоверной царице и их царским детем, которых им, государем, вперед Бог даст, служити верою и правдою, а зла которыми делы на них, государей наших, не думати и не мыслити, и не изменити им, государем, ни в чем, на чем им, государем, души свои дали, у пречистые Богородицы чудотворнаго Ея образа и у целбоносных гробов великих чудотворцов Петра и Олексея и Ионы животворящи крест целовали»*².

Следует обратить внимание, что в этом акте речь идет не только о Михаиле Феодоровиче (еще не женатом), но и о его будущей супруге, и об их потомстве. Поэтому совершенно несостоятельны утверждения некоторых исследователей и публицистов, что клятва Великого Собора 1613 г. касается персонально Михаила Романова, и в ней, якобы, нет обета верности его потомству. В лице Михаила были призваны на Царство и следующие происходящие от него поколения, то есть в его лице — Династия.

¹ Утверженная грамота... С. 56.

² Утверженная грамота... С. 70–71.

Существует мнение, выраженное В.О. Ключевским, что «*новая династия была признана наследственной только в одном поколении: в 1613 году земля присягала Михаилу и его будущим детям — не далее*»¹. Это мнение представляется тенденциозным. Во-первых, оно неверно с правовой точки зрения. Присягать еще несуществующим лицам невозможно, и участники собора не «присягали», а давали обет служить верой и правдой не только Михаилу, но и его наследникам. Во-вторых, позиция, сформулированная В.О. Ключевским, основана на изъятии фразы из контекста. Не принимается во внимание, что завершительная запись Утвержденной грамоты Собора гласит: «*Егда же написавше и совершихом сию утвержденную грамоту, и святителскима руками укрепльше и и печатми своими утвердивше, вкупе и боярскими руками, и честных монастырей архимаритов, и игуменов, и соборных старцов и всего освященного собора, непреложнаго ради и непременного утверждения, тогда митрополиты, и ариепискупы, и епискупы с архимариты и с игумены, и с соборными старцы и со всем освященным собором, и з бояры, и з дворяны и с приказными людми, яко, да вкупе духовный совет сотворше, соборне изберут место и поведят вкупе, в нем же аще сохранны утвердивше положити сию утвержденную грамоту, **да будет твердо и неразрушимо в предъидущая лета в роды и роды и не преидет ни едина черта, или [и]ота едина от написанных в неи ничесоже*** (выделено мной — А.З.). *И тако вси вкупе совещающиеся, и твердым согласием святаго Духа положиша ю в хранила царские к докончалным и утвержденным грамотам*»². То есть Постановление Собора, по мысли его участников, должно было действовать не только в рамках жизни их поколения, но и в следующие годы («предъидущие лета») для всех следующих поколений («в роды и роды»), что, естественно, относится и к следующим поколениям царской династии.

Как отметил Глава Российского Императорского Дома Великий Князь Владимир Кириллович: «*Попытки обрести Царя среди иных родов, чуждых московским государям или далеко от них отстоящих по родству не оказались прочными, и этими попытками не было ни предотвращено, ни изжито Смутное время на Руси. В сознание лучших сынов Земли Русской, принявших участие в деяниях Великого Собора, постепенно проникла мысль, что лишь при законной природной преемственности царского престола возможно надеяться на его укрепление, а вместе с тем и на водворение государственного*

¹ Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1908.

² Утвержденная грамота... С. 73–74.

порядка на территории России. Торжественное крестное целование, сопровождаемое страшной и грозной клятвой перед Всевышним Творцом, мистически связало на вечные времена весь русский народ с новым государем и с его потомками»¹.

Ранее аналогичные мысли, только в более возвышенно-поэтическом духе, высказал Н.В. Гоголь: «(...) Каким чудным средством, еще прежде, нежели могло объясниться полное значение этой власти как самому Государю, так и его подданным, уже брошены были семена взаимной любви и сердца! Ни один царский дом не начинался так необыкновенно, как начался дом Романовых. Его начало было уже подвиг любви. Последний и низший подданный в государстве принес и положил свою жизнь для того, чтобы дать нам царя, и сею чистою жертвою связал уже неразрывно государя с подданными. Любовь вошла в нашу кровь, и завязалось у нас всех кровное родство с царем. И так слился и стал одно-единое с подвластным повелитель, что нам всем видится всеобщая беда — государь ли позабудет своего подданного и отрешится от него или подданный позабудет своего государя и от него отрешится. Как явно тоже оказывается воля Бога — избрать для этого фамилию Романовых, а не другую! Как непостижимо это возведение на Престол никому не известного отрока!»².

На нарушителей присяги Дому Романовых Церковный Собор наложил проклятие: «А кто убо и не похочет послушати сего соборново уложения, егоже Бог благоизволи; и начнет глаголати ина, и молву в людях чинити, и таковый, аще от священных чину, и от бояр Царских сиклит и воинственных, или ин хто от простых людей, и в каком чину ни буди; по священным правилом святых апостол, и вселенских седми соборов святых отец и помесных, по соборному уложению всего освященнаго собора чину своего извержен будет, и от церкви Божии отлучен и святых Христовых Таин приобщения; яко расколник церкви Божия и всего православного хрестьянства мятежник, и разорител закону Божию, а по царским законом мечь восприимет; и нашего смирения и всего освященнаго собора не буди на нем благословение отныне и до века; понеже не восхоте благо-

¹ Обращение главы Российского императорского дома великого князя Владимира Кирилловича в связи с 350-летием дома Романовых // Сборник Обращений Главы Династии Великого Князя Владимира Кирилловича. Сост. А.П. Волков. Нью-Йорк, 1971. С. 48.

² Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. Собрание сочинений в 8 томах. Т. VII. М.: Правда, 1984. С. 223.

словения и соборного уложения послушания, тем и удалися от него и облечеся в клятву»¹.

Полный текст Утверж(д)енной Грамоты состоит из «Богословия» (исповедания провиденциализма); общего обзора истории Российского государства при Доме Рюриковичей, производимом составителями от «превысочайшего цесарского престола и прекрасногоцветущего и пресветлого корени Августа кесаря, обладающего всею вселенною»²; подробного описания событий Смутного времени и еще более подробного описания процедуры «обрания» Царя Михаила Феодоровича и обоснования его прав.

Воцарение Бориса Годунова, о котором у Романовых сохранились печальные воспоминания, описывается в Грамоте с очень сдержанных по отношению к покойному Царю позиций. Воспроизводится версия, что Царь Феодор I «на всех своих великих государствах скифетродержания Российскаго царствия оставль свою благоверную великую государыню нашу и царицу и великую княгиню Ирину Федоровну всеа Руси»³, но она, решив принять монашество, отрелась от власти и, затем, по просьбе Собора благословила взойти на престол своего брата Бориса. По словам Грамоты, Борис I правил 7 лет «благочестиво и бодроопасно». Никаких сомнений в его правах на престол нет. Версия о завещании престола Царице Ирине служит только подкреплением основательности прав Бориса. Ведь даже в том невероятном случае, если бы бездетная Ирина Феодоровна действительно стала правящей Царицей, другого наследника, кроме брата, у нее быть не могло.

Трагическое пресечение Династии Годуновых Грамота связывает не с узурпацией, а с грехом причастности к убийству Царевича Димитрия: «сел на государство, изведчи царский корень, царевича Дмитрея; и Бог ему мстил праведнаго и беспорочнаго государя царевича Дмитрея Ивановича убиение и кровь богоотступником Гришкою Отрепьевым»⁴.

О Василии Шуйском несколько неопределенно упомянуто, что он «родителю своих от благочестива корени суща»⁵. Специально внимание на спорности его прав не акцентируется, а его отстранение от власти и насильственное пострижение «политкорректно» (говоря современным нам языком) преподносится так, что он «по челобитью (...) всяких людей Московского государства, которые

¹ Утверженная грамота... С. 73.

² Утверженная грамота... С. 23.

³ Утверженная грамота, С. 27.

⁴ Утверженная грамота, С. 55; слова архиепископа Феодорита Рязанского.

⁵ Утверженная грамота, С. 33.

в то время были в Москве, и для покою хрестьянского, государство оставил»¹

Что касается Михаила, то Грамота постоянно подчеркивает приоритет его богоизбранности на основании свойства с Домом Рюриковичей. Указывается, что он *«от благороднаго корени благоцетущая отрасль благочестиваго и праведнаго великаго государя царя и великаго князя Федора Ивановича всеа Руси племянник»* и потому *«Богом почтенный»* и *«Богом избранный»* Царь. Участники Собора молятся, чтобы *«по милости Божии вперед их царская степень утвердилася на веки, и чтоб было вечно, и твердо, и крепко и неподвижно в род и род навеки»²*.

Это убедительно говорит о том, что «обращение» Собором Михаила являлось не выбором наиболее достойного по личным качествам или наиболее удобного для противоборствующих группировок кандидата, а определение законного наследника Дома Рюриковичей и, в его лице, преемственной Династии.

Как бы кое-кто из современников Собора 1613 г. и некоторые историки ни пытались принизить значение этого акта, его плоды говорят сами за себя. Если бы Михаил Феодорович был не законным Царем, а ставленником той или иной «партии», он, скорее всего, разделил бы участь Лжедмитриев и Василия Шуйского³. Если бы он, подобно Борису и Феодору Годуновым, обладая правами на Престол, в тоже время не смог опереться на приверженность народа принципу законности и желание жить «по праву», то разделил бы судьбу первых преемников Рюриковичей. Именно соединение в одной точке законных прав и признания народом легитимного принципа⁴ не только привели Дом Романовых к власти, но и сохраняли эту власть за ним в течение трех столетий. При Романовых окончательно *«идея национального государства освободилась от вотчинно-владельческой формы, в которой постепенно окрепла при*

¹ Утверженная грамота, С. 36.

² Утверженная грамота, С. 44.

³ «Аще ли поставят Царя по своей воли, навеки не будет Царь» (Три века. Исторический сборник под ред. В.В. Каллаша. — М.: Изд. И.Д. Сытина, 1912. В 6-ти т. Т. 1. С. 24).

⁴ «Русский народ истосковался по законном, «природном» Государе и убедился, что без него не может быть порядка и мира на Руси». (Иоанн (Максимович), свят.. Происхождение Закона о престолонаследии в России. Подольск, 1994. 80 с. С. 43–44.

Даниловичах. «Дело государево» становится «делом земским», которое от Бога поручено наследственному носителю власти»¹.

При составлении Полного собрания законов Российской Империи в царствование Императора Николая I комиссия приняла решение начать с Соборного уложения Царя Алексея I 1649 г., поэтому столь важный государственный и церковный акт, как Утвержденная грамота Великого Собора 1613 года в это издание не вошел. Однако, основные положения, касающиеся статуса монарха и царствующего Дома, сформулированные в Своде законов Российской империи: *«Императору Всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает» (статья 4), «Особа Государя Императора священна и неприкосновенна» (статья 5), «Императорский Всероссийский Престол есть наследственный в ныне благополучно царствующем императорском доме» (статья 25)* имеют первоочередным источником Утвержденную грамоту Великого Собора 1613 года, поскольку именно она закрепила Соборное Решение о восстановлении самодержавной наследственной монархии и о законных правах Династии Романовых.

Литература

1. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. С предисловием С. А. Белокурова. М., 1906.
2. Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1908.
3. Обращение главы Российского императорского дома великого князя Владимира Кирилловича в связи с 350-летием дома Романовых // Сборник Обращений Главы Династии Великого Князя Владимира Кирилловича. Сост. А.П. Волков. Нью-Йорк, 1971. С. 48.
4. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. Собрание сочинений в 8 томах. Т. VII. М.: Правда, 1984. С. 223.
5. Три века. Исторический сборник под ред. В.В. Каллаша. — М.: Изд. И.Д. Сытина, 1912. В 6-ти т. Т. 1.
6. Происхождение Закона о престолонаследии в России. Подольск, 1994. 80 с. С. 43–44.
7. Повесть о Земском Соборе 1613 г. // Вопросы истории, 1985, май. С. 94–95.

---

¹ Три века. Исторический сборник под ред. В.В. Каллаша. М.: Изд. И.Д. Сытина, 1912. В 6-ти т. Т. 1. С. 45.

Раздел II

СУДЕБНИК 1550 ГОДА И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ОТРАСЛЕВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ОТ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННОСТИ

ХАЩИНА Эллина Эдуардовна

СУДЕБНИКИ XV–XVII ВЕКОВ КАК ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА ПЕРИОДА ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Складывающаяся в период формирования и укрепления централизованного русского государства система источников процессуального права являла собой весьма пеструю картину, для которой были характерны коллизии, противоречия и пробелы. Тем не менее, конец XV — начало XVII вв., как писал философ Павел Флоренский, был золотым веком развития русской средневековой культуры, а также временем расцвета законодательной инициативы. Этот период ознаменовался принятием четырех систематизированных сборников законов — Судебников, а также целой серии грамот, боярских приговоров, указов и уставных книг, детально регламентирующих вопросы государственного устройства, военного дела, социальные отношения, и, разумеется, вопросы, связанные с отправлением правосудия¹. Уже в 1497 г., во времена правления Ивана III, появляется первый Судебник, в дальнейшем ему на смену приходят Судебники 1550, 1589 и 1606 гг. Процессуальное право исследуемого периода включает помимо кодифицированных актов многочисленные уставные, кормленные, жалованные и губные грамоты, что обусловлено незавершенностью процесса централизации русских земель, требующего от московских властей изрядной гибкости в регулировании вопросов правосудия в отдельных местностях.

При этом необходимо учитывать, что на практике положения данных актов нередко применялись со значительными отступлениями от их первоначального замысла, что во многом объясняется незавершившимся процессом централизации земель вокруг

¹ Чупова М.Д. Забытые Судебники (1589 и 1606/07) // Lex Russica. 2017. №2 (123). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zabytye-sudebniki-1589-i-1606-07> (дата обращения: 17.06.2019).

Москвы, масштабной территорией государства и, наконец, укоренившимися народными обычаями, которые нередко оказывали решающую роль при выборе того или иного способа судебного разбирательства. Все это обуславливает необходимость рассмотрения форм судебного процесса посредством анализа правоприменительной практики того периода.

Основной массив источников процессуального права Московского государства составляют Судебник 1497 г., Судебник 1550 г., Судебник 1589 г., Судебник 1606 г. — первые кодифицированные общегосударственные своды правовых норм, содержащие правила, регулирующие порядок расследования и разрешения дел.

Н.В. Калачов, рассуждая о сущности Судебника 1497 г., указывает, что это «без сомнения, первый письменный кодекс, обнаруженный для всей России от имени верховной власти, кодекс в высшей степени примечательный, как памятник, основанный на прочном утверждении самодержавия в нашем обществе, как краеугольный камень всего последующего развития письменного законодательства»¹.

Первый Судебник представлял собой весьма несовершенный с точки зрения юридической техники акт. Попытки исследователей обнаружить в его содержании системные начала привели к довольно условному результату. Судебник Ивана III в начале содержит нормы о суде центральном (суд бояр, окольничих, великого князя и его детей), далее закреплены положения о наместничьем суде. Завершается Судебник нормами материального права, расположенными без какой либо системы, имеющими заголовки, например, «о чужеземцах», «о займах», «о христианском отказе» и так далее. Подобный порядок статей дал основание для выводов о наличии в данном Судебнике системы, включающей в себя три указанных части. Однако, этот вывод весьма сомнителен, поскольку этот порядок постоянно нарушается. В первой «части» среди статей о центральном суде расположена статья «о наместничьем указе», а также несколько норм материального права: «о татьбе», «о татех»².

Именно в Судебнике 1497 г. были впервые закреплены две формы судопроизводства — состязательная и розыскная (суд и сыск), что, фактически обозначало появление новой розыскной формы судопроизводства. Тем не менее, большинство норм данного акта было посвящено «суду» — обвинительному процессу.

¹ Калачев Н.В. О Судебнике царя Иоанна Васильевича // Юридические записки, изданные П. Редкиным, т. I, М., 1841. С. 52.

² Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. М., 2011. С. 28.

Действовавший с 1550 г. до принятия Соборного уложения Судебник Ивана IV является дополненной и усовершенствованной версией Судебника 1497 г. и во многом повторяет его основные положения. М. Строев и Ф.М. Калайдович, сравнив оба документа пришли к выводу, что между ними нет принципиальной разницы, в связи с чем расценили князя Ивана III как «законодателя», а Ивана IV лишь как «исправителя» его законов. Вместе с тем ими отмечается большая полнота и определенная система Судебника 1550 г., имеющего новые, по сравнению с Судебником 1497 г., статьи. Однако эти разночтения они объясняют не причинами централизации государства, а ошибками переписчиков¹. Эта позиция не выдерживает критики. Так, М.Ф. Владимирский-Буданов, по результатам сравнительного анализа двух Судебников, указал на наличие определенной связи между ними, однако подчеркнул, что источниковая база Судебника 1550 г. значительно шире, в нем содержится ряд новых норм, а также получили развитие некоторые ранее установленные нормы². Нам также представляется, что содержание царского Судебника позволяет судить о нем, как о самостоятельном нормативном акте, опирающемся в значительной степени на Судебник Ивана III, но обладающем при этом необходимой уникальностью.

Еще одним важным источником процессуальных норм Московского государства, к сожалению, недостаточно изученным в историко-правовой науке, является Судебник 1589 г. или Судебник царя Федора Иоанновича. Данный памятник права стал известен широкой общественности лишь в 1900 г., когда его список впервые поступил в Московский главный архив Министерства иностранных дел и был опубликован С. К. Богоявленским³.

Необходимо признать, что вплоть до настоящего времени этот исторический документ не был в должной степени изучен: большая часть научных работ связанных с ним принадлежит представителям исторической науки, в то время как историки права обращались к нему значительно реже. Подавляющее большинство историко-

¹ Законы великого князя Иоанна Василиевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Василиевича, с дополнительными указами, изданные Константином Калайдовичем и Павлом Строевым. М., 1819. С. 21.

² Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 112.

³ Богоявленский С. К. Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г. М., 1900.

правовых работ, посвященных Судебнику Федора Иоанновича, относятся к началу XX в.¹

В то же время, значение данного акта для развития российского права крайне велико. Так, именно в нем впервые в российской истории была предпринята попытка систематизации правовых норм в виде кодификации; кроме того, его нормы ориентированы на регулирование земельных отношений в среде черносошного крестьянства на русском Севере. А.И. Копанев убедительно доказал, что Пространная редакция Судебника представляет собой результат серьезной систематизации законодательного материала, включающего помимо текста Судебника 1550 г. новые нормы, разработанные на основе обычаев народов, проживающих на русском Севере². Именно для применения народами Поморья и был разработан данный акт.

Ученые не пришли к единой точке зрения относительно того, был ли Судебник 1589 г. принят в официальном порядке и подлежал ли он применению. Л.Е. Лаптева отмечает, что, несмотря на противоречивость позиций по этому вопросу, очевидно, следует признать, что он применялся в северо-западной части Московского государства, главным образом, на территории Новгородской и Псковской республик³. О реальном действии и применении Судебника 1589 г. свидетельствует наличие в одном из списков памятника преамбулы, указывающей не на создание нового свода законов, а о необходимости своего рода «модернизации» норм Царского судебного: «Государева Судебника новой приговор. В лета 7079-го июня в 14 день царь и Великий князь Федор Иоаннович всеа России приговорил и уложил сей Судебник с отцем своим духовным святейшим Московским Иовом патриархом, да с митрополитом Ноугородским Александром и со всеми князи и з боляры и со всем Вселенским собором по прежнему же уставу, по уложению отца своего благоверного царя и Великого князя Ивана Васильевича всеа России и его братии и его прежних властей новыи сии главы к прежнему же уложению». Следовательно, можно говорить о кодификации законодательного материала, в результате которой был введен в действие новый нормативный акт, адаптированный для территории, на которой он был введен в действие.

¹ См. напр. Андреев А.И. О происхождении и значении Судебника 1589 г. Пг., 1922; Богословский М.М. К вопросу о Судебнике 1589 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. Декабрь.

² См. Копанев А.И. Комментарии к Судебнику 1589 г. М., 1952. С. 418–443.

³ Лаптева Л.Е., Медведев В.В., Пахалов М.Ю. История отечественного права. М., 2011. С. 175.

Касаемо вопроса о применении положений данного правового сборника в судебной практике, думается, на него следует ответить положительно. Об этом свидетельствуют протокольные записи волостных судов, действовавших в северо-западных волостях, опубликованные М.М. Богославским, в которых стороны ссылались на ст. 159 и 174 Судебника 1589 г.¹

В отличие от Царского Судебника Судебник 1589 г. учитывал изменения, произошедшие в судебной системе за четыре десятилетия, и содержал наименования новых судебных органов. Хотя в нем по-прежнему упоминались кормленщики — наместники и волостели, представлявшие на местах центральную власть, но в большинстве судебных процедур их власть или полностью ограничена, а полномочия переданы губным старостам и земским судьям, или же содержится указание об обязательном участии выборных представителей местного населения и судных мужей. В нем содержится упоминание о том, что судебные дела могут быть рассмотрены «бояром и детям боярским за которыми кормление», однако в ст. 116 уточняется, что на наместничьем суде обязательно должны присутствовать «дворецкий, да староста, и лутчие люди, да целовальники». Усиливается письменный характер процесса: писать судные списки Судебник предписывает земским дьякам, при условии заверения этих списков старостами и целовальниками².

Ограничение обвинительной формы процесса — «суда» в этом Судебнике можно заметить и в отношении церковных судов. Ст. 122 предписывает помимо судьи-попа «в суде у них бытии старосте церковному, да целовальнику верному, земскому, да волостных людей...».

Таким образом, Судебник 1589 г. представляет собой самостоятельный кодифицированный памятник процессуального права, отразивший изменения, произошедшие в системе судоустройства и судопроизводства во второй половине XVI в. В нем появилось более тридцати новых статей, при том, что всего в данном документе содержалась 231 статья. Все вышесказанное свидетельствует о том, что в этот период происходят принципиальные изменения в соотношении форм судебного процесса, связанные как с появлением новых судебных органов, так и изменением судебных процедур. Главными фигурантами судебного процесса по нормам Судебника Федора Иоанновича стали губные старосты и земские

¹ См. Богословский М.М. Еще к вопросу о Судебнике 1589 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. № 12.

² Богдавленский С. К. Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г. М., 1900.

судьи, а частно-исковой порядок рассмотрения дел постепенно уступает сыскному.

Важным источником права периода Смуты, во многом опередившим свое время, стала Крестоцеловальная (Подкрестная или Клятвенная) запись Василия Шуйского. Появление данного памятника права было связано со вступлением на престол Василия Шуйского, который по этому поводу всенародно принес в Успенском соборе Кремля клятву посредством крестного целования. Принятие Крестоцеловальной записи происходило в то время, когда страна находилась в глубочайшем кризисе, вызванном Смутой; повсюду царило беззаконие и жесточайшие внесудебные расправы. Новый государь попытался убедить население в том, что с его вступлением на престол ситуация коренным образом изменится, порядок будет восстановлен, а народу будет гарантировано право на справедливый суд. Текст записи свидетельствует о том, что Василий Шуйский принародно отказывался от права вершить суд и выносить смертные приговоры по своей воле, а не по суду, как это было принято у его предшественников, отступался от признания за ним права безоговорочно «казнить и миловать своих подданных», на котором столь упорно настаивал Иван IV. «Такого искони век в Московском государстве не бывало, — отмечает летописец, — что де целую крест на том, что мне ни нат кем ничево не сделати без собору никакова дурна; отец виноват, и над сыном ничего не сделати; а будет сын виноват, отец тово не ведает, и отцу никакова дурна не зделати; а которая де грубость была при Борисе, никак тому не мститель»¹.

Фактически, клятва стала первым юридическим документом, в котором ограничивались компетенция центральной царской власти в сфере правосудия. «Высший суд объявлен очным; любой донос — подлежащим расследованию, а в случае установления его ложности — наказанием доносчиков. Объективное вменение запрещалось, т.е. родственники, не принимавшие участия в преступной деятельности осужденного, никаким опалам не подлежали. Таким образом, по Подкрестной записи люди получали гарантии своей личной и имущественной безопасности»². Фактически, отказываясь от этих прерогатив Василий Шуйский превращался из «государя холопов» в законного, легитимного царя, впервые в российской

¹ Полное собрание русских летописей. Т. XIV. С. 69.

² Балкарова И.А. Подкрестная (крестоцеловальная) Запись Василия Шуйского (1606) // Актуальные проблемы российского права. 2008. №4. С. 24.

истории на законодательном уровне ограничивая произвол самодержавия.

По замечанию В.А. Рогова, Подкрестную запись Шуйского по своему значению можно сравнить с принятым в 1679 г. в Англии Habeas Corpus Act, который также был направлен на признание неприкосновенности личности и установление судебных гарантий ее защиты. Автор отмечает, что содержание «Записи» не было пустым звуком и на протяжении полувека, следовавшего за ее принятием, сохраняло свое значение, и даже стало источником норм Соборного Уложения 1649 г.¹ Кроме того, текст Крестоцеловальной записи в той или иной мере нашел отражение во всех нормативных документах, принятых период Смуты, в частности, на его основе был принят Сводный Судебник 1606/07 гг.

Особенностью этого Судебника был значительно более высокий уровень юридической техники, более логичная структура и ясность изложения, выгодно отличающие его от предшественников. К сожалению, этот юридический памятник изучен еще менее, нежели Судебник 1589 г., несмотря на то, что, он по меткому замечанию Н.Е. Носова, представляет собой «первую в истории русского права общую тематическую кодификацию действующего законодательства»². Судебник поделен на 25 граней, которые, в свою очередь, разбиты на главы. Содержание данного документа четко систематизировано в зависимости от характера урегулированных вопросов, каждая из граней Судебника была посвящена самостоятельному предмету правового регулирования. Можно говорить о том, что составители Судебника впервые использовали подобный юридико-технический прием, ранее неизвестный русскому законодательству и ставший серьезным нововведением, изменившим практику законотворческой работы.

Как отмечалось ранее, по сей день остаются нерешенными многие вопросы относительно авторов данного документа, а также относительно его официального принятия и применения на практике. Представляется, что авторство Судебника принадлежит Лжедмитрию I, хотя ряд исследователей связывают появление Судебника с правлением Василия Шуйского. В то же время, наличие в документе большого числа отсылок к законодательству Ивана IV и Василия III вполне объяснимо для Лжедмитрия I, всячески стремившегося подчеркнуть свою связь с «родственниками»,

¹ Рогов В.А., Рогов В.В. Древнерусская правовая терминология. М., 2006. С. 169–170.

² Носов Н.Е. Предисловие к «Законодательным актам Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII вв.». М., 1986.

и выглядит крайне нелогично для Василия Шуйского, всенародно отрекшегося в своей Крестоцеловальной записи от принципов политики, проводимой Иваном Грозным. В то же время, окончательно подтвердить или опровергнуть эти предположения не представляется возможным.

Большинство исследователей полагает, что Судебник 1606–07 гг. не получил официального признания и его нормы на практике не применялись. В то же время, можно с уверенностью утверждать, что составители Соборного Уложения использовали при его создании те же приемы систематизации правовых норм, которые применялись в Судебнике 1606/07 гг.

Таким образом, в XV–XVI вв. были созданы первые единые для всего государства кодифицированные сборники правовых норм — Судебники. Два из них (Судебники 1497 и 1550 гг.) давно известны отечественной историко-правовой науке, два последних (Судебники 1589 и 1606 гг.) долгое время были подвержены забвению и относительно недавно попали в поле зрения ученых. Содержание судебных актов было преимущественно процессуальным, количество материальных норм сводилось к минимуму. Анализ норм данных актов свидетельствует о постепенном вытеснении состязательных начал судебного процесса, лишении наместников и волостей судебных функций и бюрократизации судопроизводства. Кроме того, по мере издания новых Судебников совершенствуется уровень юридической техники, используются новые приемы систематизации законодательства, в корне меняющие практику законотворческой работы.

Литература

1. Андреев А.И. О происхождении и значении Судебника 1589 г. Пг.: Тип. Им. Гуттенберга. 1922.
2. Богословский М.М. К вопросу о Судебнике 1589 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. Декабрь.
3. Балкарова И.А. Подкрестная (крестоцеловальная) Запись Василия Шуйского (1606) // Актуальные проблемы российского права. 2008. №4.
4. Богословский М.М. Еще к вопросу о Судебнике 1589 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. № 12.
5. Богдавленский С. К. Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г. М.: Комис. печатания гос. грамот и договоров при Моск. гл. архиве М-ва иностр. дел. 1900.
6. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев: Лито-типография Товарищества И.Н. Кушнерев и Ко. 1907.

7. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. Калачев Н.В. О Судебнике царя Иоанна Васильевича // Юридические записки, изданные П. Редкиным, т. I, М., 1841.
8. Копанев А.И. Комментарии к Судебнику 1589 г. // Судебники XV–XVI вв. М., 1952.
9. Лаптева Л.Е., Медведев В.В. Пахалов М.Ю. История отечественного права. М.: Юрайт, 2011.
10. Носов Н.Е. Предисловие к «Законодательным актам Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв.». Л.: Наука, 1986.
11. Рогов В.А., Рогов В.В. Древнерусская правовая терминология. М., 2006. Чупова М.Д. Забытые Судебники (1589 и 1606/07) // Lex Russica. 2017. №2 (123). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zabytye-sudebniki-1589-i-1606-07> (дата обращения: 17.03.2020).
12. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. М.: Терра, 2001 г.

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОБМАНЫ «ЗЕРЦАЛА ПРАВОСУДИЯ»:
ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ НОРМЫ СУДЕБНИКА 1550 ГОДА В СОБОРНОМ
УЛОЖЕНИИ 1649 ГОДА**

Судебник Ивана IV (Судебник 1550 г.) явился новым витком в генезисе российского уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за деяния, сопряженные с обманными нарушениями принципов неподкупности и беспристрастности высшей правды Государя должностными лицами, отправляющими правосудие и содействующими таковому. Рассматривая этот нормативный правовой акт как органический справ новаций в сфере процессуальных (судоустройства и судопроизводства) и материальных (преступности и наказуемости) ориентиров правопорядка XIV в., мы отталкивались от нескольких ключевых идей: а) свойства Судебника 1550 г. как единственного источника права, первой попытки проектирования самодержавной и одновременно народной модели «зеркала правосудия»; б) регламентации понятий «правосудие» и «суд» с нюансами, укладываемыми в приемлемую для данного периода формулу: «Жаловать своих холопей мы вольны и казнить их вольны же»¹; в) освещения групп (видов) деяний обманного характера, посягающих на судебный порядок, вершимый от имени государя как гаранта чистоты «зеркала правосудия».

Являясь «плодом» реализации одного из решений первого Земского собора², Судебник 1550 г. преследовал цель исправления и доработки предписаний Судебника Ивана III (1497 г.)³ в части улучшения порядка отправления правосудия. Будучи по юридической сути большинства своих норм ориентированным на регулирование отношений в сфере уголовного судопроизводства, Судебник 1550 г. определял общие на всей территории российского государства процессуальные требования к отправлению правосудия по тем делам публичного характера, уголовное преследование по которым возбуждалось по факту нарушения только им установленных норм материального уголовного права. Об этом, например, говорило указание

¹ См.: Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2 / Послесл. и коммент. составили В.А. Александров, В.Г. Зимина. М.: Мысль, 1987. С. 158.

² См.: Ключевский В.О. Указ. соч. С. 162–163, 185–186.

³ См.: Отечественное законодательство X–XX веков: Пособие для семинаров. Часть I (XI–XIX вв.) / Под ред. проф. О.И. Чистякова. М.: Юристъ, 2000. С. 58–67.

Судебника 1550 г. об обязанности Боярской думы, действующей «de jure» совместно с Государем, обеспечить единство законодательного процесса и правоприменения (ст. 98): «А которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государева доклада и со всех боар приговору вершается, и те дела в сем Судебнике приписывати». Возможно, такие меры были первой попыткой Ивана IV заявить о «зерцале правосудия» как отражении через призму видения государевой власти общественной опасности нарушений в сфере «правежа» под запретом единственного и, как подразумевалось доступного для понимания подданных, источника права. По мнению И.П. Липранди, именно «народный язык» закона в компаративном аспекте не только выгодно подчеркивал достоинства российского законотворчества по сравнению, например, с Англией, Францией, Бельгией, Австрией, Пруссией, Италией, Валахией и Молдавией, но и нивелировал в национальной юрисдикции характерные для этих европейских стран трудности в преобразовании некоторых сфер государственного управления. Традиция водворения общественного правопорядка, основанного на «народности» закона, поддерживалась и в XIX в.: в этот период сохранили силу многие начала Соборного уложения 1649 г., в том числе, составленные на прецедентных нормах Судебника 1550 г.¹

В Судебнике 1550 г. термин «правосудие» охватывался процессуальным словосочетанием «как судить» (преамбула), а в редких случаях — определялся словом «правеж» (ст. 55). В конструкциях норм Судебника 1550 г. об ответственности должностных лиц, отправляющих правосудие и содействующих таковому, наметилась тенденция угрозы приоритету ранее приемлемого частного обычая — определения рамок законности правосудия по уголовному делу, исходя из исключительной и непререкаемой «годности» усмотрения судьи, имеющего должные династическое происхождение и послужной статус предков. Иван IV, пресекая расширение практики превосходства корыстных мотивов над безвозмездными интересами публичной государственной службы, пожалованной государем как награда за доверие, становится новатором в перестройке «рельсов» правосудия на «путь» верховенства закона государя над дискрецией судов. И хотя в полномочия Боярской думы входило рассмотрение многих уголовных дел (в первой инстанции или по праву высшего судебного органа), «de facto» она утратила

¹ Подробнее см.: Липранди И.П. О взятках, взяточниках и доносчиках // Чтения в Императорском обществе истории и древностей при Московском университете. М., 1870. Книга III. Июль — сентябрь. Отделение V. С. 91.

автономную компетенцию постановить приговор по некоторым их категориям, например, о таком особо тяжком преступлении, как вынесение заведомо неправосудного решения в результате получения взятки (ст. 3). В данном случае беспрецедентной мерой служил доклад дела отсутствовавшему государю о назначении вида и размера наказания согласно формуле: «И о том великий государь что укажет?»¹. Таким образом, государь стал монопольным гарантом правды, истинности, обоснованности и почитания закона, неподкупности и беспристрастности отправления правосудия, философия которого зиждилась на простом тезисе: «Воля Монарха священна: он почитается источником одного добра; все остальное относится к исполнителям»². Высшее назначение государевой власти в сфере кары особо опасных преступников Иван IV сформулировал в письме к А.М. Курбскому: «Царь — гроза не для добрых, а для злых дел; хочешь не бояться власти — делай добро, а делаешь зло — бойся, ибо царь не зря носит меч, а для кары злых и одобрения добрых». Однако успешно возвести эту идею до столь высокого уровня «энергетического выражения своих задач» удалось другому Монарху — Петру I³.

Согласно Судебнику 1550 г. понятие «суд» объединяло систему определенных субъектов — самого «Царя и Великого князя», Боярскую думу, бояр в приказах и иных должностных лиц, наделенных законом функциями привлечения к уголовной ответственности, уголовного преследования, назначения наказания и исполнения приговора (преамбула, ст. 1–13, 24, 28–34, 37–39, 45, 47, 62, 64 и др.). Характеризуя «суд», следует акцентировать внимание на заданный Судебником 1550 г. (и впоследствии воспринятый Соборным уложением 1649 г.) «вектор» преобразования судопроизводства. Прежде имеющий место совместный суд земского князя с боярами получил зеркальную интерпретацию, став судом бояр от имени «Царя и Великого князя». Иными словами, Боярская дума получила статус самостоятельной судебной инстанции (даже в части тех отдельных категорий уголовных дел, которые разрешались на основе принципа доклада государю), в то время как у царя сосредоточились полномочия верховного суда⁴. Небезынтересно отметить расширение в Судебнике 1550 г. полномочий и такой ка-

¹ См.: Ключевский В.О. Указ. соч. С. 323–325.

² См.: Липранди И.П. Указ. соч. С. 91.

³ См.: Ключевский В.О. Указ. соч. С. 146, 158.

⁴ Подробнее см.: Соборное Уложение 1649 года. Текст и комментарии / Г.В. Абрамович, А.Г. Маньков, Б.Н. Миронов, В.М. Панях. — Л.: Наука, 1987. С. 182–183.

тегории «судных мужей» — «целовальников» — выборных уполномоченных представителей в судах наместников и волостелей, являющихся «носителями мирской совести» и «правды»¹ при отправлении правосудия по уголовным делам или, в современном понимании их процессуального статуса, присяжными заседателями (ст. 25, 58, 62, 68, 70, 72²).

Общественная опасность нарушений обманного характера заключалась в зарождении любых сомнений в неподкупности и беспристрастности государева «зеркала правосудия». В Судебнике 1550 г. получили поступательное развитие нормы материального права Судебника 1497 г.³ в части совершенствования механизмов противодействия недостаткам уголовного судопроизводства, зивидившихся на корыстной и иной личной заинтересованности в деятельности лиц, отправляющих правосудие и содействующих ему. Позволим предположить расширение в Судебнике 1550 г. видов преступлений обманного характера, посягающих на три грани «зеркала правосудия»: 1) право на неподкупность и беспристрастность правосудия, вершимого от имени государя; 2) установленную законом материальную и процедурную (процессуальную) сторону отправления правосудия; 3) авторитет закона и государственного управления. Однако на рассматриваемой стадии генезиса российского законодательства (к слову, в отличие от Соборного уложения 1649 г.⁴) деяния подобной направленности еще не обособлены в какую-либо систему со свойственным ей родовым (или дополнительным к нему) объектом охраны общественных отношений в сфере нормального отправления правосудия. Формулируя те или иные нормы, очерняющие «зеркало правосудия», Судебник 1550 г. во главу угла ставил авторитет государственного управления как процедурную составляющую нарушаемого правопорядка (процесса судопроизводства, привлечения к уголовной ответственности, назначения и исполнения наказания) и процессуальный статус са-

¹ Подробнее см.: Ключевский В.О. Указ. соч. С. 332–333.

² Для сравнения см., напр.: ст. 38 Судебника 1497 г.

³ См., напр.: ст. 1, 38 Судебника 1497 г.

⁴ См., напр.: ст. 6–10, 12–14, 17–19 гл. II «О государьской чести и как его государьское здоровье оберегать»; ст. 12 гл. VII «О службе всяких ратных людей Московского государства»; ст. 5, 7–10, 12, 15–17, 154, 186–188 гл. X «О суде»; ст. 10 гл. XI «Суд о крестьянех»; ст. 20 гл. XXI «О розбойных и татиных делех» // Памятники Русского права в 8 выпусках. Выпуск 6: Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. М., 1957. С. 22–407.

мого нарушителя (судьи; должностного лица, содействующего реализации правосудия; иного лица, обязанного соблюдать закон).

С известной долей условности, присущей любой научной классификации, мы предприняли попытку дифференцировать обманы «зеркала правосудия» не по критерию родового объекта (который, судя по ст. 1 Судебника 1550 г., был един), а в зависимости от субъекта, воспрепятствовавшего законному процессуальному (процедурному) порядку государева управления деятельностью судебных органов. На наш взгляд, подобный подход позволил выявить некоторые нюансы криминализации, превалирующие в определении характера и степени общественной опасности того или иного деяния на анализируемом этапе законодательных новаций. Однако в рамках лимитированного объема настоящей статьи мы ограничились лишь освещением обманных деяний коррупционной направленности со стороны должностных лиц, непосредственно отправляющих правосудие либо содействующих ему вопреки интересам судопроизводства путем получения ими взятки, из личной заинтересованности либо посредством иного способа злоупотребления служебными полномочиями в целях получения имущественной выгоды.

Во-первых, Судебник 1550 г. главную роль отводил «искоренению обычая посулов»¹ — коррупционных обманов со стороны должностных лиц, непосредственно отправляющих правосудие — судей, к коим согласно ст. 1 относились бояре, окольниковые, дворецкие, казначеи и дьяки. Развивая в этой части предписания Судебника 1497 г.², Судебник 1550 г. в числе таких посягательств называл: вынесение заведомо неправосудного решения в результате получения взятки; осуществление правосудия из личной заинтересованности; служебный подлог из корыстных побуждений.

В Судебнике 1550 г. наибольшую общественную опасность приобрела коррупция в судах — взимание при отправлении правосудия взяток («посулов») судьями (включая бояр) и разрешение ими судебных дел из личной заинтересованности, руководствуясь дружескими отношениями или местью какой-либо из сторон процесса. Нарушение таких запретов квалифицировалось как вынесение неправосудного судебного акта и влекло для перечисленных лиц, во-первых, материальную и, только, во-вторых, уголовную ответ-

¹ Подробнее см.: Ширяев В.Н. Взятничество и лиходеительство в связи с общим учением о должностных преступлениях. Уголовно-юридическое исследование. Ярославль, 1916. С. 74–75.

² См., напр.: ст. 1, 38 // Отечественное законодательство X–XX веков. Часть I (XI–XIX вв.) / Под ред. проф. О.И. Чистякова. М., 2000. С. 58–67.

ственность. В частности, в ст. 3 Судебника 1550 г. пояснялось, что высшие должностные лица, наделенные судебским иммунитетом «боярина, дворецкого, казначея и дьяка», в случае вынесения ими неправосудного судебного акта за «посул» обязаны были в тройном размере возместить истцу сумму иска и все судебные расходы. В то же время, уголовно-правовая санкция в отношении таких лиц носила неопределенный (нефиксированный) характер, поскольку вопрос о конкретном для них виде наказания разрешался в относительно неопределенном приговоре верховного суда — отдавался на откуп Государя. И что важно, от запрещенных ст. 3 обманных деяний Судебник 1550 г. отграничивал акты неправосудия, ставшие следствием судебной ошибки и, таким образом, не имевшие коррупционной составляющей «посула» либо личной заинтересованности. В соответствии со ст. 2 Судебника 1550 г. не признавались общественно опасными и наказуемыми случаи, когда судьи (бояре, дворецкие, казначеи и дьяки) «просудятся» и «обвинят кого не по суду бесхитростно».

Судебник 1550 г. определял основания и правовые последствия еще за один вид коррупционного обмана — служебный подлог судебных документов из корыстных побуждений. Например, в силу ст. 4 Судебника 1550 г., дьяк, составивший за взятку фиктивный протокол судебного заседания либо внесший в него фальсифицированные показания сторон и свидетелей, подлежал материальной и уголовной ответственности. В числе криминообразующих признаков состава этого преступления называлось отсутствие сговора между непосредственным субъектом (дьяком) и вышестоящими судьями (для дьяка — боярина, дворецкого, казначея). За совершение подлога из корыстных побуждений дьяк уплачивал половину суммы иска (вторую половину возмещало высшее должностное лицо, обязанное осуществлять надзор за своим подчиненным — боярин) и подлежал тюремному заключению.

Во-вторых, придерживаясь приведенного выше основания дифференциации, полагаем возможным выделить коррупционные обманы со стороны должностных лиц, содействующих правосудию (подьячих, недельщиков), например: подлог документов путем «посула»; посредничество во взяточничестве; прикосновенность к преступлению в форме попустительства по службе.

В частности, в диспозиции ст. 5 Судебника 1550 г. устанавливалась ответственность за служебный подлог путем фальсификации протокола судебного заседания за взятку, совершенный подьячим — должностным лицом, содействующим отправлению правосудия на стадии судебного следствия и рассмотрения дела

в суде. В некоторой аналогии со ст. 4 Судебника 1550 г. к важным условиям состава подлога судебных документов в ст. 5 закона также причислялось отсутствие сговора между непосредственным субъектом преступления (подьячим) и вышестоящим для него судьей (дьяком). Но в отличие от коррупционного обмана дьяка, подьячий, совершивший во многом сходное деяние, подвергался более строгому уголовному наказанию — торговой казни и битью кнутом.

В Судебнике 1550 г. служебным обманам дьяка (обладающего в силу ст. 2 Судебника, 1550 г. статусом судьи) и подьячего посвящались разные статьи, что, на первый взгляд, высвечивало дифференцированный субъективный подход закона к основаниям уголовной ответственности двух неравных в иерархии судебных чинов категорий должностных лиц. В статье 28 Судебника 1550 г., например, подчеркивалась особенность правового и процессуального статуса подьячего как должностного лица, содействующего отправлению правосудия посредством вменения ему обязанности непосредственного оформления делопроизводства в судах. Причем в целях исключения подлога, подьячим запрещалось держать у себя материалы судебного дела и выдавать их сторонам без соответствующего оформления печатью дьяка.

Однако детальное ознакомление с этой же нормой закона, приводит к выводу об исключениях из первоначально возникшего тезиса о независимости оснований ответственности дьяка (как ответственного «контролера», держателя и хранителя «опечатанных» судебных дел) от деяния подьячего (являющегося лишь подчиненным дьяку составителем судебных документов). Так, в статье 28 Судебника 1550 г. среди обманных способов воспрепятствования в соблюдении чистоты «зеркала правосудия» закон одновременно криминализировал деяния двух названных субъектов: а) попустительство дьяка по службе в качестве предикатного преступления; б) укрытие судебных дел от надлежащего учета и утрату материалов судопроизводства подьячим, признав таковые общественно опасными последствиями попустительства.

Ответственность виновных в соответствующих деяниях строилась на субсидиарной модели, где основным виновником рассматривался подьячий, а дополнительным — дьяк. Кроме этого, наказание дьяка и подьячего дифференцировалось в зависимости от места совершения преступления. При укрытии подьячим судебных дел, не подписанных дьяком и не скрепленных его печатью, либо при утрате таковых по пути домой, дома или в приказе, подьячий наказывался битьем кнутом, в то время как к дьяку применялось мате-

риальное взыскание в виде уплаты суммы иска и пошлины. В число признаков, отягчающих наказание и основного, и предикатного виновников, закон ввел укрытие документов от учета дьяка в случае передачи таковых за пределами территориальной подсудности — за городом или на подворье. При наличии подобных обстоятельств подьячому назначалось наказание в виде торговой казни и пожизненного отрешения от должности, а дьяк нес бремя материальной ответственности за попустительство, в полном объеме возмещая заявленный в деле ущерб.

В Судебнике 1550 г. имелась еще одна группа норм об ответственности за обманные деяния должностных лиц, содействующих отправлению правосудия, но на иных этапах уголовного судопроизводства, предваряющих судебное следствие и рассмотрение уголовного дела по существу. Речь идет о таких субъектах общественно опасных деяний, как недельщики («неделщики»), наделенные законом полномочиями по привлечению обвиняемых к ответственности, осуществлению их розыска и доставления в суд, производству сбора доказательств и получению признания виновных. Например, ст. 32 устанавливала санкцию в виде торговой казни за вымогательство взятки недельщиком. Посредничество недельщика в получении взятки для судей, бояр, окольных, казначеев и дьяков каралось торговой казнью с возложением обязанности возврата суммы взятки в тройном размере. Однако закон не содержал какого-либо указания на ответственность судьи, получившего посул через посредничество недельщика. В ст. 53 устанавливалось материальное наказание недельщика в виде возмещения истцу причиненного ущерба, а также уголовная санкция, предполагающая торговую казнь и предварительное тюремное заключение до определения наказания царем за попустительство правосудию — умышленный отпуск в результате получения взятки («посула») татей и разбойников, находившихся под следствием. Более строгое наказание применялось к недельщикам за незаконную выдачу на поруки или продажу татя в холопы без получения санкции вышестоящей инстанции (боярина или дьяка). При совершении данного преступления недельщик возмещал сумму иска в двойном размере, подвергался торговой казни и помещению в тюрьму до вынесения относительно определенного приговора государя (ст. 54)¹.

¹ Подробнее см.: Шмонин А.В., Семькина О.И. Преступления экономической направленности: понятие и генезис уголовного законодательства: монография / отв. ред. профессор, доктор юридических наук, А.В. Шмонин. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 49–52.

Подводя итог, отметим, что Судебник 1550 г. криминализировал множество деяний, так или иначе сопряженных с обманом государева «зеркала правосудия». Наказание за такие посягательства нацеливалось на противодействие судейскому произволу, выступая неким национальным аналогом «*crimen regum repetundarum*»¹ — одного из принципов римского права. В частности, введя единую общегосударственную систему судебных пошлин, закон, тем самым, запрещал получение должностными лицами «посулов» при осуществлении правосудия (ст. 8–10, 24, 43) и содействии ему (ст. 33–34, 62).

В нормах Судебника 1550 г. об ответственности за постановление неправосудных приговоров был создан прецедентный «каркас» для последующих уточнений и новаций в мерах противодействия коррупционным обманам судей. Например, в сравнении общими по своей уголовно-правовой природе формулировками ст. 3 Судебника 1550 г. в ст. 5 гл. X «О суде» Соборного уложения 1649 г. расширились признаки вынесения судьей неправосудного судебного акта вследствие взимания «посулов» либо по иным личным мотивам, не совместимым с интересами государевой службы. К тому же, если в ст. 2 Судебника 1550 г. за акты неправосудия, имевшие место в результате бесхитростной судебной ошибки, судьи уголовной ответственности не несли, то на основании ст. 10 Соборного уложения 1649 г. (нормы-преемницы прежнего источника) доказанная ошибка судьи — уже преступление, наказание за которое указывал государь².

Прецедентным характером для последующего источника российского права обладали и нормы ст. 4 и 28 Судебника 1550 г. об ответственности должностных лиц, содействующих отправлению правосудия. В частности, в ст. 11–14 Соборного уложения 1649 г. получили развитие основания ответственности за акты неправосудия, совершаемые должностными лицами средней (дьяк) и младшей (подьячий) ступеней в иерархии судебных чинов из корыстных побуждений (за «посул») либо из пристрастного отношения к одной из тяжущихся сторон.

Однако, концентрируясь на противодействии обманам коррупционной направленности со стороны должностных лиц, отпра-

¹ См.: Ширяев В.Н. Указ. соч. С. 73–79.

² Подробнее о прецедентах норм Судебника 1550 г. в установлениях Соборного Уложения 1649 г. см.: Соборное Уложение 1649 года. Текст и комментарии / Г.В. Абрамович, А.Г. Маньков, Б.Н. Миронов, В.М. Пеняех. Л.: Наука Ленинградское отделение, 1987. С. 182–187, 190, 194, 199, 201–203, 207–208.

ляющих правосудие либо содействующим ему, Судебник 1550 г. не обошел вниманием общественную опасность тех деяний, которые совершались другими субъектами, не «обремененными» статусом государственного служащего, но обязанными соблюдать и почитать закон. По мнению И.Я. Фойницкого¹ к способам обманов, облегчавших «воровство» в той ли иной его «криминологической ипостаси», отграниченных законодателем от состава «классического» мошенничества, кроме служебного подлога документов относились, также ложный донос. Для иллюстрации этого тезиса приведем, в частности, ст. 6 Судебника 1550 г. об ответственности за «ябедничество» — ложное, подтвержденное в ходе сыскного судопроизводства, обвинение судей в неправосудии вследствие получения «посула»². В будущем эта норма стала прецедентом для выработки предписаний ст. 9 Соборного уложения 1649 г., установившей ответственность за причиненное судье «бесчестье».

Литература

1. Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. Настольная книга судьи: преступления против правосудия. М.: ТК Велби, Проспект, 2008.
2. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2 / После сл. и коммент. Составили В.А. Александров, В.Г. Зимица. М.: Мысль, 1987.
3. Липранди И.П. О взятках, взяточниках и доносчиках // Чтения в Императорском обществе истории и древностей при Московском университете. М., 1870. Книга III. Июль — сентябрь. Отделение V.
4. Соборное Уложение 1649 года. Текст и комментарии / Г.В. Абрамович, А.Г. Маньков, Б.Н. Миронов, В.М. Панеях. Л.: Наука, 1987.
5. Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву. Сравнительное исследование. В II ч. Ч. I. М., 2006.
6. Ширяев В.Н. Взятничество и лиходеительство в связи с общим учением о должностных преступлениях. Уголовно-юридическое исследование. Ярославль, 1916.
7. Шмонин А.В., Семькина О.И. Преступления экономической направленности: понятие и генезис уголовного законодательства: монография / отв. ред. профессор, доктор юридических наук, А.В. Шмонин. М.: Юрлитинформ, 2013.

---

¹ См.: Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву. Сравнительное исследование. В II ч. Ч. I. М., 2006. С. 38–39.

² Подробнее см.: Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. Настольная книга судьи: преступления против правосудия. М.: ТК Велби, Проспект, 2008. С. 11–12.

ПЕРВЫЙ ЗЕМСКИЙ СОБОР КАК ВЫРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Древнерусская культура, хронологически совпавшая с европейским Средневековьем, в своем основании имела христианскую традицию, которая определила все ее проявления и стала фундаментом как нашей государственности, так и права. Теоцентристское мировоззрение эпохи, базировавшееся на идеях Нового завета, формировало правосознание нации, ее идеологию и правовую культуру, содержание и язык законодательства.

К середине XVI в. русское национальное самосознание, по меньшей мере, дважды, выразило национальную идею, определяющую смысловые характеристики Русского государства.

Первым дошедшим до нас произведением, содержащим важнейшие политико-правовые аспекты, стала проповедь главы Русской церкви, прозвучавшая в самый главный православный праздник Пасхи, известная под названием *«Слово о Законе и Благодати»*¹. Трактакт был написан в первой половине XI века киевским митрополитом Иларионом в княжение Ярослава Мудрого. В это время Русь переживала невероятный политический и культурный подъем после принятия Крещения.

Дарование народу русскому истинной веры воспринимается религиозным сознанием того времени как милость Божия к вновь просвещенному народу: «все народы помиловал Бог, и нас не презрел». Одной из тем речи становится провозглашение *высшей целью государства* как всенародного единения — сохранение веры и нравственности в гражданах. Отсюда главным достоинством великого князя Владимира, а следовательно, любой власти становится духовное просвещение народа, правильный выбор веры, нравственного закона как пути, ведущего христианина к конечной цели земного существования. Иларион называет главу государства «нашим учителем и наставником благоверия», полагая указанные качества необходимыми любому правителю. Наряду с ними, «правда и крепость в истине, милостыня алчущим и помощь вдовицам, пристанище бездомным и заступление обидимым». Отмечая христианские добродетели Владимира-крестителя, Иларион от имени своей эпохи в портрете конкретного исторического деятеля выражает образ идеального государя.

¹ Слово о Законе и Благодати. М.: Столица, Скрипторий, 1994. 146 с.

Смыслом и назначением государства и власти отныне становится объединительное начало общезжития, основанное на *христианском осмыслении* цели человеческой жизни. Новокрещенный народ отныне призывался к христианскому измерению своего бытия, имеющему Промыслительное влияние на возможность спасения души. С этого времени с подачи митрополита Илариона главной темой русской философии права станет вопрос о соотношении морали, нравственности и права, а тему промыслительного действия Бога в истории вновь поднимет в научном аспекте Н.М. Карамзин. Рассуждая о древней и новой России¹, он ввел в политико-правовую науку необходимость выявлять сильные и слабые стороны *духовно-нравственного аспекта правления*.

События мирового значения XV века значительным образом повлияли на самосознание жителей Московского государства, которое укрепилось после победы в Куликовской битве 1380 года. После подписания политически ослабшей Византийской империей в 1439 г. Ферраро-Флорентийской унии с католическим Римом она утратила политическую независимость под ударами турок-сельджуков в 1453 г. В связи с этим тема о переосмыслении роли своего государства и статуса церкви на политической карте Европы стала главенствующей. Самостоятельное избрание в 1449 г. главой русской православной церкви святителя Ионы обозначило независимость русской митрополии.

Освободившись в 1480 году от ордынского ига, заняв «свою нишу» на политической карте Европы как независимое государство, Русь осмысляла себя религиозно преемницей Византии, уния которой с римо-католическим Западом расценивалась как предательство православию.

На протяжении XVI в. русская литература отражала представления о Русском государстве как о центре мирового православия *с призванием хранить православное христианское учение в чистоте его содержания и неизблемости*. В этом особом религиозном делании русского народа виделась его особая миссия. Целый народ самопризывался к охранению христианской Истины, а государство к ее защите.

В итоге внутренние и внешние политические события в Московском государстве обусловили возникновение *теории «Москва — третий Рим»*, оформившейся на рубеже XV–XVI вв. как комплекс национально-политических идей. Ее автором признан

¹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России // Ретроспективная и сравнительная политология. М.: Наука, 1991.

монах псковского Елиазарова монастыря Филофей, изложивший взгляды современников на происшедшее в Послании московскому великому князю Василию Ивановичу¹.

Итоговым выводом и смысловой доминантой Послания стала известная формула Филофея: «...все христианские царства пришли к концу и сошлись в царстве нашего государя, согласно пророческим книгам это и есть Ромейское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать». После падения двух оплотов мирового православия третьей и последней наследницей неразрушимого Ромейского царства объявлялась Россия.

Эта позиция усиливалась укреплением русского национального самосознания, связанного с освобождением от влияния Орды. Московская Русь из одного из множеств в северо-западной Руси становится единственным; общенациональное государство становится державой. Иван III увеличивает территорию в 5 раз.

Кроме духовной, теория «Москва — третий Рим» несла и политическую нагрузку. Провозглашение России христианским царством, влекло за собой необходимость установления *царского титула* русского правителя и новой *формы правления* российского государства как *православного царства в его восточно-византийском*, т.е. верозащитном смысле. Ведь в церковном таинстве коронования царь давал клятву верности православию. В своем Послании Филофей именует великого князя Василия православным царем, а Русь — Святой Русью в целях подчеркнуть неразрывную связь христианской империи и христианской церкви. С этого времени название «Святая Русь», как единственная хранительница христианской веры, закрепившись трудами Феофана Грека, примет устойчивое употребление. К святости призывались все жители Московского царства.

К рассматриваемому периоду византийское наследие уже выработало идею «симфонии властей» — взаимодействия двух ветвей власти, светской и духовной в деле достижения цели христианской жизни. В этой связке власть осмысливалась как особая форма религиозного служения, влекущего не только юридическую, но и религиозную ответственность.

Самодержавие царя в рассматриваемое время понималось как особое духовное, т.е. глубоко личностное, нравственно-религиозное *служение* правителя-христианина в качестве государственной власти, «удерживающей» подданных от нарушения закона государственного и нравственного. Сам государь должен воплощать

¹ Послания старца Филофея / БЛДР, СПб, 2000. Т. 1. С. 291–305.

принцип нравственного служения Богу, т.е. соответствовать заповедям Божиим. Такая власть не может рассматриваться лишь как подчиненная формальному закону, но прежде всего Божественной Правде, Благодати, о которой говорил еще Иларион. Отсюда предполагалась не только и не столько юридическая ответственность носителя власти, принявшего ее в таинстве венчания на царство, сколько религиозная ответственность перед Богом, эту власть давшим.

Идея самодержавия выражала необходимость сочетания закона с совестью, духом Благодати и нравственности в политическом режиме христианского государства. Религиозно-духовная связь народа и наследственного царя усиливалась общинным устройством России, создавая православную интерпретацию сути русского самодержавия. *Невозможно иметь православное царство и не иметь православного царя.* Иван Грозный принимает решение венчаться на царство и в 1547 г. становится *первым царем* на русском престоле, первым русским государем, над которым было совершено церковное таинство венчания на царство.

Его политические взгляды отразились в создании новогословно-представительного органа Земского Собора, призванного вырабатывать политику, единую для всех сословий, равных перед царем. Статус царя определялся с христианских позиций: «такой царь не есть боярский, и даже не общенародный, он есть слуга Божий», подчиняющийся единственно христианскому закону. **Главная задача**, которую поставил Иван Грозный: в русле развития единого централизованного государства **создать самодержавное царство**.

Основное противоречие этого периода: притязания бояр (родственников царя) на власть. Усобицы из-за фамильных счетов совершенно расстроили хозяйство страны, не говоря уже о моральном влиянии ситуации родственной неприязни на малолетнего правителя. Однако в большей степени на характер будущего царя оказало влияние и духовная поддержка митрополита Макария.

Все с той же целью — дать заслон провокациям боярской аристократии — Иван Грозный задумывает новый государственный орган с участием народного представительства, форму межсословного договора о единстве, основанного на примирении и покаянии. В Земском соборе, в отличие от западного варианта, каждый участник обладал правом вето — решение принималось при полном единогласии. Первый Земский собор был созван в **1549** г. Собор принял религиозное значение — он так и назван в истории **Примиренческий Собор**. Речь Грозного на Соборе показательна: «Люди Божии и нам Богом

дарованные! Молю вашу веру к Нему и любовь ко мне: будьте великодушны! Нельзя исправить минувшего зла: могу только впредь спасти вас от подобных притеснений и грабительств. Забудьте, чего уже нет и не будет, *оставьте ненависть, вражду, соединимся все любовью христианскою*. Царь просил прощения сам и объявил прощение виновным боярам за распри.

Собор возвращал царю и народу утраченное в смуте междоусобицы единство. *«Первый Земский Собор в Москве представляется каким-то небывалым в европейской истории актом покаяния царя и боярского правительства в их политических грехах»*. Соборы стали инструментом борьбы со всякой смутой путем утверждения всенародного церковного единства и просуществовали 150 лет.

Религиозной, мистической идеей в основе Соборов стала идея о необходимости **собранности (соборности) и единства всех российских сил в решении общегосударственных задач**, основанном на ответственном иерархическом **служении каждого со-словия**: крестьянина — землевладельцу, землевладельца — царю, царя — Богу.

Сразу же последовал Указ 1551 г. Об обязательной службе всех землевладельцев — юридическое прикрепление к государевой службе. Речь шла об уравнивании сильных и богатых со всеми служилыми людьми в служебной повинности перед государством. За 20 лет отобрана была *половина* государства. Остальная половина осталась по-прежнему в управлении Боярской думы и называлась земщиной. Однако опричнина сопровождалась разрушением хозяйственного порядка в центральных областях, т.к. уходили и свободные крестьяне на новые земли бывшего Казанского царства от помещиков, не имевших земельных льгот.

В закрепление проведенных мер по становлению православного государства в 1589 г. в России было *утверждено патриаршество* и русская церковь получила самостоятельность. Патриархи избирались на церковном соборе, но утверждались царем. Только установление патриаршества завершало преемственную передачу византийского наследия.

Эпоха царствования Ивана IV завершает период *становления* русского религиозного самосознания. Именно к этому времени окончательно сложились взгляды русского народа на свою историю, смысл существования, на государственные формы. Особенность русской истории понималась в том, что в основе ее полагался не баланс интересов различных сословий, групп, а понимание общегосударственного религиозного долга, всенародного служения

Богу. Соборность народа и его державность соединилась. В основу политики поставлялась религиозность.

Мировоззренческой основой средневековой Руси (X–XVII вв.) стала христианская религия, в основе которой лежит призыв человека к *служению* Правде и подчинению этой идее всего общественного и государственного устройства. Высшим назначением государственной власти признавалось содействие условиям спасения людей. Это следует из приоритета духовного начала в человеке: «ищите *прежде* Царствия Божия, а остальное все приложится вам».

Институт Земских соборов не смог предотвратить Смуту начала XVII в. Затишье в правление сына Федора, правление Бориса Годунова провоцировало боярские распри — счет между фамилиями. Реформы Ивана Грозного в полной мере осуществит Петр I: Табелью о рангах уничтожит боярство и заставит дворян нести государеву службу. Но это уже будет освящено идеей сильной власти. Законодательные меры Ивана Грозного — последние усилия в построении христианской государственности средневековой Руси. XVII век отмечен переходом к секуляризации российской культуры и западным заимствованиям. Святая Русь как единение нации на основе Христоцентризма закончила свое существование.

Литература

1. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России // Ретроспективная и сравнительная политология. М., Наука. 1991.
2. Послания старца Филофея / БЛДР. СПб, 2000. Т. 1.
3. Слово о Законе и Благодати. М.: Столица, Скрипторий, 1994.

РОЛЬ ИНОСТРАННЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Российское право в настоящее время переживает достаточно активную фазу своего поступательного развития, связанного с возрастающими качественными изменениями. Как справедливо отмечает М.В. Баранова, право сегодня — динамичная система¹, которая активно эволюционирует и отражает особенности общества и государства. Право оперирует знаками, абстрактными понятиями, хотя и старается добиваться однозначного понимания². Для достижения качества формулируемых нормативных установлений используются различные технико-юридические составляющие как традиционного, так и инновационного для конкретного государства характера, которые в ряде случаев сопровождаются включением в национальную правовую систему правовых институтов, которые ранее не были для нее характерны. Особое влияние при этом испытывает язык права, который в большей степени подвержен непосредственной трансформации.

В российском праве имеются иностранные заимствования, которые пришли еще в процессе рецепции, это такие, например, термины как «сервитут», «эмфитевзис», «узуфрукт» и другие, известные законодательству многих зарубежных стран³. Вместе с тем, как показывает практика, в последнее время наметилась тенденция возрастания количества иноязычных лингвистических конструкций в российской правовой системе при формулировании нормативных предписаний государственно-властного характера по причине активного эволюционирования общественных отношений в русле научно-технического прогресса. Как справедливо отмечает М.А. Марусенко, глобализационные процессы, приводящие к быстрому изменению мировой системы языков, затрагивают все страны независимо от их интеграции в мировую экономическую систему. Было бы наивным предполагать, что какой-нибудь язык,

¹ Баранова М.В. Норморайтер — новая компетентностная модель специалиста в поле правовой культуры // Норморайтер как профессия: материалы дискуссии. М. 2019. С. 238.

² Темнов Е.И. *Jurisprudentia eloquenta* — Звучащая юриспруденция. М. 2015. С. 19.

³ Ващенко Ю.С. Иноязычная юридическая лексика в законодательных текстах: история появления, современные тенденции и пути развития // Государство и право. 2018, № 1. С. 64.

например, русский, может оставаться в стороне и эволюционировать по каким-то своим, отдельным законам¹. Также следует отметить, что пополнение русского лексико-фразеологического состава иноязычными словами — один из живых способов обогащения национальных средств языкового выражения². В современных исследованиях справедливо отмечается, что применение цифровых технологий, с одной стороны, приводит к сильному изменению всей модели общественных отношений, порождая потребность в модернизации их правового регулирования, с другой стороны влияет на само право как формально, так и содержательно³. Так, например, А.А. Каширкина и А.Н. Морозов отмечают, что цифровизация приведет к появлению в языке международных договоров и иных международно-правовых актов нового понятийного аппарата, куда будут включены специальные понятия и термины, раньше не фигурировавшие в нем (блокчейн, майнинг)⁴. Следует отметить, что ряд положений нормативного характера из международных договоров рано или поздно через процедуры имплементации найдут отражение в российском законодательстве, и в этом случае встанет проблема более интенсивного использования иностранных заимствований, которые активно проникают в язык закона.

Кроме того, развитие общества способствует появлению новых общественных отношений, характеризующихся терминологическим рядом, который зачастую носит характер усвоения. Так, например, в проекте ФЗ № 419059-7 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предлагается закрепить такие законодательные дефиниции, как например, «майнинг — предпринимательская деятельность, направленная на создание криптовалюты и/или валидацию с целью получения вознаграждения в виде криптовалюты. Криптовалюта — вид цифрового фи-

¹ Марусенко М.А. Эволюция мировой системы языков в эпоху постмодерна: языковые последствия глобализации. М., 2015. С. 3.

² Бабкин А.М., Шендцов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода. 2-е изд., исправленное. СПб, 1994. С. 3.

³ Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, О.А. Иванюк, А.А. Головина; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. М., 2019. С. 28.

⁴ Каширкина А.А., Морозов А.Н. Язык права Евразийского экономического союза в ракурсе цифровизации // Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М., 2019. С. 195.

нансового актива, создаваемый и учитываемый в распределенном реестре цифровых транзакций участниками этого реестра в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций». Несмотря на то, что судьба данного законопроекта остается весьма неопределенной, также не ставя цель анализировать технико-юридические составляющие данного будущего нормативного текста, хотелось бы отметить, что введение в нем ряда иноязычных заимствований оправдано, так как, во-первых, в государственном языке отсутствуют их аналоги, а во-вторых используемые формулировки позволяют реализовать принцип языковой экономии — более кратко обозначить термин, чем при использовании подобных соответствий на русском языке после их перевода.

Бесспорно, что язык права — это своеобразная *lingua franca* в рамках современных научных изысканий не только юридической доктрины, но и трудов исследователей-лингвистов. Если несколько сузить объем анализируемого понятия и рассматривать не язык права в целом, а лишь язык закона, то следует отметить, что он трактуется преимущественно в рамках двух позиций. Первая точка зрения в большей степени отражает филологические научные взгляды и определяет язык закона как особую функциональную разновидность официально-делового стиля единого литературного языка. Вторая точка зрения, нашедшая отражение в трудах не только лингвистов, но и представителей юридической науки, характеризует язык закона как особый юридический язык, обладающий специфическим характером, в рамках которого «естественный» язык приспособляется к особым условиям функционирования в сфере правовой коммуникации, то есть как особый юридический язык, сформировавшийся с целью функционирования в сфере законотворчества с перспективой реализации в правовой системе общества через осмысленные законодателем языковые средства, способные к адекватному выражению норм права в тексте нормативно-правового акта¹. Здесь следует акцентировать внимание именно на характеристике адекватности выражения нормативных установлений, причем, на разных уровнях осуществления данного процесса. Действительно, адекватной данному целеполаганию должны быть не только общественные отношения, которые переводятся в разряд юридически значимого поведения, но и адекватным способом необходимо закрепить волю законо-

¹ Маланина Н.В. Тексты нормативно-правовых документов в аспекте языковой личности законодателя (на материале нормативно-правовых актов Алтайского края): Автореф. дис.... канд филол. наук, Барнаул, 2006. С. 8.

дателя, которую возможно будет интерпретировать в процессе правоприменения без искажения смыслового континуума, также адекватной и понятной должна быть формулировка нормы права. Иноязычные заимствования позволяют правовым предписаниям быть более качественными, что влечет за собой повышение эффективности правового регулирования.

Определяясь с понятийным аппаратом, следует отметить, что заимствование — переход элементов одного языка в другой как результат взаимодействия языков или сами элементы, перенесенные из одного языка в другой¹. Некоторые ученые-филологи, в большей степени детализируют лингвистические заимствования, ведут речь о нескольких их разновидностях: иноязычные заимствования, вкрапления и экзотизмы², но детальное их исследование не охватывается рамками данной статьи. Примечательно, что более 20 лет назад уже был опыт анализа и систематизации привлечений из других языков, проведенный Академией наук СССР и был создан словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода, который в последнем действующем варианте существует в 3 томах. В качестве примеров из его содержания можно привести такие слова как *animus rem sibi habendi*³, *ante diem*⁴, *bene placito*⁵, *big strick policy*⁶, *dame du mond*⁷, *in Lapidarschrift*⁸ и другие⁹. Бесспорно, что далеко не все фразы из этого словаря могут быть в будущем востребованы в юридических текстах, следует констатировать, что анализ данного трехтомника высказываний дал основание полагать, что в правовой сфере будут иметь значение только латинские выражения по причине правового содержания, универсальности, лаконичности, традиционности и актуальности возрождения дореволюционного правового опыта.

Вместе с тем, неоднократно в научной и публицистической литературе высказывались мнения о том, что иноязычные заимство-

¹ Большой энциклопедический словарь // <https://gufo.me/dict/bes/> (дата обращения: 25.05.2020).

² Цит по: Проценко Е.А. К проблеме классификации лексики иноязычного происхождения // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 2. С. 94.

³ Намерение владеть вещью самому (лат.).

⁴ До этого дня (лат.).

⁵ По доброй воле (лат.).

⁶ Политика «большой дубинки», то есть политика силы (англ.).

⁷ Светская дама (фр.).

⁸ Лапидарным слогом, то есть коротко и ясно (нем.).

⁹ Бабкин А.М., Шендецов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода. 2-е изд., исправленное. СПб, 1994.

вания не нужны, и даже более того, необходимо вернуться к исконно русским словам, заменив ими заимствованные лексические единицы. Задаваясь вопросом, который ставил еще Л.П. Крысин, готовы ли субъекты общения употреблять вместо «фонтан» — «водомерт», вместо «очки» — «носохват» и т.д., преимущественным видится отрицательный ответ. Кроме того, необходимо акцентировать внимание на том, что заимствование — это естественный и важный процесс языкового развития.

Рассматривая роль иностранных заимствований в российской регулятивной правовой системе, отметим следующее:

Во-первых, необходимо обратить внимание на то, что иноязычные заимствования в ряде случаев позволяют языку закона быть более точным, осуществляя в той или иной степени конкретизацию правовых положений¹. Н.И. Хабибулина справедливо отмечает, что едва ли не главным требованием, предъявляемым к языку законодательного акта является точность². Можно привести пример с пандемией коронавируса, которая имеет место в настоящее время. Использование аббревиатуры COVID-19 также является иностранным заимствованием в русском языке законодательных актов (в широком смысле этого слова). Эта аббревиатура образована от слов corona virus diseases (CoronaVirusDiseases 2019) в связи с определением наименования этой разновидности вируса Всемирной организацией здравоохранения. Данная формулировка получила отражение в действующих российских нормативных правовых актах, например, в Указе Президента Российской Федерации от 11 мая 2020 г. № 316 «Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»³, целью ее является уточнение разновидности возбудителя, который лежит в основе массовой заболеваемости. А.В. Ланских

¹ О терминологической конкретизации в правовых актах подробнее см., например: Залоило М.В. Понятие и формы конкретизации юридических норм. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2011.

² Сальников В.П., Степашин С. В., Хабибулина Н.И. Государственная идеология и язык закона: Монография. СПб, 2001. С. 138.

³ Указ Президента Российской Федерации от 11 мая 2020 г. № 316 «Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // Российская газета. 2020. 13 мая.

отмечает, что любое речевое общение по сути диалогично, а немотивированное употребление слов с неявной семантикой ведет к нарушению этого основополагающего принципа¹. В случае с аббревиатурой (COVID-19) диалогичность речи не нарушается, так как идет активное информирование о коронавирусной инфекции в различных средствах массовой коммуникации.

В ряде случаев полнота и точность содержания законодательного текста не всегда могут быть выражены с помощью языковых средств национальной правовой системы, кроме того, иногда даже невозможно дать точный адекватный перевод правового понятия. Следует также учитывать и тот факт, что русский язык (как, впрочем, и другие языки) всегда стремится к экономии своих языковых средств, обозначая сложное сочетание слов одним термином². Поэтому иногда оптимальным решением может быть оставить заимствованный термин без перевода на языке оригинала. Думается, преимущественно по этой причине в Конституции Республики Гвинея-Бисау, уголовно-процессуальном кодексе Республики Гвинея-Бисау, уголовно-процессуальном кодексе Республики Мозамбик присутствует термин на латинском языке — *habeas corpus*. Он представляет собой ряд установлений, которые являются особыми правами обвиняемого и позволяют реализовывать важное законодательное предписание на рассмотрение его дела скорым судом, без ненужной задержки, с соблюдением его основных прав и свобод, в том числе праве на личную свободу³. Этот правовой институт не так прост в своей интерпретации в отрыве от языка оригинала и во избежание разночтений и искажения правового смысла была избрана латинская формулировка, которая обозначает в качестве определенного символа целую юридическую конструкцию. На иностранных заимствованиях, которые используются без перевода в тексте правовых актов хотелось бы сделать небольшой акцент. В последнее время активно осуществляются процессы возрождения и использования правового опыта латинской правовой терминологии и фразеологии в условиях глобализации, гармо-

¹ Ланских А.В. Заимствования как фактор нарушения ясности речи // http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/35821/1/kd_2015_09.pdf (дата обращения: 25.05.2020).

² Ващенко Ю.С. Иноязычная юридическая лексика в законодательных текстах: история появления, современные тенденции и пути развития // Государство и право. 2018, № 1. С. 53.

³ Волосова Н.Ю. Habeas corpus особые права обвиняемого. История вопроса и современные правовые традиции борьбы со лжесвидетельством // Пробелы в российском законодательстве. 2009. №1. С. 299.

низации и унификации правовых систем. В этом случае лексика на латинском языке могла бы служить неким связующим звеном так как в связи с взаимодействием и диффузией правовых систем придется столкнуться с проблемой поиска интернациональных терминологических соответствий. Иноязычную лексику в этом случае необходимо использовать для того, чтобы не искажались правовые явления, закрепленные в текстах правовых актов. Бесспорно, что это предложение по развитию права в очень и очень отдаленной перспективе. Но чем активнее идут процессы межгосударственного взаимодействия и чем более быстрыми становятся каналы передачи информации, тем ближе данное предложение от достаточно абстрактной концепции будет переходить к правовой реальности.

Во-вторых, следует отметить, что иноязычные заимствования позволяют праву быть современным, обогащаться новыми дефинициями. В этом плане примечателен пример профессора В.М. Баранова, выступившего с инициативным предложением, которое он предоставил на рассмотрение научной общественности. Суть его заключается в том, что правотворчеством должны заниматься профессионалы, которых необходимо специально готовить в юридических вузах, их ученый предлагает называть «норморайтеры», используя русифицированную форму английского наименования этой специальности *legal rules writer*. Как отмечает исследователь, существует старинное русское понятие «речеписец», но его вряд ли можно реанимировать в настоящее время¹. Было активное обсуждение ученых и практиков, итогом которого стало несколько публикаций. Таким образом, если данная идея получит практическое воплощение и в сфере юридического образования будет внедрено данное направление подготовки, то это иноязычное заимствование войдет в тексты нормативных правовых актов. Особых препятствий для этого нет, так как исследования специалистов Санкт-Петербургского государственного университета подтверждают, что в обществе известно лишь одно из требований, предъявляемых к русскому языку при использовании его в качестве государственного: запрет употребления лишь тех иностранных слов, которые имеют аналоги в современном русском языке. Именно оно закреплено в Федеральном законе о государственном языке и именно оно наиболее часто подвергается критике за то, что якобы препятствует языковому развитию, которое всегда происходит в том числе за счет

¹ Баранов В.М. Норморайтер как профессия // Норморайтер как профессия: материалы дискуссии. М. 2019. С. 9.

освоения иностранных заимствований¹. Аналогов данному термину в русском языке нет.

Таким образом, иностранные заимствования в современном российском праве являются объективным явлением, важно уделять внимание его анализу и исследовать его потенциал. Наличие иноязычных лингвистических образований может быть также полезно при осуществлении правосистематизирующей деятельности, они в силу своей специфики могут рассматриваться как достаточно стабильные языковые конструкции, которые при переработке нормативного материала останутся в неизменном виде как определенные структурно-смысловые модели.

Уместно и эффективно используемые иноязычные заимствования являются факторами развития права, способствуя повышению уровня точности и речевой экономии правовых предписаний, обогащению его новыми элементами, что в конечном итоге повысит качественный уровень нормативных установлений. Определить разумность и эффективность использования иноязычных терминов и явлений можно в процессе доктринального анализа, в ряде случаев достаточным будет наличие экспертного заключения. Учитывая все более возрастающую их роль, необходимо выработать правила и критерии использования иностранных заимствований в праве, алгоритм взаимодействия специалистов по определению конструктивности включения в текст нормативных юридических документов иноязычных терминов, эти направления, бесспорно, еще ждут своего исследователя.

Литература

1. Бабкин А.М., Шендецов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода. 2-е изд., исправленное. СПб, 1994.
2. Баранов В.М. Норморайтер как профессия // Норморайтер как профессия: материалы дискуссии. М., 2019.
3. Баранова М.В. Норморайтер — новая компетентностная модель специалиста в поле правовой культуры // Норморайтер как профессия: материалы дискуссии. М., 2019.
4. Ващенко Ю.С. Иноязычная юридическая лексика в законодательных текстах: история появления, современные тенденции и пути развития // Государство и право. 2018. № 1.

---

¹ Государственный язык России. Нормы права и нормы языка / Коллектив авторов. Санкт-Петербургский государственный университет, СПб, 2018. С. 24.

5. Волосова Н.Ю. Habeas corpus особые права обвиняемого. История вопроса и современные правовые традиции борьбы со лжесвидетельством // Пробелы в российском законодательстве. 2009. №1.
6. Государственный язык России. Нормы права и нормы языка / Коллектив авторов. Санкт-Петербургский государственный университет, СПб, 2018.
7. Залоило М.В. Понятие и формы конкретизации юридических норм. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2011.
8. Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М., 2019.
9. Маланина Н.В. Тексты нормативно-правовых документов в аспекте языковой личности законодателя (на материале нормативно-правовых актов Алтайского края): Автореф. дис.... канд филол. наук, Барнаул, 2006.
10. Марусенко М.А. Эволюция мировой системы языков в эпоху пост-модерна: языковые последствия глобализации / М.А. Марусенко. М. 2015.
11. Проценко Е.А. К проблеме классификации лексики иноязычного происхождения // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 2.
12. Сальников В.П., Степашин С. В., Хабибулина Н.И. Государственная идеология и язык закона: Монография. СПб, 2001.
13. Темнов Е.И. Jurisprudentia eloquenta – Звучащая юриспруденция. М. 2015.
14. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, О.А. Иванюк, А.А. Головина; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. М. 2019.

ПРЕДПОСЫЛКИ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Важным условием развития законодательства и его успешного использования для целей правоприменения является систематизация. В современных условиях проведение систематизации законодательства имеет свои особенности, которые связаны с активным и все возрастающим использованием цифровых технологий¹. В то же время, для понимания общих принципов систематизации и ее национальных особенностей представляется важным изучение соответствующего историко-правового опыта, в том числе, относящегося к периоду Российской империи.

В первой половине XIX в. в Российской империи была проведена масштабная, небывалая для истории отечественного права систематизация законодательства, которая неразрывно связана с именем выдающегося правоведа и государственного деятеля Михаила Михайловича Сперанского.

Работы по систематизации осуществлял специально созданный для этой цели государственный орган — II отделение Собственной Его императорского величества канцелярии. Возглавлял II отделение М.А. Балугьянский, который относился к числу наиболее образованных юристов и государственных деятелей своего времени, совмещал практическую деятельность и преподавание. Но, как отмечают ученые, основную работу по систематизации действовавшего законодательства Российской империи проводил М.М. Сперанский².

В результате огромной работы в 1830–1832 гг. было издано первое Полное собрание законов Российской империи. Это издание поражает своим масштабом — в его состав входило 40 томов, объединявших более 30 тысяч различных законодательных актов, а также 6 томов приложений. Указанные законодательные акты были расположены в Полном собрании по хронологическому принципу, первый том открывался текстом Соборного Уложения 1649 г.

Вслед за первым собранием стало издаваться Второе Полное собрание законов, его тома печатались ежегодно. Оно включало

¹ См.: Цифровизация правотворчества: поиск новых решений / под ред. Д.А. Пашенцева. М., 2019.

² Развитие русского права в первой половине XIX века. М., 1994. С. 27.

акты правления Николая I (с 1825 г.), а затем и Александра II, всего было издано 55 объемных томов. С 1881 г. был начат выпуск третьего Полного собрания законов, издание которого продолжалось вплоть до 1917 г.

На втором этапе систематизации был подготовлен и в 1832 г. опубликован Свод законов Российской империи, вступивший в силу в качестве действовавшего законодательства с 1 января 1835 г. Это издание включало 15 томов — только действовавшее на тот момент законодательство. В отличие от Полного собрания, при составлении Свода законов был использован предметно-тематический принцип расположения правового материала.

Систематизация законодательства имела важнейшее значение для развития правовой системы Российской империи и правоприменительной практики. Впервые все действующие законы были упорядочены и помещены в одно издание, что делало их известными и доступными, облегчало изучение и применение. Были устранены некоторые пробелы и противоречия, что также имело важное значение.

Масштабные работы по систематизации законодательства, проведенные в первой половине XIX в., стали возможны и востребованы благодаря наличию определенных предпосылок. Среди них представляется целесообразным выделить несколько основных.

1) В России к началу девятнадцатого столетия уже был накоплен определенный опыт проведения работ по подготовке систематизации законодательства, что проявилось в деятельности тех уложенных комиссий, которые несколько раз собирались в предшествующем, XVIII в. Несмотря на то, что работа уложенных комиссий, в том числе, самой масштабной из них, собиравшейся Екатериной II, завершилась безрезультатно, и планировавшееся новое Уложение так и не было разработано и принято, сам опыт формирования комиссий и организации их работы можно рассматривать как важную предпосылку систематизации М.М. Сперанского. Например, крайне важным представляется факт наказов, которые население страны присылало депутатам уложенной комиссии.

2) В качестве еще одной предпосылки можно рассматривать развитие юриспруденции и юридического образования в Российской империи в начале XIX в. Расширилась сеть университетов, в которых велось преподавание юриспруденции, была создана нормативная база их функционирования в виде университетских уставов. 12 декабря 1802 г. был утвержден устав Дерптского университета, 18 мая 1803 г. — устав Виленского университета и училищ его округа, 5 ноября 1804 г. — уставы университетов

Московского, Харьковского и Казанского. Юридическое образование на этом этапе развивалось не только в университетах. Так, в 1803 г. было создано Ярославское Демидовское училище высших наук, в котором велась подготовка юристов, преподавалось «право естественное и народное».

В 1810 году был основан Царскосельский лицей, программа которого была ориентирована на подготовку чиновников высшего ранга и, соответственно, включала изучение правоведения. После открытия в 1834 г. Университета Святого Владимира в Киеве в Российской империи стало шесть университетов: Московский, Петербургский, Казанский, Харьковский, Киевский, Дерптский. Все они включали в свой состав юридические факультеты.

3) Еще одна предпосылка состояла в развитии и совершенствовании государственного аппарата, в том числе, в создании в 1802 г. министерств. Это отвечало вызванному потребностями времени усложнению организационных аспектов управленческой деятельности государства.

В 1802 году была проведена назревшая реформа центральных органов власти, состоявшая в установлении министерского административного управления. В стране было создано 8 министерств: военное, морское, иностранных дел, внутренних дел, финансов, народного просвещения, юстиции и коммерции. Министерства как органы государственного управления были основаны на принципе единоначалия. Министр осуществлял властные полномочия через свою канцелярию и подчинялся непосредственно императору. Министерства были организованы по ведомственному принципу, то есть их полномочия в той или иной сфере, закрепленной за ними, распространялись на всю территорию страны. В отличие от существовавших до этого коллегий, министерства не получили судебных функций и являлись исключительно управленческими органами. Высшим административным органом стал Комитет министров. В 1811 году министерская реформа была продолжена. Особым указом было создано дополнительно три министерства: полиции, путей сообщения, государственного контроля. Одновременно указ более четко разграничил функции министерств и установил порядок министерского делопроизводства¹. Таким образом, была создана новая система органов центрального государственного управления, что отвечало потребностям времени, способствовало повышению эффективности управленческой деятельности и тем

¹ Пашенцев Д.А. Теоретические и исторические вопросы государственного управления. М., 2011. С. 49.

самым косвенно способствовало успешной систематизации законодательства.

4) В начале XIX в. остро проявилась существовавшая и ранее потребность в упорядочении системы правовых актов, которые находились в неупорядоченном состоянии и не имели четко определенных форм. «В начале XIX в. в России продолжало действовать Соборное Уложение 1649 г., законодательство Петра I, его преемников, законодательство Екатерины II, Павла I»¹. Новые акты принимались в различных формах: указы, манифесты, положения, уложения и т.д. Такая ситуация сдерживала развитие страны и определяла острую необходимость систематизации законодательства.

5) Еще одной предпосылкой можно считать отечественную законотворческую традицию. Как отмечает Д.А. Пашенцев, «законотворчество в России всегда тяготело к систематизации и кодификации. Если мы посмотрим на законодательство периода Московской Руси, то увидим существование одного центрального, главного законодательного акта, который старался охватить максимально широкий круг вопросов»².

Помимо названных предпосылок, которые можно отнести к объективным, имелся и фактор субъективного характера. Нашелся такой энергичный, деятельный, знающий человек, без которого масштабная работа по систематизации законодательства едва ли могла быть проведена. М.М. Сперанский отличался умом, образованностью, широтой кругозора и колоссальной работоспособностью. И.Д. Осипов отмечает, что Сперанский имел прямое отношение к нескольким важнейшим изменениям в государственно-правовой сфере, имевшим большое значение для ее развития в то время. К ним относились такие назревшие мероприятия, как разработка и принятие знаменитого указа о вольных хлебопашцах, отмена пыток, ликвидация Тайной экспедиции, запрет применять телесные наказания в отношении священнослужителей, разрешение ввозить книги из-за рубежа, дозволение открывать частные типографии и т.д.³. Во многом именно благодаря Сперанскому удалось успешно провести масштабную кодификацию российского законодательства, что стало важным шагом на пути развития отечественной правовой системы и всей национальной юриспруденции.

¹ Развитие русского права в первой половине XIX века. М., 1994. С. 25.

² Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 12.

³ Осипов И.Д. Истинная монархия графа М.М. Сперанского // Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 6–7.

Литература

1. Осипов И.Д. Истинная монархия графа М.М. Сперанского // Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002.
2. Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса // Журнал российского права. 2018. № 8.
3. Пашенцев Д.А. Теоретические и исторические вопросы государственного управления. М., 2011.
4. Развитие русского права в первой половине XIX века. М., 1994.
5. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений / под ред. Д.А. Пашенцева. М., 2019.

**СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ФИНАНСОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX ВЕКЕ**

Систематизация представляет собой способ упорядочения законодательства, который ориентирован, в первую очередь, на потребности применения законодательных норм на практике. Отраслевая систематизация законодательства имеет в нашей стране определенную историю, и соответствующий опыт в современных условиях нуждается в научном осмыслении. В значительной мере это относится к финансовому законодательству, которое объединяет большой массив правовых норм различной целевой направленности и в силу этого сложнее поддается систематизации по сравнению с «простыми» отраслями.

Законодательство Российской империи всегда в той или иной мере тяготело к систематизации, что можно рассматривать как важный элемент отечественной правовой традиции¹. Наиболее крупным проявлением такой систематизации стала подготовка и публикация в 1830–1833 гг. Свода законов и Полного собрания законов Российской империи. При этом проявилась такая черта, как сочетание общей и отраслевой систематизации. О полноценной кодификации как высшей форме систематизации в этот период речь еще не шла, такая кодификация началась только с 1918 г.

Финансовое законодательство Российской империи в XIX в. развивалось очень активно, принимались многочисленные нормативные правовые акты, регулировавшие все новые группы отношений в финансовой сфере. Развитие законодательства было неразрывно связано с общей динамикой экономической сферы общества, с развитием денежной, бюджетной и кредитной систем, с совершенствованием финансового управления. Правительство преследовало не только фискальные, но и социальные цели, о чем наглядно свидетельствует, например, социальный уклон в развитии системы кредитных учреждений². В рассматриваемый период появились и теоретические основы для систематизации финансового законодательства, и выраженная практическая потребность, опре-

¹ Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 7–8.

² Пашенцев Д.А. Социальное значение банковского законодательства Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2016. № 1. С. 46.

делявшаяся задачей повышения эффективности правоприменительной деятельности органов государственной власти.

Систематизация финансового законодательства в Российской империи осложнялась рядом факторов, среди которых выделим следующие:

- финансовое законодательство было представлено большим количеством различных по названию и статусу нормативных правовых актов, между которыми отсутствовала четкая иерархия;
- несмотря на наличие обширного финансового законодательства, финансовое право как самостоятельная отрасль права к тому моменту еще не сложилось;
- юридическая техника на тот момент не обладала уровнем развития, достаточным для эффективной систематизации законодательства.

Для проведения полномасштабной систематизации финансового законодательства требовалось систематизировать акты и нормы, которые регулировали отношения в самых различных областях финансовой жизни: бюджет, денежное обращение, финансовый контроль, государственные доходы и расходы, кредит и банки, налоги и т.д.

Первой крупной попыткой систематизации финансового законодательства стало включение в Свод законов Российской империи нескольких уставов: Монетного устава, Устава кредитного, Устава о податях, пошлинах и акцизах. В состав этих уставов вошло значительное количество норм, направленных на регулирование финансовых отношений.

Необходимо отметить, что нормы финансового законодательства содержались не только в названных уставах, но и в некоторых иных разделах Свода законов Российской империи. В частности, том 4 содержал Уставы о повинностях земских и воинской, в которые входили нормы о налогообложении. В томе 6 были помещены Уставы таможенные, регулировавшие взимание таможенных пошлин. Том 7 включал в себя Уставы горный и соли, то есть нормы о некоторых государственных доходах. В других томах Свода законов также встречаются противоположения, связанные с финансовыми отношениями¹.

В качестве примера систематизации части финансового законодательства рассмотрим структуру и содержание Устава кредитного,

¹ Долакова М.И. Законодательство как источник изучения финансовой политики Российской империи // Евразийский юридический журнал. 2013. № 8. С. 102.

в котором были объединены нормы, посвященные регулированию деятельности кредитно-банковских учреждений.

Устав кредитный составлял 2 часть XI тома Свода законов Российской империи и систематизировал те нормы, которые регулировали процесс создания и деятельности государственных кредитно-банковских учреждений разных видов. Его полное и точное название — Свод учреждений и уставов государственных кредитных установлений.

Этот Устав кредитный не регулировал деятельность частных и общественных кредитных учреждений, которых в Российской империи рассматриваемого периода было немало. Он состоял из двух книг, поделенных в свою очередь на разделы.

Первая книга содержала систематизированный свод учреждений и уставов государственных кредитных установлений, которые состояли в ведении Министерства финансов. К их числу относились: Совет государственных кредитных установлений, Государственная комиссия погашения долгов, Государственный заемный банк, Государственный коммерческий банк, Экспедиция государственных кредитных билетов, Экспедиция заготовления государственных бумаг.

Вторая книга объединила уставы государственных кредитных установлений, состоящих в ведомстве опекунских советов Императорского воспитательного дома: Сохранной казны, а также вдовьей, ссудной и сберегательной касс Императорского воспитательного дома.

В приложении к Уставу кредитному содержались банковские формы и образцы документов.

Таким образом, с одной стороны, создание данного Устава стало актом систематизации норм, относившихся к кредитно-банковскому законодательству как части финансового законодательства. С другой стороны, эта систематизация с самого начала была достаточно ограниченной, партикулярной. Законодатель в силу сложности и разрозненного характера имевшегося на тот момент законодательства о кредитных учреждениях избрал именно такой подход.

Таким образом, в силу ряда причин объективного характера при создании Свода законов не удалось провести полную систематизацию финансового законодательства Российской империи. В то же время, систематизация разрозненных норм в несколько уставов уже может рассматриваться как важное достижение, так как и в настоящее время отсутствует единый акт систематизации финансового законодательства, хотя в этой сфере приняты Бюджетный ко-

декс и Налоговый кодекс. Очевидно, в силу своего комплексного характера финансовое право не поддается полной систематизации.

Литература

1. Долакова М.И. Законодательство как источник изучения финансовой политики Российской империи // Евразийский юридический журнал. 2013. № 8.
2. Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса // Журнал российского права. 2018. № 8.
3. Пашенцев Д.А. Социальное значение банковского законодательства Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2016. № 1.

**СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ГОРОДСКОМ
САМОУПРАВЛЕНИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Термин «систематизация законодательства» сформировался достаточно давно, и в процессе развития форм права в настоящее время включает в себя уже обработку не только норм законов, но и подзаконных актов¹. Исходя из этого, систематизация законодательства в ее современном общем теоретико-правовом понимании представляет собой деятельность по упорядочению массива всех действующих нормативных правовых актов, приведению юридических норм в единую согласованную систему².

Исторический опыт России, связанный с осуществлением данной деятельности на государственном уровне, свидетельствует о том, что значительный вклад в развитие правосистематизирующей практики в нашей стране был сделан в период с 30-х гг. XIX до начала XX вв.

Начало этого этапа связано с масштабными кодификационными работами, когда II Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии при непосредственном участии выдающегося правоведа и государственного деятеля М.М. Сперанского составило и опубликовало первое Полное собрание законов Российской империи, а также Свод законов Российской империи, который объединил все действовавшее законодательство и вступил в силу 1 января 1835 г. К главным достижениям данного периода относится появление возможности четкого разграничения законов и подзаконных актов (критерием при этом мог выступать факт утверждения акта императором с последующим его помещением в текст Свода законов), а также создание базы для выделения отраслей законодательства и формирования его системы на основе структуры Свода законов³.

Вместе с тем, вторая половина XIX столетия, которая охватывается указанным историческим периодом, ознаменовалась проведением ряда государственных и правовых реформ, давших импульс интенсивному развитию российского законодательства

¹ Голубева Л.А. Эссенция систематизации законодательства. // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1–8. С. 18.

² Гетьман-Павлова И.В., Ерпылева Н.Ю., Сальгин Е.Н. и др. Систематизация законодательства как способ его развития. М., 2010. С. 11.

³ Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса. // Журнал российского права. 2018. № 8 (260). С. 9–10.

в различных сферах общественных отношений, вследствие чего, необходимость систематизации нормативного материала приобретала еще большую актуальность.

В системе данных реформ выделяются многочисленные преобразования в области общественного управления городов (городского самоуправления). Указанные преобразования отличались друг от друга по следующим критериям: 1) по характеру политики государства в сфере муниципального управления городов (либеральная городская реформа 1870 г. и городская контрреформа 1892 г.)¹; 2) по территориальному принципу: общероссийские (например, городская реформа 1870 г.) и регионально ориентированные (например, преобразование городского самоуправления Санкт-Петербурга в 1903 г.).

Реформы городского самоуправления способствовали созданию достаточно крупного массива соответствующих законодательных актов, который было необходимо привести в единую внутренне согласованную систему.

Несомненно, основу систематизации законодательства о городском самоуправлении составляли Полное собрание законов Российской империи, а также Свод законов Российской империи. Так, в Полное собрание законов Российской империи были включены не только такие базовые законодательные акты в сфере общественного управления городов, как, например, Именной указ 1846 г. «О новом положении о общественном управлении С. -Петербурга» или Городовое положение 1892 г.², но и акты, касавшиеся отдельных, более узких вопросов управления городским хозяйством (общественное питание, пожарная безопасность, благоустройство городской территории³ и др.).

Акты по городскому общественному управлению, вошедшие в состав Полного собрания, распределялись по таким тематиче-

¹ См., напр.: Большакова О.В. Реформы и контрреформы 1860–1890-х годов в исторической науке XX в. (Обзор) // В сборнике: Россия XX столетия в исторической науке: взгляды, концепции, ценностные подходы. М., 2000. С. 58–88.

² Именной указ от 13 февраля 1846 г. «О новом положении о общественном управлении С. -Петербурга» // ПСЗРИ. Собр. II. Т. XXI. Ч. 1. № 19721; Городовое положение от 11 июня 1892 г. // ПСЗРИ. Собр. III. Т. XII. № 8708.

³ См. например: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, от 16 мая 1860 г. «О порядке разрешения открывать в городах кофе-ресторанты». // ПСЗРИ. Собр. II. Т. XXXV. Ч. 1. № 35798; Сенатский указ, от 23 ноября 1860 г. «О порядке заготовления и свидетельствования принадлежностей пожарного обоза в городах» // ПСЗРИ. Собр. II. Т. XXXV. Ч. 2. № 36341.

ским рубрикам алфавитного реестра, как: «города вообще», «города в особенности», «городские доходы, расходы и повинности», «городские головы», «городские управы», «городское общественное управление», «общества городские и сельские», «выборы и служба по оным» и др.

Следует отметить, что перечень предметных разделов, затрагивающих городское самоуправление, был достаточно обширным. Поиск необходимой информации нормативного характера о городском самоуправлении обеспечивался за счет установления в алфавитном реестре двух критериев:

- 1) географический (акты, касавшиеся конкретных городских поселений, были помещены в разделе «города в особенности»¹);
- 2) институциональный (к примеру, институту городских выборов соответствовал раздел «выборы и служба по оным»; нормативные акты о городских бюджетах находились в рубрике «городские доходы, расходы и повинности»).

Наряду с группировкой актов в составе Полного собрания, в качестве особой самодостаточной меры по систематизации законодательства о городском самоуправлении России на данном историческом этапе следует рассматривать принятие отдельных базовых актов, закреплявших фундаментальные основы правовой регламентации соответствующей сферы общественных отношений.

Такие акты заменяли собой многочисленные разрозненные, а в отдельных случаях — чрезмерно устаревшие нормативные документы, не отвечавшие менявшимся реалиям городской жизни, а также новым социально-экономическим условиям в целом.

Так, накануне принятия Городового положения 1870 г.² на территории большинства городских поселений формально сохраняла юридическую силу Жалованная грамота городам Российской империи 1785 г.³ (на практике полноценного применения на тот момент уже не имела). В свою очередь, в некоторых крупнейших городах

¹ См. например: «Введение в городе Кизляре, Терской области, городского положения» (№ 54480, 1875 г.) // Собрание (1825–1881) : Общий алфавитный указатель ко второму полному собранию законов: Том 1: Указатель (А–Ж). С. 444.

² Городовое положение от 16 июня 1870 г. // ПСЗРИ. Собр. II. Т. XL. Отд. 1. № 48498.

³ Грамота на права и выгоды городам Российской империи от 21 апреля 1785 г. // ПСЗРИ. Собр. I. Т. XXII. № 16188.

России действовали положения о всесословном самоуправлении,¹ каждое из которых имело свою специфику и, в определенной мере, обеспечило в этих городах более плавный переход к бессословному самоуправлению по Городовому положению 1870 г.

Кроме того, как отмечалось выше, на общегосударственном уровне принимались акты по отдельным, более узким вопросам управления городским хозяйством (торговля, бытовое обслуживание населения, пожарная безопасность и др.).

В результате принятия единого общероссийского законодательного акта о городском самоуправлении в виде Положения 1870 г. была обеспечена стабилизация нормативных основ соответствующего института. Вводилась обновленная система бессословных органов общественного управления городов, представленная городской думой и управой. При этом изменение отдельных положений указанного акта по отношению к некоторым городским поселениям имело место в рамках документов, принимавшихся в дополнение к Закону 1870 г.²

Таким образом, Городовое положение 1870 г. обладало свойствами законодательного акта, выступающего в качестве результата кодификации — особой разновидности систематизации законодательства, позволяющей разгрузить действующее законодательство, избавив его от массива разрозненных нормативных правовых актов путем объединения их смысла в едином комплексном законодательном акте. Такой документ выступает как системообразующая основа для структуризации соответствующей отрасли или института права и отличается качественной новизной норм. При этом, наряду с кодексами, результатом кодификации могут выступать и иные нормативные правовые акты: уставы, положения, основы законодательства³.

¹ Именной указ от 13 февраля 1846 г. «О новом положении о общественном управлении С. -Петербурга» // ПСЗРИ. Собр. II. Т. XXI. Ч. 1. № 19721; Положение об общественном управлении г. Москвы от 20 марта 1862 г. // ПСЗРИ. Собр. II. Т. XXXVII. Отд. 1. № 38078; Положение об общественном управлении г. Одессы от 30 апреля 1863 г. // ПСЗРИ. Собр. II. Т. XXXVIII. Ч. 1. № 39565; Положение об общественном управлении г. Тифлиса от 11 августа 1866 г. // ПСЗРИ. Собр. II. Т. XLI. Ч. 1. № 43550.

² См. например: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, от 29 апреля 1875 г. «О применении Городового Положения 16 июня 1870 года к городам Западных губерний». // ПСЗРИ. Собр. II. Т. L. Ч. 1. № 54640.

³ См.: Бошно С. В. Кодификационные акты и другие источники права: проблемы приоритета. В сборнике: Кодификация законодательства: теория, практика, техника: Материалы Международной научно-практической ➔

Аналогичный статус был характерен и для Городового положения 1892 г., принятого уже в рамках принципиально иного государственного курса — реакционной политики конца XIX в.

Помимо актов, принимавшихся на общегосударственном уровне, достаточно крупный блок нормативных документов о городском самоуправлении составляли акты по различным вопросам местного значения, исходившие от должностных лиц административно-полицейского управления, а также непосредственно от органов общественного управления городов.

Значительную часть этих актов образовывали постановления по конкретным вопросам городского хозяйства: транспорт, торговля, бытовое обслуживание, благоустройство и поддержание в городе чистоты, строительство, общественная безопасность и др. Систематизация указанных постановлений осуществлялась в виде издания инкорпорированных сборников, нередко объединявших акты генерал-губернаторов (градоначальников), обер-полицейских и городских дум¹. Также издавались сборники, объединявшие исключительно постановления городских дум².

В данные сборники включались постановления по самому широкому кругу вопросов местного значения. При их создании использовались, в основном, такие критерии, как хронология принятия нормативных документов и уровень юридической силы: в отношении сборников, объединявших акты административно-полицейских структур и городских дум (вначале приводились постановления генерал-губернаторов (градоначальников), обер-полицейских, затем — думские акты.

В некоторых сборниках, изданных на уровне городского самоуправления, также публиковались отдельные общегосударственные акты.

➤ конференции (Нижний Новгород, 25–26 сентября 2008 г.) / Под ред. В.М. Баранова, Д.Г. Краснова. Н. Новгород, 2009. С. 125–133; Вергелес Д.Е. Основы кодификации законодательства. // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2013. № 3 (31). С. 137.

¹ См. например: Сборник обязательных постановлений, изд. С. -Петербургским Обер-Полицеймейстером и С. -Петербургскою Городскою Думою на основании 103 и последующих статей Городового Положения. Типогр. С. -Петербургского Обер-Полицеймейстера. СПб., 1882. 169 с.

² См. например: Сборник обязательных для жителей города Москвы постановлений Московской Городской Думы. 2-е изд. Товарищество Скоропечатни А.А. Левенсон. М., 1896. IV, 184 с.

Кроме того, следует отметить, что предметный критерий инкорпорации в городских изданиях широкой практики применения не получил.

В качестве примера сборника, составленного с учетом такого критерия, можно привести изданный в 1879 г. «Сборник обязательных для жителей г. Москвы и частью для других городов постановлений по охранению общественного порядка», посвященный, преимущественно, сфере общественной безопасности. В данном издании содержались «Высочайшие повеления» по вопросам прописки в ряде крупнейших городов России; обязательные постановления Московского генерал-губернатора об уличном дежурстве дворников и ночных сторожей, обороте оружия, обязательных караулах в селениях Московского уезда и по некоторым иным вопросам общественной безопасности. В свою очередь, постановления Московской городской думы были распределены по следующим тематическим разделам:

- «О мерах безопасности и порядке при движении по улицам»;
- «Об устройстве постоянных и извозничьих дворов в Москве»;
- «О порядке содержания постоянных и извозничьих дворов в Москве»¹.

Среди иных тематических блоков, применявшихся в качестве предметного критерия инкорпорации соответствующих документов можно выделить такие направления, как санитарно-эпидемиологическое благополучие, устройство и содержание городских скотобоен, строительство и архитектура, торговля².

Применение хронологического критерия предполагало объединение актов, изданных в течение определенного периода, например,

¹ Лучинский М.А. Сборник обязательных для жителей г. Москвы и частью для других городов постановлений по охранению общественного порядка, спокойствия и безопасности, а также по части: строительной, пожарной, народного продовольствия, врачебной, торговой и по прочим предметам городского благоустройства, с указанием на статьи закона, по которым подлежат взысканию за нарушение означенных постановлений. М., 1879. С. I-V.

² См. например: Сборник обязательных постановлений Иркутской городской Думы по санитарной части. Паровая тип. И.П. Казанцева. Иркутск, 1915. 41 с.; Николаев И.В. Сборник строительных постановлений для города Киева на основании Строительного устава, обязательных постановлений Городской думы, циркуляров и решений Правительствующего сената. Киев, 1913. X, 81 с.

за десятилетие¹, а также расположение документов в хронологической последовательности.

Наряду с объединением актов в инкорпорированных сборниках, на уровне городского самоуправления создавались акты, обладавшие чертами кодифицированных документов. Традиционно среди форм таких документов, помимо кодексов и основ законодательства, имеющих наибольшую социально-регулятивную роль, выделяются уставы, положения, правила, инструкции. При этом кодификация как правосистематизационная деятельность может осуществляться не только на государственном уровне, но и в значительно меньших масштабах, включая локальный уровень конкретного хозяйствующего субъекта, организации, учреждения².

С этой точки зрения, в качестве кодификационных муниципальных правовых актов структур городского самоуправления дореволюционной России могут рассматриваться различные инструкции и правила, принимавшиеся в целях закрепления организационно-правовых основ деятельности городских дум и управ, а также установления порядка осуществления конкретной деятельности в сфере общественного управления городов (организация и проведение городских выборов, оценка городского недвижимого имущества и др.)³.

По результатам исследования ключевых историко-правовых аспектов систематизации законодательства о городском самоуправлении в Российской империи можно сделать следующие основные выводы.

Период с 30-х гг. XIX до начала XX вв. ознаменовался структуризацией института городского самоуправления в России в условиях интенсивного увеличения массива соответствующих нормативных правовых актов и осуществления комплекса мер по их систематизации.

Анализ практической реализации данных мер позволяет выделить несколько направлений систематизации законодательства о городском самоуправлении в Российской империи:

¹ См. например: Сборник постановлений Новгородской городской думы с 1870 по 1880 гг. / Сост. бывшим членом Новгородск. гор. управы Н.А. Бабицыным. Б. и. Новгород, 1902. 610, VI с.

² Числов А.И., Карнаухова Е.В. К вопросу о кодификации локальных нормативных правовых актов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. № 2 (12). С. 14–15.

³ См. например: Инструкция о порядке ведения дел в заседаниях Городской Думы от 3 марта 1876 г. Казань, 1876. 8 с.; Инструкция для оценки недвижимых имуществ в Москве. Городская Типография. М., 1889. 32 с.

1) группировка актов в составе Полного собрания законов Российской империи, а также Свода законов Российской империи — в отношении нормативного материала, формировавшегося на общегосударственном уровне;

2) кодификация законодательства о городском самоуправлении путем принятия новых базовых общегосударственных актов комплексного характера, заменявших устаревшие и разрозненные нормативные документы;

3) создание инкорпорированных сборников постановлений должностных лиц административно-полицейской власти и городских дум по конкретным вопросам местного значения;

4) принятие кодифицированных нормативных правовых актов на уровне городского самоуправления в целях установления общего порядка работы городских дум и управ, а также осуществления конкретной деятельности в сфере общественного управления городов.

Литература

1. Большакова О.В. Реформы и контрреформы 1860–1890-х годов в исторической науке XX в. (Обзор) // Россия XX столетия в исторической науке: взгляды, концепции, ценностные подходы. Издательство: Институт научной информации по общественным наукам РАН. М., 2000.
2. Бошно С. В. Кодификационные акты и другие источники права: проблемы приоритета // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: Материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25–26 сентября 2008 года) / Под ред. В.М. Баранова, Д.Г. Краснова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, Торгово-промышленная палата Нижегородской области, 2009.
3. Вергелес Д.Е. Основы кодификации законодательства // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2013. № 3 (31).
4. Гетьман-Павлова И.В., Ерпылева Н.Ю., Салыгин Е.Н. и др. Систематизация законодательства как способ его развития. М., 2010.
5. Голубева Л.А. Эссенция систематизации законодательства. // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1–8.
6. Лучинский М.А. Сборник обязательных для жителей г. Москвы и частью для других городов постановлений по охранению общественного порядка, спокойствия и безопасности, а также по части: строительной, пожарной, народного продовольствия, врачебной, торговой и по прочим предметам городского благоустройства, с указанием на статьи закона, по которым подлежат взысканию за нарушение означенных постановлений. Печатня С. П. Яковлева. М., 1879. V.
7. Николаев И.В. Сборник строительных постановлений для города Киева на основании Строительного устава, обязательных постано-

влений Городской думы, циркуляров и решений Правительствующего сената. Тип. А.И. Гросман. Киев, 1913. X.

8. Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса // Журнал российского права. 2018. № 8 (260).
9. Числов А.И., Карнаухова Е.В. К вопросу о кодификации локальных нормативных правовых актов. // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. № 2 (12).

**СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СУДОУСТРОЙСТВЕ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА:
УЧРЕЖДЕНИЕ СУДЕБНЫХ УСТАНОВЛЕНИЙ**

Исследование историко-правовых вопросов систематизации законодательства о судоустройстве в настоящее время приобретает особое значение. Ведутся активные дискуссии о возможности введения в судебную систему нового элемента — института следственных судей. Авторы идеи — члены Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ — ссылаются в своих концепциях на тот факт, что ранее в дореволюционной России данный институт существовал и был достаточно эффективен¹. Обсуждаются идеи унификации процессуального законодательства², систематизации норм судоустройственного и судопроизводственного законодательства в единую систему судебного права³. В этой связи представляется актуальным изучение опыта систематизации законодательства о судоустройстве на примере Учреждения судебных установлений 1864 г.

Вопросам систематизации законодательства о судоустройстве и судопроизводстве уделяли внимание российские правоведы Н.Н. Полянский, И.Я. Фойницкий, М.С. Строгович, П.И. Стучка, В.П. Кашепов, В.С. Нерсисянц, М.Н. Марченко и др. Историко-правовым исследованиям России посвящены труды О.И. Чистякова, В.А. Томсинова, А.М. Четверткова, О.Э. Лейста и др. Исследования систематизации законодательства тесно связаны с вопросами юридической техники и технологии, изучаемыми учеными Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Историко-правовой документ Учреждение судебных установлений 1864 г. рассмотрим в фокусе систематизации судоустройст-

¹ См.: Смирнов А.В. Концепция «Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе» // Прецеденты и позиции. Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. 2015. Выпуск № 4. С. 79–83.

² Проблемам унификации законодательства посвящено недавнее исследование Жуйкова В.М., Доловой М.О. (Жуйков В.М., Долова М.О. Актуальные проблемы унификации процессуального законодательства // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 121–135).

³ См., например: Конституционные принципы судебной власти Российской Федерации / отв. ред. В.П. Кашепов. М.: ИД «Юриспруденция», 2011. С. 286–287.

венного законодательства, юридической техники и технологии его создания.

Результатом проведения судебной реформы 1864 г., которую многие правоведы небезосновательно именуют великой, явилось принятие четырех правовых актов: Учреждения судебных установлений, Устава гражданского судопроизводства, Устава уголовного судопроизводства, Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

Рассматривая Учреждение судебных установлений 1864 г. (далее по тексту — Учреждение) как систематизирующий судебное устройство документ, обратимся к теории и укажем кратко основные способы систематизации.

В качестве определения систематизации как вида юридической деятельности возьмем определение, предложенное доктором юридических наук Н.А. Власенко: «деятельность по упорядочиванию нормативно-правовых актов и обеспечению их хранения»¹.

В.С. Нерсесянц отмечает три основных способа систематизации правоустановительных актов: инкорпорация, консолидация и кодификация.² В.А. Сивицкий указывает, что большинство ученых выделяют все-таки две формы систематизации — инкорпорацию и кодификацию³. Оба правоведа солидарны в понимании инкорпорации как способа систематизации, при котором существующие правовые акты помещаются в сборники в хронологическом, предметном или ином логически обусловленном порядке без каких-либо изменений, то есть с полным сохранением содержания систематизируемых актов. При кодификации же возможно изменение, существенная переработка, обновление правовых норм определенной отрасли права.

Обратимся к Учреждению с позиции предложенных теоретических моделей систематизации. Можно также предположить, что Учреждение не было результатом систематизации законодательства Российской империи, а явилось результатом нормотворчества.

Учреждение содержало множество новелл, среди которых создание структурированной судебной системы (мировых судей, съездов мировых судей, окружных судов, судебных палат); опре-

¹ Юридическая техника: учеб. пособие / Н.А. Власенко, А.И. Абрамова, Г.Т. Чернобель и др. М.: Изд. ЮСТИЦИЯ, 2016. С. 15.

² Нерсесянц В.С. Теория права и государства. М.: Норма. Инфра-М, 2013. С. 183.

³ Систематизация законодательства как способ его развития / И.В. Гетьман-Павлова, Н.Ю. Ерпылева, Е.Н. Салыгин и др.; отв. ред. В.А. Сивицкий М.: ГУ-ВШЭ, 2010. С. 12–13.

деление Правительствующего сената в качестве верховного кассационного суда; учреждение новых институтов присяжных заседателей, присяжных поверенных (адвокатуры), нотариата, прокурорской системы. Вряд ли можно говорить здесь о систематизации как об упорядочении ранее принятых нормативно-правовых актов; все указанные положения явились результатом правотворческой деятельности, которую Н.А. Власенко характеризует как создающую правовые регуляторы в обществе.¹ Как отмечает Д.А. Пашенцев, в результате судебной реформы 1864 г. «Российская империя получила совершенно новый, по сравнению с предшествующим, суд»².

Можно было бы предположить, что Учреждение не было результатом систематизации законодательства Российской империи, а явилось результатом правотворчества. Однако, еще до его принятия подверглась модернизации следственная и судебная власть: именным императорским указом 8 июня 1860 г. было принято Учреждение судебных следователей. Данный документ и учрежденный им институт судебных следователей с некоторыми изменениями вошли в структуру Учреждения.

И.Л. Брауде кодексом именуется «свод (совокупность) систематизированных, проникнутых единством норм отдельной отрасли права».³ Можно сделать вывод о том, что Учреждение представляет собой первый судоустройственный кодекс России — результат систематизации законодательства о судоустройстве путем кодификации, однако со значительным объемом нормотворческой компоненты.

Теперь следует обратиться ко второму вопросу — определить юридическую технику и технологию, которые использовались при создании Учреждения.

Как указывает М.В. Залоило, в правовой литературе встречается мнение, что возникновение и юридической техники, и юридических технологий произошло одновременно с правом в качестве «средств придания ему системности и структурированности»⁴. Из этого утверждения можно сделать вывод, что сама системати-

¹ Юридическая техника... С. 14.

² Пашенцев Д.А. Этапы становления судебной правовой политики // Судебная правовая политика в России и зарубежных странах / под ред. Дорской А.А. СПб: Астерион, 2019. С. 57.

³ Брауде И.Л. Избранное: Очерки законодательной техники. Некоторые вопросы системы советского права. М.: ИЗИСП, 2010. С. 69.

⁴ Залоило М.В. Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практ. пособие / под ред. Д.А. Пашенцева. М.: ИЗИСП: Норма: ИНФРА-М, 2020. С. 16.

зация Учреждения может характеризоваться как юридическая технология создания данного правового документа.

М.В. Залоило технологию систематизации (в частности, современную информационно-правовую технологию систематизации законодательства) относит к координационной юридической технологии¹.

Что касается вопроса юридической (в данном случае, законодательной) техники, то следует заметить, что с развитием общества меняются ее правила и требования. Современные методы юридической техники — предпроектные (правовой мониторинг, моделирование, прогнозирование, оценка регулирующего воздействия), проектные — начали разрабатываться учеными только с середины XX в. и продолжают совершенствоваться в наше время.

Применительно к рассматриваемой теме можно отметить, что юридическая техника в период Великой судебной реформы 1864 г., прогрессивная для своего времени, была, однако, далека от совершенства.

В настоящее время не утихает научная полемика, вызванная, например, статусом судебного следователя, правовое положение которого отражено в Учреждении. Принятое 8 июня 1860 г. Учреждение судебных следователей содержало прямое указание на то, что судебный следователь — это член уездного суда (п. 2); когда он не занят непосредственно проведением следственных действий, то участвует в заседании суда наравне с прочими судьями (исключение — дела, по которым он проводил расследование).

При трансформации данного положения в Учреждение судебных установлений (ст. 145–146) статус судебного следователя несколько изменился: он привлекается к участию в рассмотрении дел по существу только в случае «недостатка» членов окружного суда «для составления заседания». В этой связи у исследователей возникает вопрос, являлись ли судебные следователи в дореволюционной России после 1864 г., собственно, судьями в современном понимании или они были следователями «при суде».

Эта правовая коллизия связана в числе прочего с некоторыми несовершенствами юридической техники законодателя. Например, из текста Учреждения не ясно, приводятся ли судебные следователи к присяге на должность судьи (Форма I Приложения II Учреждения). Некоторая нелогичность и неточность формулировок приводит к неясности общего смысла рассматриваемого документа.

¹ Залоило М.В. Указ. соч. С. 19.

С другой стороны, с позиции герменевтики как учения о понимании и толковании текстов, возможно, что законодатель в то время в Учреждении изложил именно то, что хотел изложить, и именно в той форме, в какой хотел это сделать. В таком случае речь не может вестись о погрешностях в юридической технике, но в непонимании исследователями сути документа.

Представляется, что Учреждения судебных установлений 1864 г. недостаточно изучены и требуют дальнейшего рассмотрения в контексте системы законодательства Российской империи в целом, политической и социальной обстановки конкретного исторического периода, сложившейся правоприменительной практики.

Литература

1. Брауде И.Л. Избранное: Очерки законодательной техники. Некоторые вопросы системы советского права. М.: ИЗиСП, 2010.
2. Залоило М.В. Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практ. пособие / под ред. Д.А. Пашенцева. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2020.
3. Нерсесянц В.С. Теория права и государства. — М.: Норма. Инфра-М, 2013. Пашенцев Д.А. Этапы становления судебной правовой политики // Судебная правовая политика в России и зарубежных странах / под ред. Дорской А.А. СПб: Астерион, 2019.
4. Систематизация законодательства как способ его развития / И.В. Гетьман-Павлова, Н.Ю. Ерпылева, Е.Н. Салыгин и др.; отв. ред. В.А. Сивицкий М.: ГУ-ВШЭ, 2010.
5. Юридическая техника: учеб. пособие / Н.А. Власенко, А.И. Абрамова, Г.Т. Чернобель и др. М.: Изд. ЮСТИЦИЯ, 2016.

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Октябрьская революция 1917 г. коренным образом изменила социальный строй России. На смену буржуазным отношениям пришли новые, хаотичные, практически ничем не урегулированные, которые были имманентно присущи переходному этапу общественного развития от капитализма к социализму. Их упорядочение стало важнейшей задачей получивших власть представителей победившего, относительно нового класса, которые начали конструировать новую правовую реальность, исходя из интересов своего класса¹.

Строительство нового общества, в том числе его государственно-правовой сферы, осуществлялось в соответствии с взглядами теоретиков марксизма. Социалистические теории, а не практика государственного строительства определяли направление и содержание реформ, проводимых в первые месяцы Советской власти. В это время наблюдается нигилизм по отношению не только к имперскому законодательству России с изменениями, внесенными в него законодательством Временного правительства, но и в целом к праву, как социальному регулятору. Видный советский государственный деятель (был членом коллегии Народного комиссариата юстиции, возглавлял Малый Совнарком), юрист, руководивший кодификационной деятельностью в области советского семейного и трудового права А.Х. Гойхбарг по этому поводу писал: «...религия и право — идеологии угнетающих классов, постепенно сменяющие одна другую... Всякий сознательный пролетарий знает в настоящее время или, по крайней мере, сотни раз слышал, что религия — опиум для народа. Но редко кто... сознает, что право есть еще более отравляющий и дурманный опиум для того же народа»². А русский и советский ученый-юрист, один из разработчиков Конституции РСФСР 1918 г., автор декрета об отделении церкви от государства М.А. Рейснер указывал: «Если право не «опиум для народа», то, во всяком случае, довольно опасное снадобье...»³.

¹ Черногор Н.Н., Пашенцев Д.А. Октябрьская революция и эволюция российского права // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 7.

² Гойхбарг А. Несколько замечаний о праве // Советское государство и право. 1924. № 1. С. 3.

³ Рейснер М.А. Право. Наше право, чужое право, общее право. Л.; М., 1925. С. 35–36.

Пришедшие к власти социалистические теоретики во главе с В.И. Лениным, столкнувшись с практикой преобразования социальной реальности, достаточно быстро изменили свои взгляды на способы ее трансформации. Возобладала точка зрения, согласно которой строительство социалистических отношений займет достаточно длительное время. Поэтому советское право в качестве регулятора этих отношений стало необходимым атрибутом постбуржуазной действительности.

Существенно повлияла на позицию руководства Советского государства начавшаяся Гражданская война. С точки зрения доктринального подхода она представляла собой обострение классовой борьбы, и требовала применения государством соответствующего инструментария для обеспечения в ней победы. С точки зрения государственного строительства Гражданская война усилила централизацию государства и его роль в регулировании социальных процессов. И в том и в другом случае основным инструментом государственной политики стало советское право, которое отождествлялось с законодательством.

Важнейшими особенностями законодательства в первые годы Советской власти стали его временный характер; закрепление классового принципа; систематизация.

Все эти три особенности можно проследить на примере Конституции РСФСР 1918 года¹. Статья 9 Основного закона Советского государства указывала, что Конституция рассчитана «на настоящий переходный момент». Справедливости ради надо отметить, что, несмотря на свой временный характер, Конституция 1918 года не только подвела итог начальному периоду строительства советской государственности, но и определила основные направления ее развития в последующие годы. Ведь любая конституция является не столько отражением действительности, сколько целью, к которой надо стремиться².

Классовый принцип понимался Конституцией РСФСР 1918 г., как полновластие трудящихся и дискриминация эксплуататоров. Важнейшим его проявлением стало конституционное закрепление избирательных прав граждан. Трудящиеся обладали правом избирать и быть избранными, а эксплуататоры — нет.

¹ См.: Пашенцев Д.А. Конституция РСФСР 1918 года как памятник революционной эпохи (к 100-летию первой Российской Конституции) // Государство и право. 2018. № 11. С. 90–96.

² Хабриева Т. Я. Конституция как основа законности в Российской Федерации // Журнал российского права. 2009. № 3 (147). С. 11.

Согласно статье 64 Конституции активным и пассивным избирательным правом могли пользоваться: «а) все добывающие средства к жизни производительным и общественно полезным трудом, а также лица, занятые домашним хозяйством, обеспечивающим для первых возможность производительного труда, как-то: рабочие и служащие всех видов и категорий, занятые в промышленности, торговле, сельском хозяйстве и проч., крестьяне и казаки — земледельцы, не пользующиеся наемным трудом с целью извлечения прибыли; б) солдаты советской армии и флота».

Статья 65 Конституции перечислила категории населения, которые были лишены избирательных прав: «а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители церкви и религиозных культов; д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором».

Еще одной важнейшей особенностью советского права стало то, что по мере накопления нормативного материала, оно сразу же подвергалось систематизации. Эта особенность советского права даже позволила сформулировать точку зрения о том, что оно с самого начала стало формироваться путем кодификации¹. Этот подход основывается на том, что в 1918 г. были осуществлены кодификации советского конституционного права (Конституция РСФСР); семейного права (Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве); трудового права (Кодекс законов о труде). А в 1922–1923 гг. были созданы еще семь кодексов: Уголовный, Гражданский, Земельный, Лесной, Кодекс законов о труде, Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный.

Однако еще до издания Конституции РСФСР и указанных выше кодексов в Советской России были приняты Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа 1918 г. и Руководящие начала

¹ Пашенцев Д.А. Кодификация как инструмент конструирования системы законодательства в начальный период Советского государства (к 100-летию первых советских кодексов) // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 7.

по уголовному праву 1919 г. Эти документы, несомненно, являются систематизированными актами конституционного и уголовного законодательства, но признать их результатом кодификационной работы не представляется возможным.

Возвращаясь к Конституции РСФСР 1918 г., как акту систематизации, необходимо указать ее основные источники. К ним относятся: 1) акты Всероссийских съездов Советов (Обращение «Рабочим, солдатам и крестьянам!», Декреты о мире и о земле, Постановление об образовании рабочего и крестьянского правительства, Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, Резолюция о федеральных учреждениях Российской республики); 2) акты ВЦИК (Декреты о праве отзыва делегатов, о национализации банков, о приобретении прав российского гражданства); 3) совместные акты ВЦИК и Совнаркома (Декреты об уничтожении сословий и гражданских чинов, об учреждении Высшего Совета Народного Хозяйства, Положение о рабочем контроле); 4) акты Совнаркома (Декларация прав народов России, Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах, Декрет о национализации внешней торговли).

К систематизированным актам советского права, принятым в годы Гражданской войны, также относятся Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, Руководящие начала по уголовному праву, Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, Кодекс законов о труде.

Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа была принята на III Всероссийском съезде Советов 12 (25) января 1918 г. Она подвела итог государственному строительству России за первые два месяца Советской власти. Значение Декларации для оформления новой государственности было настолько велико, что ее, совместно с принятой в ее развитие резолюцией «О федеральных учреждениях Российской Республики», даже назвали первоначальной конституцией Советской республики¹. В основе Декларации лежал классовый принцип, который проявлялся в формулировках «беспощадное подавление эксплуататоров», «в целях обеспечения власти трудящихся над эксплуататорами», «в целях уничтожения паразитических слоев общества» и др.

Постановление НКЮ РСФСР от 12 декабря 1919 г. «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» систематизировало

¹ Шуберт Т.Э. Этапы развития советской государственности 1917–1940 гг. и их оценка в трудах советских ученых государствоведов // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 118.

наиболее важные положения Общей части уголовного права, обозначило его классовую природу и определило задачи советского уголовного законодательства. Современные исследователи следующим образом оценивают этот документ: «...Руководящие начала выражали сущность уголовной репрессии в период диктатуры, на которой впоследствии было основано теоретическое и практическое формирование уголовной политики и Уголовных кодексов 1922 и 1926 гг., обеспечивающее потребности защиты и самообороны пролетарского общества против преступных действий классовых врагов, противоречащих задачам социалистического строительства»¹.

Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве был принят ВЦИК 16 сентября 1918 г. и стал первым советским кодексом. Основной причиной его принятия стало отделение церкви, которая осуществляла регулирование и юридическое оформление брачных, семейных и иных связанных с ними отношений, от Советского государства. Советская Россия, став светским государством, приняла ряд нормативных актов, фактически создав семейное право, как самостоятельную отрасль законодательства, а затем систематизировала их в виде кодекса. Основными источниками Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве стали совместные Декреты ВЦИК и СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» и от 19 декабря 1917 г. «О расторжении брака», Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

Интересно отметить, что на заседании ВЦИК 16 сентября 1918 г. о проекте Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве докладывали нарком юстиции Д.И. Курский и уже упоминавшийся А.Г. Гойхбарг. Они отметили, что главной чертой Кодекса является его направленность против церковного брака, а также временный характер законопроекта, определив его как «законодательство переходного времени»².

¹ Российское законодательство 1920-х годов: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. С. А. Боголюбова, докт. юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева и канд. экон. наук, доц. В.А. Селезнева. М., 2019. С. 245.

² Салогуб Я.Л., Фролов В.В. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г. как этап большевистского эксперимента в правовом регулировании семейно-брачных отношений. Историография. Источники // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2017. № 4. Т. 2. С. 13–14.

Кодекс законов о труде был принят ВЦИК и вступил в силу 10 декабря 1918 г. Он стал продуктом систематизации значительного количества регулирующих трудовые отношения нормативных правовых актов, принятых Советским государством в первый год своего существования. Важнейшими его источниками стали: Декрет СНК РСФСР от 29 октября 1917 г. «О восьмичасовом рабочем дне», Декрет ВЦИК РСФСР от 22 декабря 1917 г. «О страховании на случай болезни», Декрет СНК РСФСР от 18 мая 1918 г. «Об Инспекции труда», Постановление СНК РСФСР от 14 июня 1918 г. «Об отпусках».

Кодекс закрепил классовый принцип в регулировании трудовых отношений. В развитие положений Конституции РСФСР 1918 г. он установил для граждан Советской России трудовую повинность (Раздел I. «О трудовой повинности»). Этим же был обусловлен и переходный характер Кодекса — трудовая повинность являлась временным явлением, и после ее отмены правовое регулирование общественных отношений в сфере труда должно было быть радикально изменено. В РСФСР использование трудовой повинности было свернуто после перехода в НЭПу. В этой связи в 1922 г. был принят новый Кодекс законов о труде, который допускал применение трудовой повинности только в определенных случаях.

Подводя итог, необходимо отметить, что систематизация законодательства являлась одной из основных особенностей права в первые годы Советской власти. Она осуществлялась по мере накопления нормативного материала, исходя из потребностей государственно-правового строительства. В результате ее проведения в России появились первая писаная Конституция; Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве и Кодекс законов о труде, как систематизированные законодательные акты новых отраслей российского права — семейного и трудового права; Руководящие начала по уголовному праву, как основа для последующего создания советского уголовного кодекса.

Литература

1. Гойхбарг А. Несколько замечаний о праве // Советское государство и право. 1924. № 1.
2. Пашенцев Д.А. Конституция РСФСР 1918 года как памятник революционной эпохи (к 100-летию первой Российской Конституции) // Государство и право. 2018. № 11.
3. Пашенцев Д.А. Кодификация как инструмент конструирования системы законодательства в начальный период Советского государства (к 100-летию первых советских кодексов) // Журнал российского права. 2018. № 11.

4. Рейснер М.А. Право. Наше право, чужое право, общее право. Л.; М., 1925.
5. Российское законодательство 1920-х годов: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. С. А. Боголюбова, докт. юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева и канд. экон. наук, доц. В.А. Селезнева. М., 2019.
6. Салогуб Я.Л., Фролов В.В. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г. как этап большевистского эксперимента в правовом регулировании семейно-брачных отношений. Историография. Источники // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2017. № 4. Т. 2.
7. Хабриева Т. Я. Конституция как основа законности в Российской Федерации // Журнал российского права. 2009. № 3 (147).
8. Черногор Н.Н., Пашенцев Д.А. Октябрьская революция и эволюция российского права // Журнал российского права. 2017. № 10.
9. Шуберт Т. Э. Этапы развития советской государственности 1917–1940 гг. и их оценка в трудах советских ученых государствоведов // Журнал российского права. 2014. № 7.

**СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ФИНАНСОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В СФЕРЕ СБЕРЕГАТЕЛЬНОГО ДЕЛА В СССР В ПОСЛЕВОЕННЫЙ
ПЕРИОД (1946–1950 ГГ.)**

В послевоенное время вся деятельность государства была подчинена скорейшему восстановлению народного хозяйства и укреплению военно-экономической мощи государства. С целью введения общепринятых в мировой практике наименований законом Верховного Совета СССР от 15 августа 1946 г. СНК был преобразован в Совет министров, а наркоматы — в министерства¹. В марте 1946 г. Верховный совет СССР утвердил пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства Советского Союза на 1946–1950 гг.² Работа государственных сберегательных касс в указанный период представляет весьма интересный опыт по привлечению денежных средств населения в условиях, когда государство воссоставляло народное хозяйство после войны, направляло законодательную деятельность в интересах развития плановой экономики. В сфере финансового права в послевоенный период Советское государство проводило политику укрепления финансовой основы социалистического строя. В этих целях, в частности, осуществлялась практика денежных займов у населения. Постановлением Совета Министров СССР в мае 1946 г. был выпущен государственный заем восстановления и развития народного хозяйства на сумму 20 млрд руб., сроком на 20 лет³.

В первые послевоенные годы главной задачей в развитии сберегательного дела в стране было восстановление нормального функционирования сети сберкасс. Такая работа была проведена достаточно успешно и в короткий срок. К 1 января 1946 г. количество сберегательных касс достигло 30 181, а к 1 января 1947 г. — 32 097⁴. Рост сберегательной сети обеспечивался в основном за счет восстановления касс в районах, подвергшихся немецкой оккупации. Глав-

¹ Пашенцев Д.А., Чернявский А.Г. История отечественного государства и права. 2-е изд. М., 2019. С. 372.

² Закон от 18.03.1946 «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.» // СПС «Консультант плюс».

³ Постановления Совета Министров СССР от 03.05.1946 № 974 «О выпуске Государственного займа восстановления и развития народного хозяйства СССР» // СПС «Консультант плюс».

⁴ История Министерства финансов России. В 4 т. Т. III /Авторский коллектив. М., 2002. С. 170.

ными сферами деятельности сберегательных касс в послевоенные годы стало привлечение вкладов населения, размещение государственных займов и обслуживание владельцев облигаций, а также обслуживание кассовых потребностей физических лиц. В середине 1945 г. в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 июня 1945 г. были восстановлены очередные и дополнительные отпуска рабочим и служащим. Одновременно было прекращено зачисление на специальные счета в сберегательных кассах денежных компенсаций за неиспользованные отпуска. Постановлением СНК от 13 сентября 1945 г. были установлены порядок и сроки расчетов с рабочими и служащими по суммам компенсации, перечисленным в сберегательные кассы до 1 января 1945 г. Так, специальные вклады в размере, не превышающем 100 руб., выплачивались сберегательными кассами полностью, сразу по требованию вкладчика. По специальным вкладам свыше 100 руб. был установлен четырехлетний срок выплаты. При этом ежегодно выплачивалось не более $\frac{1}{4}$ суммы специального вклада. Расчет по специальным вкладам в размере свыше 100 руб. производился при помощи выпущенных особых именных документов — свидетельств государственных трудовых сберегательных касс на получение специального вклада. Такие свидетельства выпускались достоинством в 500, 200, 100, 50 и 25 руб.¹ Несмотря на крупномасштабные выплаты населению со специальных счетов, остатки вкладов населения в сберегательных кассах увеличивались.

В декабре 1947 г. в соответствии с постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) была проведена денежная реформа. Вся денежная наличность (кроме разменной монеты), находившаяся в обращении среди населения, государственных предприятий, кооперативов, организаций и учреждений, а также колхозов подлежала обмену на деньги нового образца в соотношении 10 к 1². Одновременно с этим была проведена конверсия всех ранее выпущенных государственных займов и свидетельств сберегательных касс по специальным вкладам, а также произведена переоценка вкладов и текущих счетов населения в сберегательных кассах и Госбанке на следующих основаниях: вклады размером до 3000 руб. включительно оставались без изменения, т.е. переоценивались рубль за рубль; по вкладам размерам до 10 000 руб. включительно, первые 3000 руб. не подлежали переоценке, а оставшиеся деньги обменива-

¹ Собрание постановлений Правительства СССР (СП СССР). 1945. № 10. Ст. 129.

² СП СССР. 1948. №1. Ст. 1.

лись в соотношении 3 к 2; по вкладам размером свыше 10 000 руб., первые 10 000руб. пересчитывались по курсу 3 к 2, оставшаяся часть 2 к 1. Денежные средства, находящиеся на расчетных и текущих счетах кооперативных предприятий и организаций, а также колхозов, пересчитывались из расчета за 5 руб. старых денег — 4 руб. новых. В декабре 1947 г. было внесено изменение в законодательство СССР, в соответствии с которым прекращались денежные выплаты через сберегательные кассы награжденным орденами и медалями СССР в связи с ликвидацией такого рода поощрений¹.

Правовая база деятельности сберегательных учреждений в послевоенный период была утверждена Уставом Государственных трудовых сберегательных касс СССР, принятым в мае 1948 г. В Уставе был законодательно закреплён ряд важных изменений, главные из которых касались организационного устройства системы сберегательных касс и порядка использования средств. Основной целью сберегательных учреждений объявлялось предоставление населению возможности надежного хранения свободных денежных средств и совершения денежных расчетов, содействие накоплению денежных сбережений и их использованию в интересах развития народного хозяйства СССР. Это означало, что образующийся остаток за счет превышения поступающих взносов от выдачи передавался в специальный безоблигационный заем. При посредстве этого займа индивидуальные сбережения трудящихся становились дополнительным источником внебюджетных средств. Сберкассы были обязаны хранить крупные суммы на своем текущем счете в Госбанке в качестве обеспечения расчетов по расходным операциям вкладчиков. Эти средства частично использовались Госбанком в качестве ресурсов краткосрочного кредитования экономики страны.

Принятие Устава 1948 г. представляло собой следующий этап перехода от системы огосударствления сберегательных касс к Сберегательному банку. Гострудсберкассы по Уставу представляли собой единое общесоюзное кредитное учреждение, юридически представляемое Главным управлением гострудсберкасс и госкредита. В качестве его нижестоящих органов в союзных и автономных республиках, краях, областях и крупных городах действовали соот-

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 декабря 1947 г. «О внесении изменений в законодательство СССР в связи с изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 сентября 1947 года «О льготах и преимуществах, предоставляемых награжденным орденами и медалями СССР» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик.

ветствующие управления гострудсберкасс и госкредита. Местным управлениям подчинялись центральные сберкассы, которые являлись базовым типом сберегательных касс. Они действовали во всех административных центрах страны и были уполномочены совершать предусмотренные Уставом операции и осуществлять руководство низовой сетью — в зависимости от штата работников и совершаемых ими операций она подразделялась на кассы 1-го и 2-го разрядов и агентства¹.

В декабре 1949 г. Совет Министров СССР утвердил новый Устав Госбанка СССР. Значение нового Устава состояло в определении роли, функций и операций Госбанка на длительную перспективу развития экономики страны. Госбанк получил статус эмиссионного центра, центра кредитования народного хозяйства, единого расчетного центра, центра кассового исполнения бюджета, кассового обслуживания народного хозяйства, операциями с драгоценными металлами, иностранной валютой и расчетов с зарубежными странами. Уставной фонд Госбанка составил 4 млрд. руб. Устав определял следующие функции Госбанка: регулирование денежного обращения на основе эмиссии денежных знаков в соответствии с темпами роста производства и товарооборота; организации ресурсной базы краткосрочного кредитования путем аккумуляции временно свободных денежных средств хозяйства, государственного бюджета и эмиссии новых денег; кассовое обслуживание предприятий, хозяйственных организаций и учреждений путем предоставления наличных денег для выполнения планов производства и поставок товарной продукции; концентрация валютного фонда страны и проведение расчетов по внешнеторговым и другим экономическим взаимоотношениям СССР с иностранными государствами². Главными источниками ресурсов, сосредотачиваемых в банковских учреждениях, стали средства государственного бюджета, собственные средства Госбанка за счет эмиссии денег.

С окончанием войны были отменены или сокращены многие налоги, регулярно происходило снижение цен. Государство проводило политику снижения цен на товары массового потребления. В марте 1949 г. Совет Министров СССР принял постановление о новом снижении цен государственных розничных цен на продовольственные промышленные товары³. Снижение цен дало воз-

¹ История сберегательного банка России (1841–1919) / Под ред. А.И. Казьмина. М., 1991. С. 308.

² История Банка России. 1869–2010: в 2 т. Т. 2. М., 2010. С. 359.

³ Известия Советов трудящихся СССР. 1949. 1 марта

возможность увеличить число вкладов в сберегательные кассы, общая сумма которых к концу 1950 г. достигла 18,5 млрд руб.

В послевоенные годы была восстановлена сеть сберегательных касс. Совершенствование системы финансового законодательства способствовало привлечению вкладов населения в сберкассy.

Литература

1. История Банка России. 1869–2010: в 2 т. Т. 2. М., 2010.
2. История сберегательного банка России (1841–1919) / Под ред. А.И. Казьмина. М., 1991.
3. Пашенцев Д.А., Чернявский А.Г. История отечественного государства и права. 2-е изд. М., 2019.

СПОСОБЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

Каждый юридический термин, задействованный в российском законодательстве, должен быть частью общей терминологической системы. Однако, к сожалению, в современной реальности данный постулат соблюдается не всегда, что порождает как трудности в толковании, так и проблемы в правоприменении.

В этой связи, в законотворческой деятельности для приведения используемой терминологии в систему, необходимо, в частности, задействовать механизм систематизации². Отметим, что систематизация — это действие либо последовательность действий, в результате выполнения которых определенное множество несвязанных элементов превращается в то же самое множество, но уже характеризуемое связями элементов друг с другом. Если же исходить из того, что систематизация (от греч. *systema* — целое, состоящее из частей) — это мыслительная деятельность, в процессе которой изучаемые объекты организуются в определенную систему на основе выбранных принципов³, то систематизация юридических терминов в контексте нашего исследования — это процесс их упорядочения в целях организации юридической терминологической системы.

Основной смысл слова «систематизировать» заключается в приведении чего-либо в систему, наведении определенного порядка. Систематизация может осуществляться разными способами. К примеру, способами систематизации нормативных правовых актов являются инкорпорация, консолидация, кодификация и учет. В контексте упорядочения юридических терминов в законотворческой деятельности мы можем выделить общие и специальные способы систематизации, находящиеся во взаимосвязи.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Белгородской области в рамках научного проекта № 18-411-310002 «Организационно-правовые механизмы систематизации юридической терминологии в условиях осуществления региональной законотворческой деятельности».

² Vladislav Yu. Turanin, Lyubov A. Pozharova, Natalya N. Kurilenko, Mikhail B. Rumyantsev, Vladimir G. Krikun Systematization of legal terms in regional lawmaking // Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores. Año: VI. Número: Edición Especial. Artículo no.:143. Período: Junio, 2019.

³ Российская педагогическая энциклопедия / Под ред. В.Г. Панова. М., 1993. С. 143.

Общие способы систематизации юридических терминов напрямую связаны с обработкой информации. В данной связи, полагаем, можно выделить такие способы, как:

- логическая обработка информации (систематическое и последовательное преобразование содержания юридических терминов, осуществляемое на основе логических операций);
- обработка информации на основе предпочтений и убеждений (в этом случае информация, заложенная в содержании юридических терминов, обрабатывается исходя из реализации принципов: «хорошо — плохо», «лучше — хуже», «приемлемо — неприемлемо» и т.п.).

Специальные способы систематизации юридических терминов в законотворческой деятельности характеризуют возможности их непосредственного упорядочения. К ним, с нашей точки зрения, можно отнести:

- классификацию;
- формирование тезауруса;
- моделирование.

Классификация юридических терминов — это явление многогранное и полиаспектное. Отметим, что юридические термины могут быть классифицированы по различным основаниям: по функционально-стилистической принадлежности, по сфере употребления в юридическом языке, по способу образования, по содержанию соответствующего юридическому термину понятия и возможности его различной языковой реализации, по активности использования, по времени использования, по способу отражения содержания соответствующего понятия, по языку-источнику появления юридического термина, по области применения, по форме употребления в законодательном тексте и др.

Классификация юридических терминов по функционально-стилистической принадлежности основана на противопоставлении «общее — специальное», где противопоставляются две совокупности терминов: обыденные (общеупотребимые, общеупотребляемые, общезначимые) и специальные, которые могут подразделяться на технические (специально-технические) и искусственные (сугубо юридические, специально-юридические). При этом нам близка позиция французского исследователя Жереми Корню, который различал в юридическом языке слова, принадлежащие исключительно юридическому вокабуляру, и слова двойной принадлежности¹. В этой связи полагаем, что общеупотребительные

¹ Cornu G. Linguistique juridique. Paris, 2005. P. 19–20.

термины, которые используются в юридическом языке (например, «перечень», «компьютер»), следует воспринимать именно как термины двойной принадлежности. Отличие данных терминов заключается в том, что они могут употребляться как в общелитературном языке, так и в специальном подязыке — юридическом языке¹. То же самое относится и к специальным терминам других областей знания, задействованным в юридическом языке (например, «мелиорация земель», «карантин»). Это также термины двойной принадлежности, но их специфика обоснована возможностью применения в специальных подязыках: языке — доноре и юридическом языке.

В этой связи полагаем, что в соответствии с функционально-стилистической принадлежностью можно выделить следующие виды терминов: термины двойной принадлежности (общеупотребительные термины, специальные термины других областей знания) и собственно юридические термины.

По сфере употребления в юридическом языке юридические термины можно разделить на термины юридической науки («аброгация», «интерцессия») и термины юридической практики («сделка», «убийство»).

По способу образования юридические термины делятся на терминологизированные (вещь», «имущество»), сформулированные представителями науки и практики («право оперативного управления»), и транстерминологизированные («дисквалификация», «санация»). В основе данного подразделения лежат процессы образования юридических терминов: терминологизация, создание усилиями представителей науки и практики, транстерминологизация.

По содержанию соответствующего юридическому термину понятия и возможности его различной языковой реализации юридические термины делятся на однозначные и многозначные. Под однозначными юридическими терминами в настоящем контексте мы понимаем такие языковые единицы, которые всегда используются только в одном значении, то есть характеризуются одновекторностью своей семантической интерпретации. В качестве многозначных следует воспринимать такие юридические термины, которые используются в различных значениях.

По активности использования юридические термины делятся на активные и пассивные. Наиболее востребованные, активные термины используются в источниках сразу нескольких отраслей

¹ Ol'ga V. Grechkina, Alla Yu. Korniyushkina, Ekaterina A. Naruzhnaya, Evgenij E. Tonkov, Vladislav Y. Turanin Legal language as an intellectual and legal communication means // Amazonia Investiga. 2018. Vol. 7, Núm. 12: 172.

права. Пассивные термины традиционно задействованы в источниках права лишь одной отрасли.

По времени использования юридические термины делятся на устоявшиеся («договор», «изъятие», «правонарушение») и новые («контртеррористическая операция», «кредитные истории», «саморегулируемые организации»).

Устоявшиеся термины используются в юридическом языке на протяжении длительного времени и перманентные процессы возникновения новых общественных отношений на них не влияют. В свою очередь, новые термины появляются как раз в связи с формированием прежде неизвестных общественных отношений, обычно это происходит в контексте общественной эволюции.

По способу отражения содержания соответствующего понятия юридические термины подразделяются на термины в строго определенном значении («правоотношение», «лоббизм») и оценочные термины («существенное нарушение договора», «особая жестокость»).

По языку-источнику появления юридического термина юридические термины делятся на русскоязычные («договор», «взятка») и иноязычные (заимствованные) термины («акцепт», «оферта»).

По области применения юридические термины подразделяются на общеправовые, межотраслевые и отраслевые. Общеправовые термины должны быть задействованы во всех отраслях права, межотраслевые — в нескольких отраслях. Отраслевая юридическая терминология характеризуется относительной замкнутостью, обусловленной узкой востребованностью составляющих ее единиц. Отметим возможность перехода того или иного термина из одной группы в другую.

По форме употребления в законодательном тексте юридические термины подразделяются на термины, обладающие дефинициями, и термины, используемые без дефиниций.

Перечень оснований, по которым возможна классификация юридических терминов, конечно же, не является исчерпывающим.

Отметим, что классификация играет ведущую роль в процессе систематизации юридических терминов, с ее помощью могут выстраиваться терминологические ряды, формироваться терминологические аппараты в правовом тексте.

Классификация — это и метод познания, использование которого позволяет проследить основные особенности употребления не только единичного термина, но и соответствующей группы, выявить закономерности ее существования и возможности развития в российской правовой системе. Полагаем, что это один из важ-

нейших аспектов изучения влияния языка на право. Кроме этого, разделение юридических терминов на виды по различным критериям является одним из элементов концептуального анализа общих аспектов функционирования юридической терминологии, а также специфики ее использования в юридическом языке.

В этой связи, очевидно, что процесс классификации имеет огромное значение как для теоретического осмысления сущности юридической терминологии, так и для практической работы с правовыми текстами в контексте систематизации юридических терминов.

Формирование тезауруса является еще одним специальным способом систематизации юридических терминов в законотворческой деятельности.

Сам термин «тезаурус» трактуется как «сложный компонент словарного типа, в котором все значения словаря связаны между собой семантическими отношениями, отражающими основные соотношения понятий в описываемой предметной области знаний»¹. Тезаурус является своеобразной словесной систематизирующей моделью соответствующей отрасли знания. Отметим, что юридический тезаурус является эффективным средством получения знаний о терминологии. С помощью тезауруса можно проследить путь от юридического понятия к его выражению в форме термина, систематизируя каждый термин с точки зрения поиска его места в юридическом языке.

Важно заметить, что тезаурус — это специальный идеографический словарь, в основу формирования которого ставится смысловая близость соответствующих понятий, их единство в контексте общей отрасли знания. Первым тезаурусом является идеографический (семантический) словарь британского лексикографа Питера Роже, изданный в 1952 году².

Еще одним специальным способом систематизации юридических терминов в законотворческой деятельности является моделирование, которое представляет собой процесс построения каких-либо теоретических или прикладных моделей. В контексте систематизации юридических терминов в законотворческой деятельности моделирование проявляется в построении различных теоретико-прикладных (научно-практических) моделей, связанных с их упорядочением:

¹ Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981. С. 156.

² Roget P. M. Thesaurus of English words and phrases classified so as to facilitate the expression of ideas and assist in literary composition. L., 1952.

- модель образования юридических терминов;
- модель формирования юридической терминологической системы (термин — ряд — аппарат — система);
- модель подготовки дефиниций юридических терминов;
- модель осуществления экспертизы юридической терминологии и др.

Использование данных моделей, в конечном итоге, направлено на повышение качества законодательных актов. Ориентируясь на конкретную модель, разработчикам законопроектов гораздо легче работать с юридической терминологией, систематизировать ее в целях формирования доступного для понимания законодательного текста.

Подводя итоги, отметим что, вопросы использования терминов в различных письменных источниках всегда привлекали к себе внимание. Не являются исключением и особенности применения юридической терминологии в правовых актах. В настоящее время одной из насущных проблем остается систематизация юридических терминов в законотворческой деятельности, необходимость которой обусловлена имеющимися правовыми, логическими и лингвистическими проблемами официального текста. Систематизация юридических терминов может происходить с помощью общих и специальных способов, использование которых необходимо для построения полноценной юридической терминологической системы.

Литература

1. Ol'ga V. Grechkina, Alla Yu. Korniyushkina, Ekaterina A. Naruzhnaya, Evgenij E. Tonkov, Vladislav Y. Turanin Legal language as an intellectual and legal communication means // Amazonia Investiga. 2018. Vol. 7, Núm. 12.
2. Roget P. M. Thesaurus of English words and phrases classified so as to facilitate the expression of ideas and assist in literary composition. L., 1952.
3. Vladislav Yu. Turanin, Lyubov A. Pozharova, Natalya N. Kurilenko, Mikhail B. Rumyantsev, Vladimir G. Krikun Systematization of legal terms in regional lawmaking // Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores. Año: VI. Número: Edición Especial. Artículo no.:143. Período: Junio, 2019.
4. Душков Б.А., Королев А.В., Смирнов Б.А. Энциклопедический словарь: психология труда, управления, инженерная психология и эргономика. М., 2005.
5. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.
6. Российская педагогическая энциклопедия / Под ред. В.Г. Панова. М., 1993 Cornu G. Linguistique juridique. Paris, 2005.

**ПРАВОСИСТЕМАТИЗАЦИОННЫЕ ТРЕНДЫ В СОВРЕМЕННОЙ
ДОКТРИНЕ И РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

На современном этапе развития правовой жизни значимым условием поступательного, результативного развития правовой доктрины и юридической практики является качество нормативного материала, как по форме, так и по содержанию. Обеспечить должное качественное состояние способна, в том числе, своевременная, продуманная правовая систематизация. Системность законодательства, как его значимая характеристика является, по большей части, результатом систематизационной деятельности в той или иной форме. Этим обусловлено обращение доктринальных исследований последнего десятилетия к проблемам систематизации, подходам к пониманию цели и значения упорядочения в национальной правовой системе России. Так, в работе 2013 г. А.П. Калинина, рассматривая преломление принципов российского законодательства в контексте правосистематизационной деятельности, приходит к выводу, что «систематизация нормативных актов в современных условиях превратилась в насущную практическую необходимость как своеобразное средство внутреннего очищения структуры законодательства. В результате законодательство в определенной мере восстанавливает свою системность, гармоничность, утраченные в ходе развития и изменения, восстанавливает свои регулятивные возможности»¹.

В правовой науке перманентно ведется спор о специфике соотношения правосистематизации и кодификации. Не умаляя значимости вопроса о соотношении этих понятий, позволим себе абстрагироваться от нюансов данного доктринального спора и отметить, что кодификация законодательства предстает сегодня весьма эффективным средством его рационализации. Как справедливо отмечал Р. Кабриак «кодификация предстает в качестве деятельности по приданию правовым нормам такой формы, в которой они становятся единым целым»². Содержательная цельность таких актов повышает их ценность в глазах субъектов права, позволяет получить концентрированное представление о правовой регламентации, а в последствие оптимизирует реализацию права. В настоящее

¹ Калинин П.А. Принципы российского законодательства. Автореф. дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2013. <http://www.allbest.ru/> (Дата обращения 02.05.2020).

² Кабриак Р. Кодификации. Пер. с фр. Л.В. Головки. М., 2007. С. 111.

время заметен продолжающийся планомерный процесс систематизации, как в рамках глобальных отраслей российского права, так и в новых отраслевых образованиях. Информационные технологии существенно преобразили процесс упорядочения, позволяя в рамках учета, инкорпорации, консолидации и кодификации охватывать большие массивы нормативного контента, выявлять и отображать различные типы системных связей, делать результаты систематизации более доступными для широкого спектра лиц.

Востребованность высокотехнологичного инструментария юридической практикой демонстрирует новый тренд — цифровизацию правовой жизни. Последствия этого сложного процесса проявляются довольно ярко, поскольку, «...цифровая среда неизбежно меняет систему общественно признаваемых ценностей, а вслед за этим меняется модель правового регулирования общественных отношений...»¹. Человечество получило возможность беспрепятственного, быстрого обмена правовой информацией, что позволяет опосредовать перманентно модернизирующиеся отношения, в том числе в «удаленном» режиме. «С использованием цифровых технологий изменяются повседневная жизнь человека, производственные отношения, структура экономики и образование, а также возникают новые требования к коммуникациям, вычислительным мощностям, информационным системам и сервисам. В сферу правового регулирования вовлекаются новые общественные отношения, которые прежде либо не существовали, либо не требовали правового регулирования или объективно не могли быть урегулированы правом»². В таких условиях правовая информация становится высокоценным ресурсом, темп жизни ускоряется, обуславливая трансформацию массивов нормативных правовых установлений³. Возникает некая «новая юридизированная реальность», где право действует иначе, с помощью сложных высокотехнологичных

¹ Пашенцев Д.А. Лексико-семантические особенности языка правотворчества в условиях цифровизации // Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М.: Институт Законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019. С. 145.

² Как обеспечить эффективность закона: научное издание / коллектив авторов; Ответственные редакторы: Ю.А. Тихомиров, Н.Н. Толмачева, С. А. Боголюбов. М., 2019. С. 33.

³ См., например: Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019.

средств, а законодательство столь объемно и сложно структурировано, что манипуляции с ним требуют предельной сосредоточенности и специальных знаний. Неизменным в новых условиях остается необходимость достижения качества восприятия правовой информации, которое невозможно обеспечить без правосистематизационной деятельности.

Реалии бытия изобилуют проблемами и тревожными событиями, влекущими необходимость разработки правовой регламентации, например, в условиях пандемии COVID-19 экстренно были приняты нормативные правовые акты, направленные на урегулирование отношений в период эпидемиологической угрозы. Доступность правового контента позволила практикующим юристам в кратчайшие сроки упорядочить нормативные предписания различной юридической силы и дать им условное наименование «карантинное право», которое было подхвачено общественностью. Систематизированный таким неофициальным, невластным образом нормативный массив, со временем, вероятно, обретет структуру и будет подвергнут серьезному анализу, как в рамках правовой доктрины, так и в практической деятельности. Здесь примечателен новый тренд, проявившийся в стихийном стремлении представителей юридической практики к незамедлительному упорядочению экстренно принятых в условиях угрожающей опасности нормативных правовых актов. Являлось ли это упорядочение систематизацией? В какой форме? На эти вопросы предстоит ответить юридической науке. Подобные примеры обращают внимание исследователей на нетипичные технико-юридические формы и результаты систематизации, выходящие за рамки типичных.

В этой связи важным представляется обращение к зарубежному опыту, поскольку доступность информационных технологий приводят к взаимодействию и взаимовлиянию национальных правовых систем. «В современном обществе можно выявить процессы интернационализации и глобализации не только правовой науки, но и юридической практики. Все в большей степени при формировании концепции нормативного правового акта или его проекта учитывается опыт правового регулирования иных государств»¹. Попытки перенять опыт порой встречают сопротивление, поскольку привносимое извне изначально чуждо. При этом перманентная правовая аккультурация — тренд современности, является

¹ Купцова О.Б. Латинская юридическая терминология и фразеология в подготовке обучающихся по специальности «Нормрайтинг» // Нормрайтер как профессия: материалы дискуссии. М., 2019. С. 245.

не просто совокупностью заимствований или равноценный обмен информацией между правовыми системами, а толчок к переосмыслению отдельных элементов правовой жизни. Исторический опыт Российской Федерации богат примерами рецепирования и последующей трансформации доказавших эффективность отдельных подходов к регламентации отношений. Традиционно сильны в нашей стране и механизмы преемственности. Сегодня невозможно остановить процесс обмена правовой информацией между различными правовыми системами, поскольку технологизация и глобализация объединили мир. Изучение опыта приведения нормативных правовых актов в согласованную систему, либо анализ исключительно кодификационной деятельности других государств весьма важен, особенно в случаях спорных, вызывающих вопросы.

Обращение к немецкому опыту, позволяет подвергнуть анализу «Справочник по нормотворческой технике: Рекомендации Федерального министерства юстиции Германии по единообразному оформлению законов и нормативных постановлений»¹, опубликованный 22 сентября 2008 г. Это третья редакция, впервые этот акт увидел свет в 1999 г., затем в 2002 г. В предисловии к третьему изданию Бригитте Цюприс цитирует Федерального министра юстиции доктора Томаса Делера, который в обращении к коллегам фактически обозначил цель принятия данного документа — «...обеспечить правовую безупречность и одновременно сохранить единообразие юридической техники, используемой в федеральном законодательстве...»². Примечательно, что этот Справочник содержит рекомендательные нормы, что так же следует из предисловия, где говорится, что «большинство рекомендаций настоящего Справочника относятся к конкретным этапам нормотворческого процесса»³. Перед нами некий документ или акт-документ, носящий рекомендательный характер, в котором систематизированы требования правотворческой юридической техники. Возможно это нетипичный плод консолидации. В первой части, посвященной экспертизе в нормотворческом процессе, отмечается, что «объем и содержание действующего федерального законодательства и его изменения постоянно становятся предметом критики... предписаний слишком

¹ См.: Справочник по нормотворческой технике: Рекомендации Федерального министерства юстиции Германии по единообразному оформлению законов и нормативных постановлений / *Handbuch der Rechtsformlichkeit* / Германский фонд международного правового сотрудничества <https://docviewer.yandex.ru/view/28506075/> (Дата обращения 05.05.2020).

² Там же. С. 3.

³ Там же. С. 3.

много; они слишком быстро и часто меняются...»¹. Аналогичное положение вещей часто становится объектом критики и в современной России. Однако, акта, регламентирующего технико-юридические аспекты нормотворчества на федеральном уровне в нашей стране нет, но следует отметить наличие содержательно подобных законов в субъектах федерации. Например, Закон Нижегородской области от 10 февраля 2005 г. № 8-З «О нормативных правовых актах Нижегородской области», где в части 2 статьи 2 «Предмет регулирования и цели настоящего Закона» нашла отражение цель принятия этого акта — способствовать качественному и эффективному правотворчеству органов государственной власти области и должностных лиц области. Здесь мы видим, как региональное законотворчество опережает ситуацию на федеральном уровне. Следует отметить, что в Чехии, Венгрии, Франции, Польше, Канаде, США тоже имеют место регламенты парламентов, специальные документы правительств или министерств юстиции, содержащие технико-юридические правила правотворчества. С определенной долей уверенности можно говорить о том, что в рамках этих актов систематизируется нормативный материал, существовавший ранее в разрозненном по различным источникам состоянии, но форма такой систематизации нетипична и весьма спорна. Поверхностный анализ позволяет отметить такие специфичные формы фиксации итогов правосистематизационного процесса, как принципы, регламенты, конвенции, справочники, рекомендации, руководства, стандарты, правила... С течением времени, правовая наука и юридическая практика выработают приемлемый подход к восприятию нетипичных плодов систематизации и корреляции их с признанными в науке формами упорядочения.

В этой связи следует уделить особое внимание к кодификации, поскольку результаты этого процесса глобальны — являются не только и не столько результатом сложной и кропотливой работы по сбору массива определенных нормативных правовых актов, но и глубокой правотворческой деятельности. Кодекс, как архизначимый итог, как форма законодательной регламентации сегодня сомнения не вызывает. Именно законодательная природа придает ему особый статус. Кодекс обладает особенностями, позволяющими дифференцировать, индивидуализировать его среди

¹ См.: Справочник по нормотворческой технике: Рекомендации Федерального министерства юстиции Германии по единообразному оформлению законов и нормативных постановлений / *Handbuch der Rechtsformlichkeit* / Германский фонд международного правового сотрудничества <https://docviewer.yandex.ru/view/28506075/> (Дата обращения 05.05.2020).

иных плодов нормотворческой деятельности. Солидаризируясь с мнением Ю.А. Тихомирова и Э.В. Талапиной можно заключить, что кодекс — особая разновидность закона, обладающая, во-первых, полнотой регулирования отношений в какой-либо сфере; во-вторых, единообразием регулирования; в-третьих, закрепляющая основные юридические принципы, понятия и конструкции; в-четвертых, отражающая крупные юридические теории и концепции; в-пятых, занимающая лидирующее место среди иных законов и особое оказывающая воздействие на все правовые акты и процесс правоприменения¹. Стоит признать, что кодекс направлен на стабилизацию законодательства, что актуализирует саму идею кодификации, в том числе, для относительно новых, молодых регламентов. Возможно ли создание кодексов исключительно для устойчивых спектров актов, либо пришло время для упорядочения и неустойчивых законодательных массивов? Какова степень необходимой устойчивости? Вопрос сложный. До интенсификации развития законодательства и всей системы нормативного регулирования в России, доктринальный ответ был бы предопределен — кодексы являются атрибутом стойких, признанных, фундаментальных отраслей, но реалии правовой жизни указывают на востребованность кодификации в различных ситуациях. Например, сфера рекламной деятельности, являясь успешно и интенсивно развивающейся, устойчивой к кризисным явлениям и весьма финансовоемкой, демонстрирует явное стремление к упорядочению нормативной регламентации. Индустрия реагирует на вызов, выражающийся в росте объемов нормативных правовых актов стремлением «стянуть» государственные властные веления в единый, структурно-организованный, содержательно выверенный акт, позволяющий гармонизировать разнородные и разноуровневые требования к рекламе. Рост объемов сферы рекламного бизнеса выводит на первый план проблему кардинального изменения правового регулирования. Оптимальным в перспективе здесь может стать подготовка и принятие Кодекса рекламной деятельности Российской Федерации, где, в рамках Общей части, в соответствие с правилами юридической техники кодификации, было бы целесообразно отразить предмет и цель регулирования, сферу применения акта, составляющие системы национального законодательства о рекламе, специфику его взаимодействия с международным правом. Требуют

¹ См.: Тихомиров Ю.А. О кодификации и кодексах / Ю.А. Тихомиров, Э.В. Талапина // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 48; а также: Концепция развития российского законодательства / Под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. М., 2004. С. 32–37.

системного закрепления дефинитивные нормы и нормы-принципы, спектр субъектов рекламной деятельности, их права и обязанности, а так же, структура контроля, причем, как государственного/властного, так и негосударственного/невластного. Особенная часть предположительно вберет регламенты различных видов, форм, средств рекламы.

Сейчас запрос на сложное упорядочение отражается в процессе сбора и структурирования нормативных установлений в рамках базового закона отрасли — Федерального закона РФ от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе», что, следует заметить, тоже весьма нетипично. Следует признать, что зарубежная правовая доктрина и практика также демонстрируют неопределенность в трактовке кодификационных начал рекламного права. Об этом, например, свидетельствуют неоднозначные по своему смысловому наполнению обращения к термину «кодекс», например, в фундаментальной работе Дж. Крауна «Рекламное право и регулирование»¹. Несколько параграфов этого труда, посвященного приданию системного характера нормативных установлений, регламентирующих рекламную деятельность в Великобритании, содержат данный термин, однако, установить какой вид социальной регуляции имеет в виду автор весьма сложно. В работе содержатся параграфы: «Кодексы регулирования»², «Кодекс комитета рекламной практики»³, «Кодексы правового регулирования»⁴, «Кодекс Независимой телевизионной комиссии»⁵, «Кодексы рекламы и коммерческих объявлений»⁶, «Кодекс по табачным изделиям»⁷, «Кодекс Радиотрансляционного ведомства и гарантии»⁸, «Кодекс рекламных стандартов и практики»⁹. Безусловно, разница правовых систем налагает отпечаток на восприятие, но проблема выходит за рамки этих отличий и основана на диффузном использовании регуляторов разного генеза.

Следует признать, что анализ доктринальных исследований, посвященных правосистематизации позволяет говорить о наличии

¹ See: Crown G. Advertising Law and Regulation. London, Edinburg and Dublin, 1998.

² Там же. С. 49–51.

³ Там же. С. 82–83.

⁴ Там же. С. 146–148.

⁵ Там же. С. 400–418.

⁶ Там же. С. 478–492.

⁷ Там же. С. 493–494.

⁸ Там же. С. 498–518.

⁹ Там же. С. 525–553.

достаточно ярких трендов, проявляющих себя в специфике подхода к рассмотрению и авторском видении предмета:

В первую очередь, правоведа обращаются к систематизации того или иного конкретного отраслевого законодательства, возможны так же межотраслевые варианты;

Во-вторых, исследованию подвергается систематизация законодательства в целом, выводятся общие тенденции, закономерности, фиксируются проблемы;

В-третьих, интерес вызывает законодательство на конкретном этапе исторического развития и специфика его систематизации;

В-четвертых, объектом анализа предстает систематизация законодательства в конкретных социокультурных, политических, экономических условиях;

В-пятых, изучается систематизация особыми инновационными средствами, часто крен делается в сторону использования информационных технологий, что весьма актуально в свете реалий бытия;

В-шестых, актуальны исследования принципов систематизации;

В-седьмых, глубокую разработку получают отдельные формы систематизации, в основном типичные, признанные наукой;

В-восьмых, уделяется внимание зарубежному опыту систематизации, как в рамках работ по сравнительному правоведению, так и по теории и отраслям права;

В-девятых, разрабатывается юридическая техника правосистематизационных процессов, что архизначимо для юридической практики.

Развитию российского законодательства на современном этапе присуща тенденция расширения и дифференциации правового регулирования, что обусловлено действием принципа полноты регулирования (наличие во всех сферах отношений, требующих правовой регламентации, достаточно полной системы законов и вытекающих из них подзаконных нормативных правовых актов).¹ Новые массивы норм неизбежно востребуют разноуровневые механизмы упорядочения. Основываясь на представлении о широком спектре направлений исследования систематизации в правоведении и ее отражения в реалиях практической деятельности, можно говорить проявляющих себя ярких, доминантных моментах. Налицо слиговывание трендов в юридической практике и доктрине. С одной стороны это естественный процесс, с другой, есть примеры опе-

¹ Черногор Н.Н., Залоило М.В. Актуальные проблемы правотворчества: учебное пособие. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2018. С. 58.

режения в практике с последующим осмыслением в науке. Таким образом, система «наука-практика-наука» замыкается, и новые векторы развития могут, в некоторых случаях, исходить от практики. Явным видится сегодня поиск новых форм, средств, способов юридического упорядочения, о чем свидетельствует внимание в правоведении к информационным технологиям, как особым средствам систематизации.

Литература

1. Crown G. Advertising Law and Regulation. London, Edinburg and Dublin, 1998.
2. Кабрияк Р. Кодификации. Пер. с фр. Л.В. Головки. М., 2007.
3. Как обеспечить эффективность закона: научное издание / коллектив авторов; Отв. ред.: Ю.А. Тихомиров, Н.Н. Толмачева, С. А. Боголюбов. М., 2019.
4. Нормрайтер как профессия: материалы дискуссии. М., 2019.
5. Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019.
6. Черногор Н.Н., Залоило М.В. Актуальные проблемы правотворчества: учебное пособие. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2018.
7. Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М.: Институт Законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019.

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА**

(на примерах сферы предоставления коммунальных услуг)

В начале 2019 г. в рамках национальной программы «Цифровая экономика» и национального проекта «Жилье и городская среда» началось поэтапное внедрение проекта «Умный город», задачами которого являются: формирование эффективной системы управления городским хозяйством, повышение конкурентоспособности городов, а также создание комфортных и безопасных условий для жизни граждан¹. Достаточно активно формируется Банк решений «Умного города», призванный аккумулировать апробированные инновационные решения в различных сферах. На начало февраля 2020 г. Банк решений умных городов включает 364 проекта из 537 городов Российской Федерации².

В плане систематизации правового регулирования жилищно-коммунального хозяйства в России существует немало проблем, которые необходимо решить. Основные перспективы указанной систематизации связаны с реализацией законодательных инициатив.

В первую очередь, в целях совершенствования правового статуса потребителей коммунальных услуг депутаты Государственной Думы Российской Федерации (далее — Госдума РФ) внесли на рассмотрение законопроект № 735250-7³ (далее — законопроект о едином платежном документе). Основная суть законопроекта о едином платежном документе состоит в том, чтобы отказаться от отдельных квитанций и объединить их в единый документ. Необходимость введения такой квитанции обусловлена переходом жителей многоквартирного дома на «прямые» договоры с ресурсоснабжающими организациями, которые стали присылать потре-

¹ Проект цифровизации городского хозяйства «Умный город» // Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.minstroyrf.ru/trades/gorodskaya-sreda/proekt-tsifrovizatsii-gorodskogo-khozyaystva-umnyy-gorod>

² Банк решений умного города // Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://russiasmartcity.ru/>

³ Паспорт проекта Федерального закона № 735250-7 «О внесении изменений в статью 155 Жилищного кодекса Российской Федерации» (в части предоставления объединенного платежного документа на оплату за жилое помещение и коммунальных услуг) // Внесен в ГД ФС РФ.

бителям отдельные счета за коммунальные услуги. В настоящее время потребитель ежемесячно получает по несколько квитанций, каждую из которых необходимо оплачивать отдельно. Введение единой квитанции позволит гражданам наиболее удобным образом оплачивать коммунальные услуги и облегчить ведение расчетов. Для успешной реализации данного законопроекта предусматривается привлечение к работе расчетных центров. Управляющие и ресурсоснабжающие организации будут направлять расчетным центрам данные о размере оплаты за коммунальные услуги. Минстрой России считает, что законопроект о едином платежном документе направлен на расширение прав жителей многоквартирного дома по выбору способа и формы оплаты коммунальных услуг¹. Настоящий законопроект будет рассмотрен в период весенней сессии Госдумы РФ.

Другой законопроект № 905546-7² (далее — законопроект о комиссиях банков на ЖКУ), запрещающий начисление комиссии банками при оплате коммунальных услуг гражданами, был внесен в Госдуму РФ в феврале 2020 г.

Авторами законопроекта было обращено внимание на наличие ситуаций, когда потребители вынуждены платить двойную комиссию: первоначально — банку, через который вносят денежные средства, впоследствии — банку, который обслуживает ресурсоснабжающую организацию. Практика двойных комиссий в перспективе может быть разрешена посредством реализации Постановления Правительства РФ от 05.09.2019 № 1164 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (далее — Постановление № 1164), запрещающего ресурсоснабжающим организациям учитывать расходы на оплату комиссий банков, принимающих платежи потребителей, при формировании обоснованного тарифа.

---

¹ В Минстрое заявили, что законопроект о едином платежном документе расширит права граждан // [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/ekonomika/7627685> (дата обращения: 18.04.2020).

² Паспорт проекта Федерального закона № 905546-7 «О внесении изменений в статью 155 Жилищного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части введения запрета на взимание комиссии при внесении физическими лицами платы за жилое помещение и коммунальные услуги» // Принят ГД ФС РФ в I чтении [Электронный ресурс]: СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.04.2019).

ФАС России разъяснила¹, что Постановление № 1164 касается только включения расходов на банковские комиссии в тариф, а не самих комиссий. Таким образом, платежный агент вправе взимать с физического лица комиссию за перевод средств на оплату коммунальных услуг, поскольку оказывает потребителю конкретную услугу.

Авторы законопроекта считают несправедливым отсутствие в российском законодательстве запретов на взимание банками, операторами почтовой связи и иных платежных агентов комиссионного вознаграждения при оплате гражданами коммунальных услуг. В частности, это связано с тем, что граждане не только оплачивают обязательные платежи, но и еще сам факт платежа. Составители документа убеждены, что отмена комиссий снизит финансовую нагрузку на население². Однако против законопроекта о комиссиях банков на ЖКУ выступают банки и платежные агенты³, которые уведомили, что в случае принятия такого закона будут закрыты сервисы по приему платежей за коммунальные услуги, что лишит граждан варианта производить оплату через интернет. Оппозиционную точку зрения занимает также и Ассоциация профессиональных управляющих недвижимостью «Р1» (далее — Ассоциация «Р1»), представители которой считают, что в актуальной редакции законопроект негативно отразится на всей сфере жилищно-коммунального хозяйства и не принесет положительного эффекта не только управляющим и ресурсоснабжающим организациям, но и самим потребителям услуг⁴. Эксперты Ассоциации «Р1» отмечают, что обязанность оплачивать комиссионное вознаграждение перейдет на управляющие и ресурсоснабжающие организации, у которых отсутствуют возможности за свой счет осуществлять расчеты с банками. В данном случае исполнителям коммунальных услуг придется принимать меры, направленные на экономию фи-

¹ Письмо ФАС России от 27.09.2019 № АК/84598/19 «О правомерности взимания комиссии при оплате жилищно-коммунальных услуг» [Электронный ресурс]: СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.04.2020).

² Комитет Госдумы одобрил законопроект о запрете взимания комиссий за оплату услуг ЖКХ // [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/nedvizhimost/8133777> (дата обращения: 18.04.2020).

³ Банки назвали угрозы запрета комиссий на прием платежей ЖКХ // [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/finances/03/03/2020/5e57c0c69a7947b93675b6a7> (дата обращения: 18.04.2020).

⁴ Как запрет на комиссии при оплате ЖКУ отразится на работе УО и РСО // [Электронный ресурс] URL: <https://roskvartal.ru/deyatelnost-uk/11498/kak-zapret-na-komissii-pri-oplate-zhku-otrazitsya-na-rabote-uo-i-rso> (дата обращения: 18.04.2020).

нансовых ресурсов, что в конечном итоге может повлечь снижение качества коммунальных услуг, отсутствие ресурсов на оперативное реагирование в чрезвычайных ситуациях, вследствие чего капитальное состояние домовладений в целом ухудшится.

Правоприменительная практика отражает различные подходы судов к определению платы за жилое помещение в «самоуправляемых» и управляемых управляющими компаниями многоквартирных домах.

В отношении последних применяется пункт 2 Правил проведения органом местного самоуправления открытого конкурса по отбору управляющей организации для управления многоквартирным домом, в соответствии с которым размер платы за содержание и ремонт жилого помещения устанавливается одинаковым для собственников жилых и нежилых помещений в многоквартирном доме. В заключаемый по результатам конкурса договор управления многоквартирным домом включаются обычные условия о едином порядке определения платы за жилое помещение для всех собственников изолированных помещений многоквартирного дома из расчета 1 кв. метра общей площади помещения. Точный размер платы за 1 кв. метр площади рассчитывается организатором конкурса, затем, по прошествии года, может быть изменен решением собрания собственников помещений в порядке части 7 статьи 156 ЖК РФ. Таким образом, собственников помещений в многоквартирных домах, управляемых на условиях заключенного по результатам конкурса договора управления, проблема дифференциации платы за содержание общего имущества для собственников жилых и не жилых помещений не затрагивает. Она возникает в дальнейшем при изменении договора управления многоквартирным домом, когда решением общего собрания собственников помещений с учетом предложений управляющей организации определяется размер платы за жилое помещение, а также при избрании новой управляющей компании и утверждении договора с ней (пункт 4 части 2 статьи 44, статья 162 ЖК РФ). В таких случаях утверждение решением собрания дифференцированного размера платы для собственников жилых и нежилых помещений не редкость. В то же время, анализ судебной практики по спорам о взыскании платы за жилое помещение и спорам о признании решений собраний собственников помещений об установлении размера платы за жилое помещение недействительными выявил, что юридическая сила подобных решений в указанных ситуациях, как правило, судами не признается. Системно толкуя часть 2 статьи 39, части 1 статьи 37, части 1 статьи 158 ЖК РФ, ссылаясь, в том числе, на пункт 2

Правил проведения органом местного самоуправления открытого конкурса по отбору управляющей организации для управления многоквартирным домом, они приходят к выводу о принятии собственниками решения по вопросу, не относящемуся к компетенции собрания (пункт 3 статьи 181.5 ГК РФ), т.е. ничтожности решения.

Совершенно иначе обстоит дело с аналогичными решениями собственников помещений в самоуправляемых многоквартирных домах. Здесь единообразия в судебной практике по вопросу о допустимости установления решением общего собрания собственников помещений различных для собственников жилых и нежилых помещений соотношений долей в расходах долям в праве собственности не наблюдается. Суды зачастую исходят из действительности соответствующих решений собраний.

Между тем, жилищное законодательство не дает достаточных оснований для вывода о том, что способ управления многоквартирным домом способен предопределять различные решения вопроса о допустимости перераспределения расходов на содержание общего имущества между собственниками жилых и нежилых помещений. Нормы части 8 статьи 156 ЖК РФ и пункта 33 Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме, повествующие о свободе органов управления товариществ собственников жилья и жилищных кооперативов в установлении размера обязательных платежей и взносов, связанных с оплатой расходов на содержание и ремонт общего имущества в многоквартирном доме, рассматриваемые в системной связи с пунктом 3 части 1 статьи 137 ЖК РФ, согласно которому товарищество собственников жилья вправе устанавливать на основе принятой сметы доходов и расходов на год товарищества размеры платежей и взносов для каждого собственника помещения в многоквартирном доме в соответствии с его долей в праве общей собственности на общее имущество в многоквартирном доме, а также с пунктом 28 указанных Правил, определяющим, что собственники помещений обязаны нести бремя расходов на содержание общего имущества соразмерно своим долям в праве общей собственности на это имущество путем внесения, в том числе обязательных платежей и взносов собственников помещений, являющихся членами товарищества собственников жилья, повторяют положения части 2 статьи 39 и части 1 статьи 158 ЖК РФ о соразмерности доли расходов доле в праве собственности. Учитывая тождественную природу отношений собственности в «самоуправляемых» управляемых управляющими компаниями многоквартирных домах и неоднократно выраженную в решениях Конституционного Суда Российской Федерации по-

зицию о существовании принципа равенства (постановления от 26 февраля 2010 г. № 4-П, от 14 июля 2011 г. № 16-П и др.), «соразмерность» во всех перечисленных нормах нуждается в единообразном толковании судами вне зависимости от способов управления многоквартирным домом. Требуется либо признать допустимость различных соотношений долей в праве собственности долям в обязательных расходах отдельно для собственников жилых и нежилых помещений, либо согласиться с тем, что ЖК Российской Федерации закрепляет единое для собственников изолированных помещений соотношение (равную плату за 1 кв. метр площади жилого и нежилого помещения).

Итак, в настоящее время систематизация законодательства должна положительно повлиять на функционирование и развитие отрасли жилищно-коммунального хозяйства. Несмотря на большой перечень реализованных программ, существуют и другие неразрешенные вопросы, к которым относятся¹:

- неэффективность работы управляющих организаций;
- низкий уровень цифровизации отрасли;
- отсутствие культуры потребления и оплаты жилищно-коммунальных услуг;

- значительный объем задолженности по коммунальным услугам².

Для преодоления указанных проблем и повышения качества жилищно-коммунальных услуг Минстрой России разработал проект Стратегии развития жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2035 г. (далее — Стратегия 2035)³. В декабре 2019 г. проект Стратегии 2035 согласован с федеральными органами исполнительной власти. Основная стратегическая цель проекта — обеспечить предоставление гражданам Российской Федерации доступных и качественных жилищных и коммунальных услуг. Подобная формулировка цели представляется декларативной, поскольку она не конкретизирует особенности осуществления политики в данной сфере на планируемый период.

Иными словами, цель Стратегии–2035 должна в наиболее конкретной форме определять, каковы будут реальные итоги рефор-

¹ Старостенко С. В. Факторы риска в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Стратегии бизнеса. 2017. № 5. С. 5.

² Минстрой озвучил основные проблемы в сфере ЖКХ России // [Электронный ресурс] URL: <https://realty.interfax.ru/ru/news/articles/113238> (дата обращения: 23.04.2020).

³ Проект Стратегии развития жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2035 года // [Электронный ресурс] URL: <https://стратегияжкх.рф> (дата обращения: 24.04.2020).

мирования жилищно-коммунального сектора экономики по прошествии пятнадцати лет. Представляется наиболее верным постановка цели Стратегии–2035 в следующей редакции: «кардинальное улучшение технического состояния многоквартирных домов, повышение их энергоэффективности и уровня комфортности за счет ответственного управления общим имуществом собственниками и привлеченными профессиональными исполнителями или созданными объединениями собственников»¹.

Как показывает практика, в настоящее время собственники помещений накапливают задолженность по оплате коммунальных услуг в течение продолжительного времени. Проект «Стратегия–2035» не предлагает законодательных инициатив в сфере расширения перечня мер по сбору платежей за коммунальные услуги, включая такую санкцию, как принудительная продажа помещений за неоплату коммунальных услуг, что в итоге снижает эффективность остальных мер.

При доработке проекта «Стратегии–2035» необходимо конкретизировать стратегическую цель развития, определить ориентиры и найти наиболее эффективные решения проблем систематизации законодательства в условиях цифровой экономики.

Литература

1. Гордеев Д. Каким быть разделу «Управление многоквартирными домами» в Стратегии 2035 // Коммунальный комплекс России. 2020. № 3 (189).
2. Старостенко С.В. Факторы риска в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Стратегии бизнеса. 2017. № 5.

---

¹ Д. Гордеев Каким быть разделу «Управление многоквартирными домами» в Стратегии 2035 // Коммунальный комплекс России. 2020. № 3 (189). С. 6–9.

ЦИФРОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА¹

Цифровые механизмы систематизации законодательства в настоящее время имеют главенствующее значение в эффективном упорядочении кажущегося необъятным и постоянно расширяющимся массива принимаемых нормативных правовых актов.

В данной статье будут рассмотрены вопросы такого подготовительного этапа систематизации законодательства, как упорядочение (учет) законодательства. Роль осуществляемого в процессе систематизации законодательства во всех ее результирующих формах (инкорпорация, кодификация и консолидация) упорядочения законодательства весьма значительна. Упорядоченное определенным образом и структурированное законодательство помогает лучше и быстрее ориентироваться в потоке правовой информации, служит гарантом качественного и полного информирования граждан о нормотворческой деятельности органов законодательной и исполнительной власти².

В современном мире в условиях глобализации упорядоченное законодательство значительно облегчает ведение учета законодательства и решение задачи информационно-правового обмена между странами.

Использование различных автоматизированных «цифровых» технологий упорядочения законодательства и справочно-информационных систем по законодательству является неотъемлемым атрибутом нормотворческой и правоприменительной деятельности на всех ее уровнях.

Цифровизация значительно упрощает работу нормотворческого органа и правоприменителя по поиску необходимой ему информации, ее обобщению и в необходимых случаях передаче (обмена или доведения до сведения заинтересованных лиц).

Основными цифровыми механизмами систематизации законодательства с точки зрения упорядочивания разнообразной правовой информации являются:

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ — научный проект 18-29-16219 «Новации механизмов правотворчества и правореализации в условиях развития цифровых технологий».

² См.: Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / М.В. Залоило; под ред. Д.А. Пашенцева. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2020.

автоматизированное структурирование правового массива в составе справочных правовых систем;

упорядочивание правовых актов на официальных порталах правовой информации и официальных сайтах нормотворческих органов;

применение инструментов автоматизированного поиска правовой информации и классификаторов нормативных правовых актов).

Автоматизированное структурирование правового массива в составе справочных правовых систем позволяет пользователям оперативно находить необходимую им в профессиональных, учебных или иных целях правовую информацию, разбитую на логично выстроенные разделы и подразделы. Например, в справочной правовой системе КонсультантПлюс предусмотрена ее адаптация для нужд каждого отдельного специалиста (бухгалтера, юриста, кадрового специалиста и др.). В подсистеме КонсультантПлюс для юриста предусмотрена разбивка информации на тематические блоки «законодательство», «судебная практика», «конструктор договоров» и др.

В разделе «законодательства» идет подразделение по уровням законодательства «федеральное законодательство» и «региональное законодательство». В подразделе «федеральное законодательство» есть возможность задать поиск нужной информации по тексту и названию документа, номеру и дате его принятия, принявшему органу, виду и тематике документа. При выборе тематики документа существует возможность поиска по сферам общественной жизни.

В целом справочные правовые системы в настоящее время обладают широким спектром упорядоченной правовой информации и эффективным набором поисковых возможностей, позволяющим пользователям максимально комфортно и оперативно находить и работать с необходимой ему правовой информацией.

Упорядочивание правовых актов на официальных порталах правовой информации и официальных сайтах нормотворческих органов происходит с учетом предназначения соответствующего портала и сферы деятельности соответствующего органа.

Так, официальный портал правовой информации www.regulation.gov.ru предназначен для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения. С учетом этого правовой массив на данном сайте и соответствующие возможности поиска структурированы в зависимости от процедуры, предусмотренной в соответствии с законодатель-

ством для проекта нормативного правового акта (раскрытие информации о подготовке проекта нормативного правового акта, оценка регулирующего воздействия, оценка фактического воздействия, независимая антикоррупционная экспертиза и независимая экспертиза проектов административных регламентов), вида проекта нормативного правового акта (проекты федерального закона, указа Президента Российской Федерации постановления Правительства Российской Федерации, ведомственного акта и др.), органа-разработчика проекта нормативного правового акта, этапа нормотворческой процедуры (уведомление, текст, оценка, завершение, принятие), вида экономической деятельности, а также периода публикации.

На официальном правовом портале www.pravo.gov.ru происходит официальное опубликование правовых актов. Информация на данном сайте в части официального опубликования структурирована в зависимости от вида нормотворческого органа.

В системе обеспечения законодательной деятельности (<https://sozd.duma.gov.ru/>) размещены объекты законотворчества (законопроекты, проекты постановлений, проекты законодательных инициатив), а также информация о проводимых мероприятиях и работе комитетов и фракций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Помимо указанных выше официальных порталов правовой информации следует отметить федеральный регистр нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, который ведется в целях обеспечения контроля за соответствием нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации Конституции Российской Федерации и федеральным законам, а также для реализации конституционного права граждан на получение достоверной информации, формирования необходимых условий для получения информации о нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации органами государственной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами, организациями и гражданами¹.

---

¹ Данный Регистр ведется в соответствии с Положением о порядке ведения федерального регистра нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2000 г. № 904, и включает в себя конституции (уставы), законы и иные нормативные правовые акты органов законодательной (представительной) власти субъектов Российской Федерации, нормативные правовые акты высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших органов исполнительной власти ➔

Кроме того, к направлениям деятельности органов государственной власти в сфере систематизации и кодирования информации отнесена государственная регистрация прав (права на имущество, государственная регистрация правовых статусов объектов и субъектов правоотношений, регистрация юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, регистрация уставов муниципальных образований), а также иные направления, связанные с ведением баз данных и информационных ресурсов, содержащих информацию об объектах и субъектах правоотношений¹.

Снижение административной нагрузки на субъекты контроля путем актуализации и сокращения обязательных требований по всем видам контроля (надзора) к 2025 г., а также путем повышения их информированности об обязательных требованиях через, в том числе, реализацию механизма систематизации (выборки) обязательных требований с использованием информационных систем по объектам контроля (надзора) к концу 2025 г. предусмотрено Паспортом приоритетного проекта «Систематизация, сокращение количества и актуализация обязательных требований», утвержденным протоколом заседания проектного комитета от 27 января 2017 г. № 5.

Ученые отмечают, что решение задачи обеспечения единства правового пространства России и права граждан на информацию требует введения государственного учета всех нормативных правовых актов Российской Федерации путем создания единого национального банка данных этих актов. При этом данная задача могла бы быть решена путем подготовки федерального закона о едином банке данных нормативных правовых актов Российской Федерации². Действительно, предлагаемое создание единого на-

---

☞ субъектов Российской Федерации), органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации (государственных советов, правительств, кабинетов министров, администраций, мэрий, министерств и иных органов), затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающие правовой статус организаций или имеющие межведомственный характер.

¹ См.: Концепция методологии систематизации и кодирования информации, а также совершенствования и актуализации общероссийских классификаторов, реестров и информационных ресурсов, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 10 мая 2014 г. № 793-р.

² См.: Филатова Л.В. Теоретико-правовые вопросы систематизации информационного законодательства в процессах государственной учетной деятельности // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 3. С. 43–47.

ционального банка нормативных правовых актов Российской Федерации может способствовать усилению тенденции унификации и информационного единства в стране.

Инструменты автоматизированного поиска правовой информации применяются пользователем в зависимости от своих поисковых задач, а также технических возможностей справочной правовой системы, официального портала правовой информации или сайта нормотворческого органа в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

В части классификатора правовых актов можно отметить одобренный Указом Президента Российской Федерации от 15 марта 2000 г. № 511 в целях унификации банков данных правовой информации, а также обеспечения автоматизированного обмена правовой информацией между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами прокуратуры Российской Федерации и органами местного самоуправления Классификатор правовых актов. Данный Классификатор разбит на подробно структурированные тематические разделы «Конституционный строй», «Основы государственного управления», «Гражданское право», «Семья», «Жилище», «Труд и занятость населения», «Социальное обеспечение и социальное страхование», «Финансы», «Хозяйственная деятельность», «Внешнеэкономическая деятельность. Таможенное дело», «Природные ресурсы и охрана окружающей природной среды», «Информация и информатизация», «Образование. Наука. Культура», «Здравоохранение. Физическая культура и спорт. Туризм», «Оборона», «Безопасность и охрана правопорядка», «Уголовное право. Исполнение наказаний», «Правосудие», «Прокуратура. Органы юстиции. Адвокатура. Нотариат», «Международные отношения. Международное право» и «Индивидуальные правовые акты по кадровым вопросам, вопросам награждения, помилования, гражданства, присвоения почетных и иных званий»).

Содержащие в указанном Классификаторе подходы к структурированию правовой информации служат основой для упорядочивания массива правовой информации, содержащейся в различных банках данных правовой информации.

С учетом вышеизложенного можно отметить, что перечисленные цифровые механизмы систематизации законодательства являются неотъемлемым элементом нормального функционирования правовой системы в стране в условиях современного глобализацион-

ного и информационного развития¹, а также являются утилитарно необходимым инструментом повседневной профессиональной деятельности нормотворческих и правоприменительных органов на всех их уровнях.

Кроме того, посредством данных цифровых механизмов создаются условия ознакомления и пользования правовым массивом всех заинтересованных в этом лиц (граждан, их объединений и хозяйствующих субъектов).

Литература

1. Zaloilo M.V., Ivanyuk O.A., Pashentsev D.A. (2021). Law-making in ensuring sustainable economic development in the Digital Age. In L.I. Khoruzhy, & O.G. Karataeva (Eds.), *Digital Society: Historical Background and Current Trends* (pp. 885–891) (Vol. 2). Cham, Switzerland: Springer.
2. Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / М.В. Залоило; под ред. Д.А. Пашенцева. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2020.
3. Филатова Л.В. Теоретико-правовые вопросы систематизации информационного законодательства в процессах государственной учетной деятельности // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 3.
4. Черногор Н.Н., Залоило М.В. Совершенствование правового регулирования общественного обсуждения проектов нормативных актов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4.

---

¹ Zaloilo M.V., Ivanyuk O.A., Pashentsev D.A. (2021). Law-making in ensuring sustainable economic development in the Digital Age. In L.I. Khoruzhy, & O.G. Karataeva (Eds.), *Digital Society: Historical Background and Current Trends* (pp. 885–891) (Vol. 2). Cham, Switzerland: Springer.

**СИСТЕМАТИЗАЦИЯ «ЦИФРОВОГО» ПРАВОВОГО МАССИВА:
ПРОГНОЗНЫЕ СЦЕНАРИИ И ПРАВОВЫЕ МОДЕЛИ¹**

Цифровизация является одним из факторов, оказывающих в настоящее время существенное влияние на систему права и систему законодательства, ее отрасли и происходящие в ней процессы. Сфера правового регулирования становится мультисодержательной (возникают новые отношения, модифицируются сложившиеся связи), в ней появляются нетипичные с точки зрения субъектного состава, объектов и среды существования общественные отношения, включая те, которые практически исключают участие человека²; предмет правового регулирования «становится практически беспредельным»³.

Предмет и метод правового регулирования, ставшие с середины XX века классическими критериями выделения отраслей права, в условиях вступления общества в новый технологический уклад уже не выполняют свою роль в полной мере и не могут служить единственными критериями разграничения отраслей права⁴. Преобразование отечественных системы права и системы законодательства выражается в их сближении, интеграции и дифференциации правового регулирования⁵, развитии правовых комплексов и межотраслевого правового регулирования⁶.

На основе методологических установок постнеклассической науки в юриспруденции были обнаружены циклические правовые массивы как «результат масштабирования юридических норм,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ — научный проект 18-29-16219 «Новации механизмов правотворчества и правореализации в условиях развития цифровых технологий».

² См.: Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16.

³ Синюков В.Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 2. С. 10.

⁴ Подробнее см.: Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, А.А. Дорская. М.: ИЗИСП: Норма: ИНФРА-М, 2021.

⁵ См.: Абрамова А.И. Современные тенденции интеграции и дифференциации правового регулирования // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 29–38.

⁶ См.: Тонков Е.Е., Синенко В.С. Комплексные отрасли в системе права и системе законодательства // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 5–12.

имеющих кросс-отраслевой характер, детализированных с учетом специфики общественных отношений, составляющих предмет той отрасли права или законодательства, в которую они включены»¹. Отличительной особенностью циклических массивов в праве является пронизывание ими всей правовой системы, предопределение направлений развития самых разных отраслей законодательства. Возникновение подобных феноменов в праве позволяет ему совершенствоваться в условиях взрывного развития науки и технологий, требующих новых, более сложных и комплексных методов воздействия на общественные отношения.

Циклические правовые образования оказываются оптимальным выбором, позволяющим обеспечить эффективное правовое регулирование общественных отношений, обусловленных и связанных с цифровизацией. Прогнозируется, что удельный вес циклических правовых массивов и иных комплексных правовых образований в праве будет только возрастать, что связано с усложнением правового регулирования, углублением цифровизации общественных и политических процессов, проникновением цифровых технологий в самые разные сферы жизни современного общества и государства.

Признаками такого массива обладает и складывающееся в связи с построением цифровой экономики «цифровое» законодательство. Механизм формирования циклического «цифрового» правового массива заключается во внедрении правовых норм, регулирующих связанные с цифровизацией общественные отношения, в различные отрасли права и законодательства (как материальные, так и процессуальные), правовые институты и подинституты².

После утверждения в 2017 году программы «Цифровая экономика Российской Федерации» в правовой системе нашей страны появилось несколько федеральных законов, оформляющих общественные отношения, связанные с цифровизацией (это законы с самостоятельным предметом регулирования и законы, вносящие изменения в действующие законодательные акты Российской Федерации). Они посвящены правовому регулированию: самоиспол-

¹ См.: Хабриева Т. Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 5–18; Хабриева Т. Я. Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в условиях цифровизации экономики: стратегические задачи и правовые решения // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 4. С. 459–467.

² См.: Залоило М. В. Циклический правовой массив как нетипичное правовое явление в условиях цифровизации // Российское государственное управление. 2019. № 1. С. 16–24.

няемых контрактов; отношений, возникающих при выпуске, учете и обращении цифровых финансовых активов; перехода от бумажных трудовых книжек к учету сведений о работниках в электронной форме; перехода к «реестровой» модели предоставления государственных услуг в сфере лицензирования; предоставления льгот по налогу на добавленную стоимость российским предпринимателям при экспорте ИТ-услуг; цифровизации отдельных нотариальных услуг; биометрической идентификации получателей таких услуг; использования «облачной» электронной подписи; формирования и ведения федерального регистра сведений о населении; создания регуляторных песочниц в сфере цифровых инноваций; и пр.

Однако на данном этапе цифровое законодательство находится в стадии становления. Ученые говорят об «ограниченности адаптивных возможностей традиционного права применительно к цифровым технологиям, необходимости разработки на международном уровне единой юридической стратегии гражданского и интеллектуального права цифровых технологий»¹. Полагаем, что определяющую роль в направлении правовой регламентации, определении целей, задач, ориентиров, ключевых показателей цифровизации играют сейчас документы стратегического планирования и иные программно-стратегические акты.

Мониторинг законотворческой практики в сфере цифровизации свидетельствует о том, что принимаемое законодательство пока является неполным, неоднородным и недостаточно системным², основывается «на институтах, которые, по большому счету, остаются неизменными с римских времен»³. С одной стороны, законодатель не успевает за требованиями жизни, с другой стороны, при регулировании некоторых отношений допускает хаотичное нарастание объема правового массива, в том числе за счет недостаточно продуманного заимствования зарубежных концепций. Потенциал права как регулятора, оказывающего мощное воздействие на происходящие процессы, позволяет в качестве одной из первоочередных задач развития российского законодательства в условиях цифровизации выделять превентивное (опережающее) правотворчество,

¹ Sidorenko, E. L., & von Arx, P. (2020). Transformation of Law in the Context of Digitalization: Defining the correct priorities. *Digital Law Journal*, 1(1), p. 25–26.

² См. в связи с этим: Алимова Д.Р., Залоило М.В., Иванюк О.А., Пашенцев Д.А. Исторические этапы развития отечественного законодательства: от имперских традиций к цифровым новациям // Вопросы истории. 2020. № 11(2). С. 118–124.

³ Синуков В.Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна. С. 15.

рассчитанное прежде всего на своевременное и эффективное реагирование на динамично изменяющиеся в цифровой реальности общественные отношения¹. Это позволит избежать законотворческой сингулярности, с наступлением которой «законодатель (человеческий разум) окажется неспособным понять прогресс технологий, влияющих на взаимодействие человека и компьютера»².

Категорирование цифрового законодательства в отечественном правопорядке определяет особенности его развития. И хотя размышления о систематизации этого законодательства на начальной стадии его формирования могут показаться несколько преждевременным, уже сейчас следует разрабатывать прогнозы развития цифрового правового массива и выстраивать правовые модели его упорядочивания с тем, чтобы выявить и оценить возможные риски, предупредить возникновение юридических конфликтов.

Циклический характер цифрового правового массива, включение в его состав актов различной отраслевой принадлежности, юридической силы, документов стратегического планирования и прочих программных актов усложняют подготовку, согласование и принятие Цифрового кодекса. Разработка кодифицированного акта в цифровой сфере предполагает максимальное сосредоточение релевантных норм права в одном нормативном правовом акте. Поэтому при выборе такого варианта систематизации цифрового правового массива, как кодификация, остается неясным вопрос о конкретном содержательном наполнении Цифрового кодекса.

Перспективной видится систематизация циклического цифрового правового массива путем принятия системообразующего (базового) закона в этой области, а также обособления ряда структурных элементов этого массива в укрупненных нормативных правовых актах (федеральных законах) по вопросам электронного документооборота, искусственного интеллекта, цифровых прав, цифровых активов, смарт-контрактов, облачных технологий, интернета вещей, обеспечения кибербезопасности и пр. Кроме того, по мере

¹ См.: Тихомиров Ю.А. Формула правового воздействия // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 5–13; Тихомиров Ю.А. Право: момент покоя или опережающее воздействие на социальные процессы // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 5–16; Залоило М.В. Опережающий характер правотворчества и проблема синхронизации правового регулирования // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 20–29.

² Трунцевский Ю.В. Закон как код и прецизионное право в ракурсе датификации // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 1. С. 56.

возрастания объема цифрового правового массива целесообразно проведение работ по его инкорпорации¹.

Полагаем, что такой базовый закон должен:

включать в себя унифицированный понятийно-терминологический аппарат в области правовой регламентации цифровой экономики;

определять состав цифровых правоотношений (субъекты, объекты, субъективные права и обязанности), основания их возникновения, изменения и прекращения;

содержать основы правового регулирования сквозных цифровых технологий и межотраслевых изменений, связанных с цифровизацией экономики (применение реестровой модели, цифровых платформ, агрегационных сервисов, вопросы охраны тайн и персональных данных, безопасности в части информационных технологий, технологической нейтральности, совместимости и переносимости данных);

определять области применения сквозных цифровых технологий;

выстраивать иерархию правовых актов, входящих в состав цифрового правового массива;

регламентировать прогнозную составляющую «цифрового» правотворчества;

определять общие требования к экспериментальным правовым режимам, применяемым в связи с цифровизацией;

устанавливать ответственность за нарушение норм цифрового правового массива.

Наличие подобного закона, очевидно, потребует внесения изменений в уже принятое законодательство (в том числе перенесения отдельных норм действующих разрозненных федеральных законов в указанных консолидирующий законодательный акт). Одновременно не исключается принятие конкретизирующих его положения более детальных федеральных законов.

Таким образом, может быть выстроена перспективная правовая модель консолидации циклического цифрового правового массива:

документы стратегического планирования (стратегии, национальные программы, федеральные проекты и пр.);

концепции правового регулирования отношений, связанных с цифровизацией;

¹ См.: Пашенцев Д.А., Залоило М.В., Дорская А.А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. М., 2021. С. 142–144.

базовый федеральный закон об основах правового регулирования общественных отношений, связанных с цифровизацией;
федеральные законы, регулирующие отдельные аспекты цифровой экономики;
подзаконные правовые акты.

Литература

1. Sidorenko, E.L., & von Arx, P. (2020). Transformation of Law in the Context of Digitalization: Defining the correct priorities. *Digital Law Journal*, 1(1).
2. Абрамова А.И. Современные тенденции интеграции и дифференциации правового регулирования // *Журнал российского права*. 2018. № 9.
3. Алимova Д.Р., Залоило М.В., Иванюк О.А., Пашенцев Д.А. Исторические этапы развития отечественного законодательства: от имперских традиций к цифровым новациям // *Вопросы истории*. 2020. № 11(2).
4. Залоило М.В. Опережающий характер правотворчества и проблема синхронизации правового регулирования // *Журнал российского права*. 2019. № 9.
5. Залоило М.В. Циклический правовой массив как нетипичное правовое явление в условиях цифровизации // *Российское государствоведение*. 2019. № 1.
6. Пашенцев Д.А., Залоило М.В., Дорская А.А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. М., 2021.
7. Синюков В.Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // *Lex russica (Русский закон)*. 2021. Т. 74. № 2.
8. Тихомиров Ю.А. Право: момент покоя или опережающее воздействие на социальные процессы // *Журнал российского права*. 2020. № 4.
9. Тихомиров Ю.А. Формула правового воздействия // *Журнал российского права*. 2020. № 11.
10. Тонков Е.Е., Синенко В.С. Комплексные отрасли в системе права и системе законодательства // *Журнал российского права*. 2016. № 11.
11. Трунцевский Ю.В. Закон как код и прецизионное право в ракурсе датификации // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2021. Т. 17. № 1.
12. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // *Журнал российского права*. 2018. № 9.
13. Хабриева Т. Я. Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в условиях цифровизации экономики: стратегические задачи и правовые решения // *Всероссийский криминологический журнал*. 2018. № 4.
14. Хабриева Т. Я. Циклические нормативные массивы в праве // *Журнал российского права*. 2019. № 12.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ В ПУБЛИЧНЫХ ОТРАСЛЯХ РОССИЙСКОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В современном мире в условиях стремительного развития новых технологий и перехода в цифровую эпоху претерпевают трансформации все сферы общественной жизни, что неизбежно сказывается на развитии права. В связи с этим, перед юридической наукой встает важная задача теоретического обоснования происходящих в праве процессов и формулирования практических предложений по использованию их позитивного потенциала.

Систематизация является одним из способов развития права. Основными направлениями изучения систематизации законодательства в современном правоведении являются анализ ее форм, а также выявление особо важных и актуальных проблем упорядочения законодательства в различные периоды. Основная причина систематизации заложена в необходимости поддержания системности права в целом. В условиях, когда право оказалось перед вызовом современного технологического развития, нарастает потребность в систематизации всех отраслей права, в том числе, публичных.

Д.А. Пашенцев справедливо отмечает: «В современных условиях новые технологии, в том числе, цифровые, существенно меняют общественные отношения, а вслед за ними изменяется и право, причем как в содержательном, так и в формальном отношениях. Цифровизация и порождаемые ею возможности влекут за собой трансформации законотворчества, инициируют возникновение новых способов и форм систематизации законодательства»¹.

С развитием высоких технологий в начале перехода к шестому технологическому укладу жизнедеятельность человека, общества и государства претерпевает серьезные изменения². Право как универсальный регулятор общественных отношений также находится в поле воздействия высоких технологий, при этом прогнозируются

¹ Пашенцев Д.А. Предисловие // Систематизация законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию Соборного уложения): сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2020. С. 19.

² Подробнее об этом см.: Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, А.А. Дорская. М.: ИЗИСП: Норма: ИНФРА-М, 2021.

либо же начались такие процессы, как трансформация (сужение и одновременно расширение) сферы правового регулирования, появление новых субъектов и объектов права и т.п. Как отмечает М.В. Залоило: «Провозглашенная в России и многих зарубежных государствах, а также на международном уровне задача построения цифровой экономики приводит к цифровизации самого права. Цифровые технологии обусловили новации в деле упорядочения правовых норм, то есть их систематизации»¹.

В науке теории права под систематизацией понимается упорядочивание нормативных актов, приведение их в определенную систему². Такое упорядочение помогает облегчить процесс поиска необходимых норм и их применения. К видам систематизации в современных условиях относятся учет, кодификация, инкорпорация и консолидация³.

Систематизация законодательства подразумевает четыре автономные формы правовой деятельности:

— сбор, хранение и поддержание в системном виде нормативных правовых актов, а также создание автоматизированных поисковых систем, помогающих быстро находить требуемую информацию в огромном правовом массиве;

— издание сборников нормативных правовых актов конкретного уровня для использования в широких кругах;

— принятие актов на основе объединения некоторых норм, которые издаются относительно одного общего вопроса;

— переработка существующих актов, обновление и «очистка» от неактуальных норм.

Проблемы систематизации законодательства исследуются не только на общетеоретическом уровне — актуальны они и для представителей различных отраслевых юридических наук. Это объясняется тем, что именно систематизация той или иной сферы законодательного регулирования может послужить действенным механизмом ее совершенствования и поступательного развития. Эффективное правоприменение также немыслимо без упорядоченной правовой основы. В настоящее время возрастает значение

¹ Залоило М.В. Систематизация отечественного законодательства: традиции и новации в цифровую эпоху // Систематизация законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию Соборного уложения)... ИНФРА-М, 2020. С. 94.

² Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А.С. Пиголкина. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003.

³ Юртаева Е.А. Системность и систематизация в законотворчестве: теория и опыт / Е.А. Юртаева // Российская юстиция. 2010. № 4. С. 11–13.

комплексного подхода в систематизации законодательства, что вызвано укреплением межотраслевых системных связей в праве, наличием в нем комплексных образований, и обусловлено потребностью в более полном, четком и в то же время едином, комплексном регулировании определенной области социальной жизни.

Стоит отметить, что деление права на две сферы началось с античной древности — с римского права. Для российского государства не было характерно четкое разделение на частное и публичное право, особенно в XX в., когда марксистско-ленинское учение отвергало существование частного права, обосновывая это тем, что государство играло решающую роль во всех отношениях. На современном этапе развития разделение права на частное и публичное основано на двух главных критериях. Первым критерием выступает интерес. Если право защищает интересы государства — оно публичное, если интересы физических и юридических лиц — частное. Вторым критерий — наличие в публичном праве отношений власти и подчинения, определенной субординации. В частном праве отношения основаны на равенстве сторон и координации их деятельности.

В процессе исследования систематизации следует учитывать, что у публичного права есть ряд специфических признаков, а именно иерархия в отношениях между субъектами («вертикальные» правоотношения); императивность норм; нормативно-ориентированное воздействие.

Императивные нормы в публичных отраслях права не терпят вариативности толкования, следовательно, для них более характерна и необходима систематизация, в отличие от частных отраслей, где нормы носят диспозитивный характер, и их действие зависит от субъектов права. В то же время, стоит учитывать, что кодификация как высшая форма систематизации началась с частной отрасли — с гражданского права (Кодекс Наполеона 1804 г.), и именно она во многом сформировала романо-германскую правовую семью.

В условиях цифровизации всех сфер общественной жизни проявляется острая необходимость в создании источников, официально установленных государством, которые содержали бы правовую информацию, систематизированную по конкретным признакам и критериям. Существующие правовые системы, такие как «КонсультантПлюс», «Гарант», «Кодекс» содержат нормативно-правовые акты, судебную практику, различные формы договоров, научные статьи и др. Поиск информации в данных справочниках удобен, так как есть функции поиска по тексту, присутствуют отсылки на комментарии, и в целом материал в них качественно си-

стематизирован. Однако данные системы являются не верифицированными, что создает некоторые проблемы для пользователей. Официальный интернет-портал (<http://pravo.gov.ru>), признанный на государственном уровне, недостаточно удобен в использовании, вызывает затруднения в поиске информации, не содержит конкретно определенных признаков для систематизации, наличествующей в нем информации. В научных кругах признают необходимость создания официальных систематизированных баз для улучшения качества систематизации законодательства.

Более 25 лет развития российского законодательства в русле новой Конституции Российской Федерации породили огромный и сложный нормативный правовой массив¹. За это время в России не проводилось масштабных работ по систематизации. В отраслях российского права, в том числе и в публичных, образовалось большое количество материала, требующего качественной переработки.

Роль систематизации в совершенствовании законодательства, его упорядочении весьма значительна. Систематизированное законодательство помогает лучше и быстрее ориентироваться в потоке правовой информации, служит определенным гарантом качественного и полного информирования граждан о нормотворческой деятельности органов законодательной и исполнительной власти. При этом наличие крупных сводных актов ведет к сокращению раздробленной массы нормативного материала, уменьшает вероятность его многократного дублирования. К тому же в современном мире в условиях упорядоченного законодательства значительно облегчается ведение учета законодательства и решение задачи информационно-правового обмена между странами. Это особенно актуально в нынешних условиях глобализации, характеризующейся усилением взаимозависимости и взаимовлияния правовых систем разных государств; сближением содержания правового регулирования и внешних форм его выражения во многих государствах мира². Стоит отметить, что строгое соблюдение всех юридических принципов обеспечит высокое качество и эффективность систематизации в любой правовой системе общества.

Систематизацию законодательства, как, впрочем, и все законотворчество, в современных условиях невозможно представить

¹ Проблемы системы и систематизации законодательства: сборник статей / Под ред. В.Б. Исакова и Е.Н. Салыгина. М.: ИД «Юриспруденция», 2018. С. 9.

² Пашенцев Д.А. Российская правовая традиция перед вызовом глобализации // Юридическая наука. 2016. № 1. С. 29.

без использования автоматизированных технологий и справочно-информационных систем по законодательству. Новейшие электронные технологии позволяют значительно ускорить и облегчить эту работу. Все это обуславливает необходимость исследования современных методов компьютерной систематизации. Также в специальном исследовании нуждается и зарубежный опыт систематизации нормативного массива.

Таким образом, новая цифровая реальность не отменяет потребность в систематизации, но предъявляет новые требования к ее качеству и формам. Вместе с тем, современные технологии позволяют модернизировать сам механизм систематизации, сделать его более эффективным, соответствующим потребностям эпохи и задачам правового развития.

Литература

1. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских, А.И. Алексеева, Л.П. Ануфриева, В.В. Бойцова и др. М.: Норма, 2000.
2. Залоило М.В. Систематизация отечественного законодательства: традиции и новации в цифровую эпоху // Систематизация законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию Соборного уложения): сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2020.
3. Пашенцев Д.А. Предисловие // Систематизация законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию Соборного уложения): сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2020.
4. Пашенцев Д.А. Российская правовая традиция перед вызовом глобализации // Юридическая наука. 2016. № 1.
5. Проблемы системы и систематизации законодательства: сборник статей / Под ред. В.Б. Исакова и Е.Н. Салыгина. М.: ИД «Юриспруденция», 2018.
6. Систематизация законодательства в Российской Федерации / А.И. Абрамова, А.В. Мицкевич, А.С. Пиголкин [и др.]; под ред. А.С. Пиголкина. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003.
7. Юртаева Е.А. Системность и систематизация в законотворчестве: теория и опыт // Российская юстиция. 2010. № 4.
8. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, А.А. Дорская. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2021.

**ТРАЕКТОРИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СЕМЕЙНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОБЗОР СПУСТЯ ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА**

Семейный кодекс Российской Федерации (далее — СК РФ) характеризуется относительной стабильностью, поскольку за двадцать пять лет действия в него «всего лишь» 43 раза были внесены изменения и (или) дополнения. Справедливости ради отметим, что значительная часть изменений имеют характер редакционных и технических. В то же время некоторые коррективы демонстрируют принципиально иную позицию государства относительно механизма правового регулирования семейных отношений на федеральном уровне. Семейное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, что позволяет расширить палитру семейного законодательства в целом, выявить и проанализировать тенденции его формирования в контексте развития национального законодательства. В рамках настоящей статьи мы обратим внимание исключительно на СК РФ, предпосылки, содержание и правовые последствия внесения в его нормы изменений и дополнений.

На современном этапе развития системы российского законодательства вопрос совершенствования семейного законодательства впервые был обозначен в Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 — 2017 гг., утвержденной указом Президента РФ 1 июня 2012 г. Во исполнение данного документа при Координационном совете при Президенте РФ по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей была создана временная рабочая группа по совершенствованию семейного законодательства Российской Федерации. Некоторые из разработанных группой предложений нашли отражение в принятых законах по внесению изменений в СК РФ и другие законодательные акты. Работу по совершенствованию СК РФ вряд ли можно признать системной, однако определенные тенденции можно выявить и обозначить.

В первую очередь, безусловно, следует указать на изменение предмета семейно-правового регулирования посредством его расширения: во-первых, провозглашено, что семейное законодательство отныне дополнительно к ранее обозначенному устанавливает порядок осуществления и защиты семейных прав; во-вторых, определяет порядок выявления детей, оставшихся без попечения родителей, и, в-третьих, законодатель отметил, что при

сохранении приоритета семейного воспитания также определяются формы и порядок временного устройства детей, в том числе и в организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей¹.

На наш взгляд, это вполне обоснованная корректировка предмета семейного права и семейного законодательства. Даже при всем уважении к продолжающейся дискуссии о соотношении гражданского и семейного права по критерию отраслевой самостоятельности безапелляционно можно утверждать о специфике осуществления и защиты семейных прав. Классика цивилистики отражена в ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ): «Граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права *своей волей и в своем интересе* (курсив мой — О.И.)». В семейных же правоотношениях это объективно невозможно, в частности применительно к правоотношениям между родителями и детьми законодатель устанавливает принцип приоритета интересов детей: «Родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей» (ст. 65 СК РФ); «Родители не вправе представлять интересы своих детей, если органом опеки и попечительства установлено, что между интересами родителей и детей имеются противоречия» (ст. 64 СК РФ).

Защита семейных прав также сопровождается применением специальных правил, например, на требования, вытекающие из семейных отношений, исковая давность не распространяется, за исключением случаев, если срок для защиты нарушенного права установлен СК РФ (ст. 9 СК РФ).

Следующая траектория совершенствования СК РФ четко прослеживается в плоскости правоотношений между родителями и детьми.

Так, ст. 65 СК РФ была дополнена пунктом 4 следующего содержания: «при осуществлении родительских прав родители (лица, их заменяющие) имеют право на оказание им содействия в предоставлении семье медицинской, психологической, педагогической, юридической, социальной помощи. Условия и порядок оказания содействия в предоставлении указанной помощи определяются законодательством Российской Федерации о социальном обслуживании».

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и статью 256 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 30.12.2015 № 457-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс».

Представляется, что тем самым законодатель стер существовавшую ранее четкую грань между семейным и так называемым социальным законодательством, распространив действие законодательства о социальном обслуживании на семейные отношения по воспитанию детей. С одной стороны, при необходимости родители могут получить содействие, это хорошо. Но, с другой стороны, государство тем самым снимает с родителей определенную часть ответственности за воспитание своих детей, что вряд ли следует признать прогрессивной новеллой.

Разделяя с родителями ответственность за воспитание и содержание детей, государство инициирует и изменение метода регулирования отношений по осуществлению родительских прав несовершеннолетними родителями. Диспозитивный характер правила сменяется на императив: «До достижения несовершеннолетними родителями возраста шестнадцати лет их ребенку *назначается* (курсив мой — О.И.) опекун, который осуществляет его воспитание совместно с несовершеннолетними родителями ребенка» (ст. 62 СК РФ).

Представляется, что логическим завершением данной траектории явилась ст. 67.1 Конституции Российской Федерации, в которой провозглашены принципы публичной ответственности за воспитание детей: «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения»¹.

В качестве самостоятельного направления можно отметить попытку законодателя ограничить фантазию родителей при присвоении ребенку имени и фамилии². На наш взгляд, это действительно лишь попытка, поскольку объективно невозможно императивным

¹ Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М.: Норма: ИНФРА-М, 2020.

² Федеральный закон «О внесении изменений в статью 58 Семейного кодекса Российской Федерации и статью 18 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» от 01.05.2017 № 94-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс».

образом установить запрет на присвоение ребенку определенного имени и (или) фамилии. Однако в то же время законодатель принял превентивную меру для ограничения злоупотребления родителями своими правами и интересом, что не может быть оставлено без внимания при историческом экскурсе.

Самостоятельной траекторией является совершенствование норм СК РФ, регулирующих отношения по предоставлению содержания (алиментные обязательства).

Во-первых, законодатель упорядочил механизм исчисления неустойки при образовании задолженности по вине лица, обязанного уплачивать алименты, в том числе освобождения от уплаты задолженности по алиментам и (или) задолженности по уплате неустойки за несвоевременную уплату алиментов (ст. 114, 115 СК РФ).

Во-вторых, реформирование законодательства о пенсионном обеспечении нашло отражение и в новеллах СК РФ. Так, ст. 169 СК РФ была дополнена пунктом 8 следующего содержания: «Право нетрудоспособных совершеннолетних лиц, нуждающихся в помощи, а также право нуждающегося в помощи бывшего супруга, достигшего пенсионного возраста (статьи 85, 87, 89, 90, 93 — 97 настоящего Кодекса), на алименты распространяется в том числе на лиц, достигших возраста 55 лет (для женщин), 60 лет (для мужчин)».

В-третьих, достаточно серьезным с точки зрения возможных обязательств для родителей (одного из них) является шаг законодателя по внесению изменений в ст. 86 СК РФ¹. Если в прежней редакции перечислялись несколько обстоятельств, подлежащих учету при решении судом вопроса об участии родителей в несении дополнительных расходов на ребенка и перечень сохранял при этом открытый характер, то в действующей редакции дополнен именно перечень обстоятельств. Это означает, что при отсутствии пригодного для постоянного проживания (ребенка — О.И.) жилого помещения суд может учесть данное обстоятельство и обязать родителей (одного из них) к несению дополнительных расходов. Будет это только оплата жилья по договору найма или же расходы, связанные с приобретением жилья в собственность, — остается лишь предполагать, каким образом определит свою позицию правоприменитель.

В течение последних нескольких лет ярко проявляется траектория не просто вкрапления, а практически полного применения

¹ Федеральный закон «О внесении изменения в статью 86 Семейного кодекса Российской Федерации» от 06.02.2020 № 10-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

некоторых институтов гражданского права в семейных отношениях. Конечно же, прежде всего это касается имущественных отношений между супругами: брачный договор, соглашение о разделе общего имущества супругов, процедуры банкротства и обеспечение прав и интересов членов семьи не только потенциального банкрота, но и членов семьи кредиторов. В связи с этим законодатель явно не ограничится установлением нотариальной формы соглашения о разделе общего имущества супругов¹, введением в практику совместного завещания супругов² и другими новшествами, имеющими в настоящее время статус законопроекта³.

Заметим, что дважды за период действия СК РФ изменения были инициированы Конституционным Судом РФ, и оба постановления касались норм, регламентирующих усыновление (удочерение) детей. Так, постановлением Конституционного Суда РФ от 31.01.2014 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Аникиева» указанный абзац был признан не соответствующим Конституции РФ в той мере, «в какой предусмотренный им запрет на усыновление детей распространяется на лиц, имевших судимость за указанные в данном законоположении преступления (за исключением относящихся к категориям тяжких и особо тяжких преступлений, а также преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности независимо от степени тяжести), либо лиц, уголовное преследование в отношении которых в связи с преступлениями, не относящимися к категориям тяжких и особо тяжких, а также преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы личности, было прекращено по нереабилитирующим основаниям, — постольку, поскольку в силу безусловного характера данного запрета суд при рассмотрении дел об установлении усыновления, в том числе в случаях, когда потенциальный усыновитель (при наличии фактически сложившихся между ним и ребенком отношений и с учетом характера совершенного им или

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.12.2015 № 391-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» от 19.07.2018 № 217-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

³ Законопроект № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7>.

вменявшегося ему деяния) способен обеспечить полноценное физическое, духовное и нравственное развитие усыновляемого ребенка без риска подвергнуть опасности его психику и здоровье, не правомочен принимать во внимание обстоятельства совершенного преступления, срок, прошедший с момента его совершения, форму вины, обстоятельства, характеризующие личность, в том числе поведение лица после совершения преступления, а также иные существенные для дела обстоятельства».

Постановлением Конституционного Суда РФ от 20.06.2018 г. № № 25-П «По делу о проверке конституционности подпункта 6 пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью, в связи с жалобой гражданина К.С. и гражданки Р.С. » указанные положения также были признаны не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой они — по смыслу, придаваемому им в системе действующего правового регулирования судебной практикой, — служат основанием для отказа лицу, инфицированному вирусом иммунодефицита человека и (или) вирусом гепатита С, в усыновлении (удочерении) ребенка, который в силу уже сложившихся семейных отношений проживает с этим лицом, если из установленных судом обстоятельств в их совокупности следует, что усыновление позволяет юридически оформить эти отношения и отвечает интересам ребенка».

Действительно, весьма распространенной является ситуация, когда потенциальный усыновитель, как правило, это мужчина, проживает с матерью ребенка, последний считает его родителем, о чем свидетельствуют и сложившиеся длительные отношения между ними, и характер поведения потенциального усыновителя. В связи с этим формальное препятствие, предусмотренное ст. 127 СК РФ, не только не соответствует, но и противоречит интересам ребенка при оценке судом совокупности всех обстоятельств.

Кстати, необходимо отметить, что позиция Конституционного Суда РФ имеет значение для формирования правоприменительной практики, в том числе и в контексте правильного толкования положений иных законодательных актов, регулирующих семейные и смежные с ними отношения.

В частности, в постановлении Конституционного Суда РФ от 16.06.2015 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского со-

стояния» в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущиной» представлено толкование положений закона о тайне усыновления. Соответствующие нормы не противоречат Конституции РФ, поскольку «по своему конституционно-правовому смыслу эти положения не препятствуют предоставлению по решению суда потомкам усыновленного после смерти усыновленного и усыновителей сведений об усыновлении в объеме, необходимом для реализации ими своих конституционных прав и обеспечивающем поддержание баланса конституционно защищаемых ценностей, а также прав и законных интересов участников соответствующих правоотношений».

Предмет семейно-правового регулирования, обозначенный в ст. 2 СК РФ, включает отношения только между усыновителем и усыновленным, соответственно, тайна усыновления имеет некий период охраны, соотносимый с периодом продолжительности правоотношений непосредственно между усыновителем и усыновленным.

И еще одно постановление Конституционного Суда РФ, которым не поставлено под сомнение ни одно из положений главы 12 СК РФ, но, на наш взгляд, это должно стать катализатором изменения правил осуществления родительских прав родителями при раздельном проживании одного из них и ребенка. Постановлением от 25.06.2020 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 21 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина И.В. Николаенко» Конституционный Суд РФ признал не соответствующими Конституции РФ указанные законоположения в той мере, «в какой по смыслу, придаваемому данной норме правоприменительной практикой, она, допуская решение судом вопроса о возможности выезда несовершеннолетнего за пределы Российской Федерации в сопровождении одного из родителей лишь в отношении конкретной поездки (в определенное государство и в определенный период) и тем более действуя в системе правового регулирования, исключая решение этого вопроса во внесудебной процедуре в случае достижения родителями взаимного согласия, в полной мере применяется и к тому из родителей, с которым на законных основаниях постоянно проживает ребенок и который ранее в установленной процедуре заявил о своей несогласии на такой выезд».

Ранее мы уже указывали на положения Конституции, содержащие принципы государственной политики по воспитанию детей. В то же время нельзя не отметить и иные новшества Кон-

ституции РФ, которые уже повлекли¹ или еще только повлекут за собой работу по приведению норм СК РФ в соответствие с нормами Конституции РФ.

Представляется, что предложенный в настоящей статье обзор основных траекторий (направлений) и тенденций внесения изменений и дополнений в Семейный кодекс Российской Федерации в течение двадцати пяти лет позволяет сделать вполне позитивные выводы, свидетельствующие об эффективности реализации государственной семейной политики, в том числе совершенствования законодательства.

Литература

1. Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М.: Норма: ИНФРА-М, 2020.

---

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 6 и 165 Семейного кодекса Российской Федерации» от 04.02.2021 № 5-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

КОДИФИКАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

Любое государство стремится к стабильности, в том числе и стабильности в области функционирования законодательства. В целях создания системы законов, устранения неэффективных норм, коллизий и пробелов, нормотворческим органом проводятся ряд мероприятий, получивших название систематизация. По мнению Н.А. Власенко, систематизация – это упорядочивание действующих законов и иных нормативных актов (приведение юридических норм в согласованную систему)¹.

Одним из видов систематизации является кодификация. Кодификация представляет собой разновидность юридической деятельности, направленной на укрупнение, объединение нормативных актов с целью эффективного правового регулирования общественных отношений.

Согласно толковому словарю Т. Ефремовой «кодификация» означает систематизацию законов в зависимости от определенной отрасли (обычно путем отмены устаревших, либо принятия новых актов)². В толковом словаре Д.Н. Ушакова «кодификация» понимается как деятельность, направленная на создание нового акта, в основе которого единое систематическое целое (например, кодекс)³.

Н.А. Власенко считает, что кодификация — это «способ правотворчества, наиболее сложный и ответственный вид систематизации законодательства»⁴. В.М. Баранов, В.Н. Карташов под кодификацией определяют разновидность юридической практики (правосистематизирующего правотворчества), целью которого является единый, внутренне и внешне согласованный акт, путем переработки и упорядочения существующего законодательства⁵. По мнению

¹ Власенко Н.А. Теория государства и права. М., 2015. С. 176.

² Толковый словарь под ред. Т. Ефремовой [Электронный ресурс] URL: <https://www.efremova.info/word/kodifikatsija.html#.Xv8mxSgzIU> (дата обращения 03.02.2020).

³ Толковый словарь под ред. Д.Н. Ушакова [Электронный ресурс] URL: <https://slovar.cc/rus/ushakov/406111.html> (дата обращения 03.02.2020).

⁴ Власенко Н.А. Теория государства и права. М., 2015. С. 177.

⁵ Баранов В.М. Систематизация и кодификация нормативно-правовых актов. Н. Новгород, 1998. 96 с.; Карташов В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. Ч. 5: Правосистематизирующая практика. Ярославль, 1999; Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: В 2 т. Ярославль, 2005. Т. 1. Гл. 16. 225 с.

С. С. Алексеева кодифицированные акты представляют собой разновидность специальных актов, результат правотворчества, нормативные обобщения, вид общих норм¹.

Рассмотрим критерии создания новых кодифицированных актов. Т. Н. Рахманина определила такие критерии создания комплексного кодификационного акта, как: 1) существование крупной области общественной жизни, включающей разнородные общественные отношения; 2) целенаправленная деятельность по регулированию новых отношений; 3) необходимость одновременного регулирования нескольких областей общественной жизни; 4) потребность в более детальном урегулировании общественных отношений². По мнению В.М. Баранова, «кодификация направлена на установление новых норм, имеющих целью удовлетворение новых потребностей общественной практики в правовом регулировании общественных отношений»³. На практике встречаются случаи, когда кодифицированный акт не имеет названия «кодекс», но по своему содержанию имеет все признаки кодифицированного акта. Например, пакет из трех законов о стимулировании компаний, задействованных в реализации национальных проектов⁴ негласно был назван «инвестиционным кодексом»⁵.

По мнению С. В. Полениной и Н.В. Сильченко, к числу главных критериев кодификационных актов относят: а) внутренняя целостность и согласованность; б) стабильность и устойчивость содержащихся в них норм; в) широкий круг регулируемых ими отношений⁶.

Кодифицированные акты призваны объединить нормативные акты по определенным критериям. Представляется необходимым выработать данные критерии кодификации нормативных актов. Также особую значимость представляют собой пределы кодифи-

¹ Алексеев С. С. Собрание сочинений. Том 3: Проблемы теории права: Курс лекций. М., 2010. 781 с.

² Рахманина Т. Н. Актуальные вопросы кодификации Российского законодательства // Журнал российского права. 2008. № 4. С. 30–39.

³ Баранов В.М. Систематизация и кодификация нормативно-правовых актов: Лекция. Н. Новгород, 1998. С. 64.

⁴ О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации: Федеральный закон от 01.04.2020 № 69-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 6 апреля 2020 г. № 14 (часть I) ст. 1999.

⁵ Замахина Т. Госдума приняла «инвестиционный кодекс» // Российская газета. 19.03.2020. URL: <https://rg.ru/2020/03/19/gosduma-priniala-investicionnyj-kodeks.html> (дата обращения: 03.02.2020).

⁶ Поленина С. В., Сильченко Н.В. Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР. М., 1987. С. 69.

кации. Предполагается, что пределы кодификации будут ограничиваться сферой правового регулирования.

Представляет интерес мнение Н.С. Караниной¹, которая предлагает на федеральном уровне по вопросам исключительного ведения Российской Федерации принимать Кодексы, по вопросам совместного ведения субъектов и РФ — основы законодательства, в комплексных отраслях, институтах, подинститутах ограничиться совокупностью федеральных законов. В свете данной точки зрения представляет особый интерес статус стратегических актов как национальные проекты.

Национальные проекты являются базовыми, общими актами, определяющие направления правового регулирования в определенной сфере. 7 мая 2018 года Президент России В.В. Путин подписал указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», создав фундамент для реализации национальных проектов в России.

В данном указе определены главные направления, по которым должны быть разработаны национальные проекты (программы) (далее — НП). Всего их 12: демография; здравоохранение; образование; жилье и городская среда; экология; безопасные и качественные автодороги; производительность труда и поддержка занятости; наука; цифровая экономика; культура; малый и средний бизнес и поддержка индивидуального предпринимательства; международная кооперация и экспорт. Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 г. был утвержден распоряжением Правительства от 30 сентября 2018 г. №2101-р. На ежегодных заседаниях Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам руководители и кураторы НП представляют свои отчеты о реализации программы.

Правовой статус национальных проектов в юридической литературе до конца не определен. Основная часть исследований принадлежит экономическим и политическим наукам. Но это никак не умаляет статус юридической науки, а наоборот, является по-

¹ Каранина Н.С. «Статус» кодекса (к вопросу о теории и практике правовых основ кодификации) // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25–26 сентября 2008 г.). Нижний Новгород: Нижегородская акад. МВД России, 2009. С. 282–292.

водом для изучения «национальных проектов» с точки зрения юриспруденции, юридической техники¹.

В литературе встречаются отдельные попытки изучения стратегических документов в правовой системе Российской Федерации (М.А. Мушинский). Национальные проекты являются политико-идеологическими источниками права, в соответствие с которыми разрабатываются и принимаются соподчиненные акты: федеральные, региональные, подзаконные акты и целевые программы².

Д.В. Ирошников и С. В. Нестеров предпринимали попытки сравнения понятий «доктрина», «концепция», «стратегия», а так же провели классификации концептуальных и доктринальных документов по различным основаниям³. Пономарев А.И. описывал предпосылки появления «документов целеполагания» через процесс изменения традиционных значений доктринальных источников в правовой системе Российской Федерации⁴. Акты государственного стратегического планирования в основном рассматриваются представителями конституционного права в свете изучения статуса Президента РФ, указного правотворчества, посланий Президента РФ Федеральному Собранию.

По нашему мнению, к юридическому критерию кодификации национальных проектов можно отнести переработку норм по объекту, предмету и методу правового регулирования. Также возможна кодификация национальных проектов по политическому критерию — в зависимости от желания законодателя урегулировать новые, наиболее важные, по его мнению, общественные отношения.

Представляется перспективным проведение переработки национальных проектов с целью кодификации и упорядочивания юридических норм. Систематизация национальных проектов позволит устранить противоречия в федеральном и региональном законодательстве, будет основой для применения единого и согласованного правового акта. Кодификация национальных проектов станет основой для эффективной государственной политики.

¹ Залоило М.В. Стратегическое планирование в обеспечении эффективности правотворчества // Журнал российского права. 2018. № 4. С. 43–53.

² Мушинский М.А. Стратегии, концепции, доктрины в правовой системе российской федерации: проблемы статуса, юридической техники и соотношения друг с другом // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 488–499.

³ Ирошников Д.В., Нестеров С. В. Понятие и классификация концептуальных и доктринальных документов Российской Федерации // Правовая инициатива. 2013. № 7. С. 7–8.

⁴ Пономарев А.И. Документы целеполагания в правовой системе России // Военное право. 2019. № 2 (54). С. 50–58.

Литература

1. Алексеев С. С. Собрание сочинений. Том 3: Проблемы теории права: Курс лекций. М., 2010.
2. Баранов В.М. Систематизация и кодификация нормативно-правовых актов. Н. Новгород, 1998.
3. Власенко Н.А. Теория государства и права. М., 2015.
4. Залоило М.В. Стратегическое планирование в обеспечении эффективности правотворчества // Журнал российского права. 2018. № 4.
5. Ирошников Д.В., Нестеров С. В. Понятие и классификация концептуальных и доктринальных документов Российской Федерации // Правовая инициатива. 2013. № 7.
6. Каранина Н.С. «Статус» кодекса (к вопросу о теории и практике правовых основ кодификации) // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25–26 сентября 2008 г.) Нижний Новгород: Нижегородская акад. МВД России, 2009.
7. Карташов В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. Ч. 5: Правосистематизирующая практика. Ярославль, 1999.
8. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: В 2 т. Ярославль, 2005.
9. Мушинский М.А. Стратегии, концепции, доктрины в правовой системе российской федерации: проблемы статуса, юридической техники и соотношения друг с другом // Юридическая техника. 2015. № 9.
10. Поленина С. В., Сильченко Н.В. Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР. М., 1987.
11. Пономарев А.И. Документы целеполагания в правовой системе России // Военное право. 2019. № 2 (54).
12. Рахманина Т. Н. Актуальные вопросы кодификации Российского законодательства // Журнал российского права. 2008. № 4.
13. Сильченко Н.В. Кодификационные акты и их виды // Советское государство и право. 1980. № 10.

**ЛОКАЛЬНЫЕ НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ В СИСТЕМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

На сегодняшний день разработка системного подхода к локальному нормотворчеству является одной из актуальных задач для образовательных организаций системы общего образования. Принятие Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — Закон об образовании) поставило на повестку дня вопрос об определении правосубъектности образовательных организаций. В этой связи грамотный подход к выработке локальных нормативных актов приобрел особое значение¹.

Как известно, правовое обеспечение деятельности образовательных организаций носит многоуровневый характер. Выделяют следующие уровни:

1) Федеральный уровень. К нему относятся федеральные законы, указы Президента РФ, постановления Правительства РФ и нормативные правовые акты отраслевых органов исполнительной власти, прежде всего Министерства просвещения РФ.

2) Региональный уровень. Это уровень субъекта Российской Федерации.

3) Уровень образовательной организации. В соответствии со ст. 28 Закона об образовании к компетенции образовательной организации в установленной сфере деятельности относятся: разработка и принятие правил внутреннего распорядка обучающихся, правил внутреннего трудового распорядка, иных локальных нормативных актов.

Возможность принятия образовательной организацией локальных актов предусмотрена также ч. 2 ст. 30 Закона об образовании. В ней прямо указано, что основные вопросы организации и осуществления образовательной деятельности: правила приема обучающихся; режим занятий обучающихся; формы, периодичность и порядок текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации обучающихся; порядок и основания перевода, отчисления и восстановления обучающихся; порядок оформления возникновения, приостановления и прекращения отношений между образовательной организацией и обучающимися и (или) родителями

¹ Ладнушкина Н.М., Пашенцев Д.А., Феклин С. И. Правовое регулирование государственного контроля качества образования. М.: МГПУ, 2020. С. 7–8.

(законными представителями) несовершеннолетних обучающихся должны быть урегулированы локальными актами образовательной организации, которые имеют характер нормативных, то есть обязательных для всех участников образовательных отношений.

Помимо обязательных образовательная организация по своему усмотрению для регулирования тех или иных отношений в пределах своей компетенции может принять иные локальные акты. К ним относятся приказы, инструкции, положения, постановления, правила.

Таким образом, локальные нормативные акты занимают низшую ступень подзаконных нормативных правовых актов и в соответствии с порядком иерархической подчиненности не могут противоречить правовым актам вышестоящих уровней. Вместе с тем роль локальных нормативных актов чрезвычайно важна. Именно они призваны детализировать, конкретизировать, дополнять, а иногда и восполнять общие правовые нормы¹. В этой связи можно говорить о действии локальных актов применительно к условиям конкретной образовательной организации.

Основными принципами при разработке локальных актов, на наш взгляд, являются следующие: необходимость; законность; системность.

Локальные нормативные акты образовательной организации не должны создаваться стихийно и иметь разрозненный характер. Напротив, их положения должны быть полностью логически взаимосвязаны и непротиворечивы и, что самое главное, в комплексе соответствовать целям и задачам внутреннего развития, отражать специфику образовательного учреждения.

Создавая систему локальных актов, образовательная организация не вправе выходить за пределы своих полномочий и регулировать те вопросы, которые не относятся к ее компетенции. Важно избегать дублирования в локальных актах федеральных норм, так как, по сути, это является нарушением законодательства.

Особое внимание при создании системы локальных актов необходимо уделить порядку их разработки, утверждения и изменения. Часть 1 ст. 30 Закона об образовании следующим образом опре-

¹ Вопросы иерархической подчиненности актов применительно к конкретным условиям, целям и задачам правового развития были рассмотрены в юридической литературе, см., например: Залонило М.В. Понятие и формы конкретизации юридических норм. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2011; Его же. Правоприменительная конкретизация юридических норм // Журнал российского права. 2012. № 8. С. 50–56 и др.

деляет данный порядок: «Образовательная организация принимает локальные нормативные акты, содержащие нормы, регулирующие образовательные отношения (далее — локальные нормативные акты), в пределах своей компетенции в соответствии с законодательством Российской Федерации в порядке, установленном ее уставом». В соответствии с данной нормой Закона Устав является основополагающим документом для формирования правового поля деятельности образовательных учреждений. И в нем обязательно должен найти отражение механизм рассмотрения, согласования, принятия, утверждения локального акта, внесения в него изменений и дополнений, прекращения его действия. Иными словами, оценить правомерность принятия того или иного локального акта можно только обратившись к Уставу.

Как следует из ч. 3 ст. 30 Федерального закона № 273-ФЗ, при принятии локальных нормативных актов, затрагивающих права обучающихся образовательной организации, учитывается мнение советов родителей обучающихся. То, что мнение учтено должен доказывать принятый локальный нормативный акт, на котором указывается дата согласительного совещания, реквизиты протокола, фиксирующего ход и подпись уполномоченного лица.

В соответствии с ч. 4 ст. 30 Федерального закона № 273-ФЗ, нормы локальных нормативных актов, ухудшающие положение обучающихся образовательной организации по сравнению с установленным законодательством об образовании положением либо принятые с нарушением установленного порядка, не применяются и подлежат отмене образовательной организацией.

Руководителям образовательных организаций нужно провести полный аудит всей документации, в том числе правоустанавливающих и локальных актов, и привести их в соответствие с законодательством. В противном случае образовательная организация несет серьезные риски юридической ответственности за нарушение требований к организации и осуществлению образовательной деятельности, нарушение или незаконное ограничение права на образование и предусмотренных законодательством об образовании прав и свобод обучающихся, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся.

Литература

1. Асмолов, А.Г. Закон «Об образовании» в сетевом столетии: от образования для всех — к образованию для каждого / А.Г. Асмолов // Образовательная политика. 2012. № 1.

2. Бердашкевич А.П. Что принесет новый закон в школу? / А.П. Бердашкевич // Народное образование. 2012. № 10.
3. Вавилова А.А. Изменение правового регулирования в сфере образования / А.А. Вавилова // Справочник руководителя образовательного учреждения. 2013. № 2.
4. Волкова Н.С. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» / Н.С. Волкова, Ю.А. Дмитриев, др.. М.: Деловой двор, 2013.
5. Залоило М.В. Понятие и формы конкретизации юридических норм. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2011.
6. Залоило М.В. Правоприменительная конкретизация юридических норм // Журнал российского права. 2012. № 8.
7. Ладнушкина Н.М., Пашенцев Д.А., Феклин С. И. Правовое регулирование государственного контроля качества образования. М.: МГПУ, 2020.

**ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ**

Под систематизацией законодательства понимают приведение нормативных актов в единую структурированную систему.

В современной Франции целенаправленная работа по систематизации законодательства началась только после завершения Второй мировой войны, когда в 1948 г. при премьер-министре страны была создана Высшая комиссия по проведению кодификации и упрощению законов и нормативных актов. Необходимо отметить, что понятие кодификации, как формы систематизации, трактуется во Франции двояко. Узкое понимание кодификации предполагает «создание консолидированного акта, регулирующего определенную сферу общественных отношений»¹. Классическим примером подобной кодификации являлись создание при Наполеоне единого кодифицированного права (гражданского, уголовного, торгового и др.). Широкая кодификация предполагает объединение в единый документ нормативных актов, которые регулируют однородные общественные отношения без пересмотра законодательства. В качестве примера можно привести французский Избирательный кодекс 1956 г.

Анализируя проблематику систематизации французского законодательства необходимо отметить, что в конституционном праве принят термин «конституционный блок», который определяется как совокупность нормативных актов, сформированных Конституцией 4 октября 1958 г., и текстов на которые ссылается ее Преамбула — Декларация прав человека и гражданина 1789 г., преамбула Конституции 1946 г. и основные принципы, признанные законами Республики, а также Экологическая хартия. Именно на основании этих норм Конституционный совет оценивает соответствие законов Конституции (статьи 61 и 61-1 С)².

Можно ли считать французский конституционный блок систематизацией законодательства?

Для того чтобы ответить на этот вопрос необходимо проанализировать сущностные причины появления данного понятия во французской юриспруденции.

¹ Пилипенко А.Н. Классификация и систематизация законодательства Франции // Журнал российского права. 2001. № 9. С. 111.

² См.: Avril P., Gicquel J. Lexique de droit constitutionnel. Paris: PUF, 2016. P. 16.

Для современной французской политико-правовой доктрины аксиоматично, что любой правопорядок имеет иерархическую структуру. Основы подобной структуризации заложил Э.-Ж. Сийес, который утверждал, что конституционные законы или основные законы принимает сама нация, через своих представителей в учредительном собрании, тем самым выражая волю нации¹. Таким образом, было проведено разграничение между конституционным и обычным законодательством.

В начале XX в. Л. Дюги, ссылаясь на Э.-Ж. Сийеса, обосновал «существование реальной иерархии законов», разделяя их на жесткие и обычные. К первым он причислял Декларации прав, которые являются «высшим законом, превосходящим все остальные» и конституционные законы. Ко вторым — обычные законы. Вся структура построена на отсутствии внутренних противоречий между нормативными актами. Л. Дюги также подчеркивал, что подобная иерархизированная система защищает личность от законодательного произвола, но при условии хорошо организованной судебной системы².

Ф. Амон и М. Тропер отмечают, что Конституция устанавливает эту иерархию, определяя условия для принятия и обоснованности различных нормативно-правовых актов. Иерархия имеет два важных последствия: любая норма действительна только в том случае, если она соответствует более высокой норме, а в случае коллизии между ними судья должен отдавать предпочтение той, которая занимает более высокую ступень. Кроме того, нормы права могут быть изменены только на основе нормативно-правового акта равного или более высокого уровня в соответствии с конкретной процедурой³.

В настоящее время в современном французском праве выделяют четыре группы нормативно-правовых актов, подчиненных друг другу и имеющих каждый свой особый статус: нормы конституционного блока, международные договоры и соглашения, законы и подзаконные акты.

Все эти группы включают совокупность нормативно-правовых актов. Что касается конституционного блока, то определяющую роль в его формировании принадлежит Конституционному совету

¹ См.: Сийес Э.-Ж. Что такое Третье сословие? СПб.: Голос, 1905. С. 44–45.

² Duguit L. Traité de droit constitutionnel. T. 3. 2-e éd. Paris: Ancienne librairie Fontemoing & C, 1923. P. 641.

³ См.: Hamon F., Troper M. Droit constitutionnel. 36-e éd. Paris: LGDJ, 2015. P. 663. 830 p.

Франции, который контролирует соответствие законов Конституции.

Изначально, в соответствии с Конституцией 1958 г. Конституционный совет создавался как инструмент рационализированного парламентаризма. Он осуществляет контроль за регулярностью проведения национальных выборов (ст. 58 и 59) и проведения референдумов (ст. 60), о соответствии органических законов, до их промульгации, конституционным нормам (ст. 61) и т.д. Положение Конституционного совета изменилось в 1971 г., когда, по замечанию Б. Шантебу, началось построение конституционного прецедентного права¹. В своем решении от 16 июля 1971 г. Конституционный совет объявил не соответствующим Конституции закон, направленный на усиление контроля над ассоциациями. При этом он относил свободу ассоциации к числу «основополагающих принципов, признаваемых законами Республики», упомянутых в преамбуле Конституции 1946 г. и «торжественно подтвержденных Конституцией».

Это решение имело решающее значение. Во-первых, оно привело к количественному увеличению нормативных актов, составляющих конституционный блок. «Контроль за соблюдением» уже не ограничивается положениями в строгом смысле Конституции. Он уже включал Преамбулу и, соответственно, Декларацию 1789 г. и Преамбулу Конституции 1946 г., а также основные принципы, признанные законами Республики. Во-вторых, до 1971 г. Конституционный совет проверял только «внешнюю законность». Теперь он перешел на путь внутреннего контроля, который охватывал содержание закона.

С самого начала в своем решении от 16 июля 1971 г. Конституционный совет широко определил нормы, которые имели при Пятой республике, помимо самой Конституции, конституционное значение и в отношении которых должен был осуществляться его контроль над обычными законами. Подобная широкая трактовка вызвала критику, поскольку право ссылаться на «фундаментальные принципы, признанные законами Республики» не имело ограничений. Конституционный совет обратил внимание на эту критику, используя как можно меньше этих принципов.

Итак, французский конституционный блок, сформированный благодаря решениям Конституционного совета имеет превосходство над другими правовыми нормами, что обеспечивается контролем конституционности последних. Однако конституци-

¹ См.: Chantebout B. Droit constitutionnel. 30-e éd. Paris: Sirey, 2013. P. 602.

онный блок нельзя безоговорочно считать систематизацией французского законодательства, поскольку он не отвечает важному критерию: элементы, входящие в его структуру, однопорядковые, они не имеют определенной иерархии, отсутствуют согласованность и соподчиненность.

В тоже время, в деятельности Конституционного совета отмечают «некоторые тенденции на выявление иерархии правовых норм, образующих конституционный блок»¹, о чем свидетельствуют, например, его решение от 27 декабря 1973 г. о признании неконституционными ряда положений бюджетного закона на 1974 г.

Подчеркнем, что во французской доктрине термин «конституционный блок» применяется не только к массиву современных конституционных актов. М. Морабито объединяет в конституционный блок Конституцию Французской республики от 22 февраля VIII г. (13 декабря 1799 г.) и два Органических Сенатус-консульта от 16 термидора X г. (4 августа 1802 г.) и от 28 флореаля XII г. (18 мая 1804 г.)². Органические сенатус-консульты, касались организации власти и дополняли конституционные положения. В некоторые статьи Сенатус-консультов содержалась ссылка на Конституцию, (напр., ст. 55 и 61 Сенатус-консульта от 16 термидора X г.; ст. 60 Сенатус-консульта от 28 флореаля XII г.). В данном случае, отнесение трех конституционных актов, принятых при Наполеоне, к конституционному блоку имеет основание, поскольку они регулировали не только однородные общественные отношения, но и имели структурированную иерархическую систему. По аналогии с приведенным примером, можно говорить и о конституционном блоке Третьей французской республики, который составляли не только три Конституционных закона 1875 г., но и два органических — «О выборах в Сенат» и «О выборах в Палату депутатов». Таким образом, при расширительном толковании кодификации, как формы систематизации, применительно к истории французского конституционного права, понятие «конституционный блок» применим к различным историческим эпохам, когда формировалось систематизированное конституционное законодательство.

Литература

1. Avril P., Gicquel J. *Lexique de droit constitutionnel*. Paris: PUF, 2016.
2. Chantebout B. *Droit constitutionnel*. 30-e éd. Paris: Sirey, 2013.

¹ Карпенко К.В. Эволюция понятия Конституции при V-ой республике во Франции // Черные дыры в российском законодательстве. 2013. № 6. С. 13.

² См.: Morabito M. *Histoire constitutionnelle de la France de 1789 à nos jours*. 12-e éd. Paris: Montchrestien, 2012. P. 163.

3. Duguit L. Traité de droit constitutionnel. T. 3. 2-e éd. Paris: Ancienne librairie Fontemoing & C, 1923.
4. Hamon F., Troper M. Droit constitutionnel. 36-e éd. Paris: LGDJ, 2015.
5. Morabito M. Histoire constitutionnelle de la France de 1789 à nos jours. 12-e éd. Paris: Montchrestien, 2012.
6. Карпенко К.В. Эволюция понятия Конституции при V-ой республике во Франции // Черные дыры в российском законодательстве. 2013. № 6.
7. Пилипенко А.Н. Классификация и систематизация законодательства Франции // Журнал российского права. 2001. № 9.
8. Сийес Э.-Ж. Что такое Третье сословие? СПб.: Голос, 1905.

ФЗ № 436-ФЗ	Издание не подлежит маркировке в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1
----------------	--

Научное издание

**СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В ФОКУСЕ ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ НАУКИ
(К 470-ЛЕТИЮ ПРИНЯТИЯ СУДЕБНИКА 1550 Г.)**

Сборник научных трудов

Под общей редакцией *Д.А. Пашенцева*

Подписано в печать 19.04.2021.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,63.
Тираж 500 экз. Заказ № 00000

ТК 759272-1513123-190421

ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М»
127214, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1
Тел.: (495) 280-15-96, 280-33-86. Факс: (495) 280-36-29
E-mail: books@infra-m.ru <http://www.infra-m.ru>

Отпечатано в типографии ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М»
127214, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1
Тел.: (495) 280-15-96, 280-33-86. Факс: (495) 280-36-29

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

ISBN: 978-5-16-017013-8

9 785160 170138